МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Огненная пора
Пол Андерсон

Аннотация
Пол Андерсон. Огненная пора
Пролог
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19

Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Эпилог

Аннотация

В романе «Огненная пора» — красный гигант приближается к планете Иштар, выжигая ее своими лучами; орды дикарей устремляются к экватору из полярных областей планеты, и земные поселенцы вынуждены бороться за выживание среди враждующих племен аборигенов.

Пол Андерсон
Огненная пора

Халу Клементу, кователю миров

Пролог

Страшно попасть в руки абсолютно справедливого человека.

Даже в суде от его вида холодило кровь, а нас повезли к нему домой. Мы вышли из флаера в тусклые сумерки, охватившие нас серо-голубым маревом, сгущавшимся в черноту на обрамлявших долину горных склонах и чуть-чуть фиолетовым вокруг ранних звезд. Между звездами блеснул сторожевой спутник и скрылся в тень Земли, будто его задул налетевший с дальних снегов порыв холодного ветра. Пахло ледниками и просторами.

Дом, построенный из натурального камня, подавлял своей громадой, как и окружавшие его горы. Мало кто из людей на планете-матери человечества мог позволить себе роскошь уединения. Президент Трибунала — мог. Над окованной железом дубовой дверью горел в бронзовой раме светильник. Пилот указал нам дорогу, всем своим видом свидетельствуя, что Даниэля Эспину не следует заставлять ждать.

Сердце у меня замирало, но мы шли уверенно.

Дверь отворилась. За ней стоял служитель, живой, хотя и не человек.

— Buenas tardes, — произнес часовой-робот. — Siganme ustedes, por favor.[1]

По обшитому темными панелями коридору мы прошли в комнату, очевидно, предназначенную для подобных встреч.

Она была высокой и просторной, наполненной древностями и тишиной. Ковер на полу гасил звук шагов. Возле инкрустированного слоновой костью тикового стола стояли кожаные кресла и диван. Напротив резной мраморной совы невозмутимо тикали Дедовские часы, помнящие несколько столетий. На полках вдоль стек стояли сотни книг — не микрофильмы, а печатные тома. Каким-то необъяснимым образом современный письменный стол и терминал на нем — для коммуникаций, работы с данными, записи, ведения проектов, печати документов и тому подобного — не нарушали гармонии.

Дальняя стена комнаты была прозрачной. За ней высились горы с лесистыми склонами и заполненными вечерней мглой долинами, дальше угадывались снежные пики, и с каждой

---

[1] Примечания: 1

Добрый вечер. Следуйте за мной, пожалуйста. — *(исп.)*

минутой над ними загоралось все больше звезд. Перед стеной в своем передвижном кресле сидел Эспина. Как всегда, в своей черной хламиде, скрывавшей все, кроме обтянутого кожей черепа и костлявых рук скелета. Нас остановил взгляд его живых глаз.

— Добрый вечер, — произнес он спокойным, без всякой интонации голосом, будто мы были его гостями, а не ожидающими приговора преступниками. Будьте добры присесть.

Мы поклонились и сели каждый на краешек кресла, не сводя с него глаз.

— Я думаю, удобнее всего нам будет говорить по-английски? - осведомился он.

Я счел вопрос риторическим. Мог ли он не знать? Чтобы скрыть свою неловкость, я ответил:

— Совершенно верно, Ваша честь… сэр… Как вы помните, на Иштар это уже давно язык общечеловеческий. Те, кто там постоянно живут, даже по-испански говорят хуже — нет практики. Так случилось, что персонал базы в самом начале был в основном англоязычный… а с тех пор они были в изоляции…

— До последних событий, — оборвал он мою бессвязную речь.

Дзк, сказали часы. Дзк. Дзк. Через минуту Эспина пошевелился и спросил:

— Кто желает кофе, кто — чай?

Каждый из нас пробормотал свой выбор; он подозвал слугу и отдал распоряжение. Пока тот выходил, Эспина достал из складок своего одеяния серебряный портсигар, зажал между пожелтевшими пальцами сигарету и, глубоко затянувшись, прикурил от зажигалки.

— Курите, если желаете, — пригласил он без радушия или враждебности. Просто проинформировал нас, что он не возражает. Мы не шевельнулись. Его взгляд холодил, как ветер с вершин.

— Вы удивлены, что я вас сюда позвал, — произнес он наконец. — Это против всех обычаев, не так ли? Кроме того, если даже судья считает своим долгом провести конфиденциальный допрос заключенных, то зачем таскать их физически через половину земного шара?

Он глубоко затянулся, и его лицо египетской мумии скрыла дымная вуаль.

— Что касается второго пункта, — продолжал он, — голография вполне могла бы избавить меня от путешествий, к которым я потерял вкус. Но это не совсем то, что живая плоть, — он посмотрел

на свою высохшую руку, — которой у вас все ещё более чем достаточно. Когда вы здесь, у меня дома и у меня на глазах, это совсем не то, что предстать перед моей цветной тенью. Хотел бы я, чтобы побольше чиновников это понимали.

Его охватил приступ кашля. Перед моим мысленным взором пролетел список его исторических решений и речей. Никогда нельзя было заметить в нем такой телесной немощи. Уж не давал ли он команду компьютерам стереовизоров на микрозадержку и корректировку передаваемых изображений? Это стандартная практика для политиков, наравне с другими способами приукрашать действительность. Но Трибун Эспина никогда не делал себе поблажек. Или делал?

Он судорожно вдохнул, затянулся новой порцией яда и продолжил:

— Что же касается пункта первого, то в моем кабинете не бывает рутинных процедур. Ни одно дело не имеет прецедентов.

— Подумайте сами, — ответил он на наше невысказанное удивление. — Мои суд — последний суд для тех дел, которые ни под какую юрисдикцию не подпадают. Следовательно, полного прецедента существовать не может. На приблизительных, определениях могут бази-

роваться не только законодательства, но даже философии. «Человек» — такое же бессмысленное слово, как «флогистон». Скажите, если сможете, что общего в нашей объединенной законами Мировой Федерации между преуспевающим японским инженером, вожаком шайки из трущоб американского города, русским мистиком или крестьянином из засушливой Африки? Да и к тому же мы все чаще и чаще имеем дело с внеземными событиями, — его голос осекся, — а это чертовски странный мир.

Мы посмотрели туда же, куда и он. Он тронул рычажок на поручне коляски, и внутреннее освещение померкло, впуская в комнату наступившую ночь.

Черноту наводняли звезды, почти по-космически яркие и почти по-космически многочисленные. Переливался от горизонта до горизонта пояс Галактики; мне вспомнилось, что в Хаэлене его зовут «Зимняя дорога». Пониже к югу его перехватывал Стрелец. Там я поискал взглядом и, как мне показалось, нашел тот клочок сияния, каким должно видеться с Земли тройное солнце Анубелея. Рядом с ним световая ткань прорезалась темным пыльным клином. Где-то ещё рождались невидимые нам странствующие

миры, со своей плотью и душой, столь отличной от нашей, обожженные в нейтронных печах, в этих чужеродных ямах, названных черными дырами. Галактика за галактикой мчались по спирали вечности, и не то что ответить, а и спросить немыслимо, откуда все это вышло, и куда вернется, и зачем.

Сухой голос Эспины вернул меня обратно:

— Я некоторое время изучал ваше дело, а также выслушал свидетельские показания. Мои ученые коллеги выразили сожаление по поводу зря потраченного времени. Они напомнили мне о задачах, которые считали более срочными, особенно сейчас, во время войны. Неподчинение приказу — это дело очевидное, а мелкий эпизод большого значения не имеет. Подсудимые признали обвинения, их надо наказать — и дело с концом.

— Тем не менее я продолжал рассмотрение. — Он кивнул на свой искатель информации. — Не сомневаюсь, что могу вытащить любой факт, который по закону считается неподчинением приказу, и ещё много чего вдобавок.

Он помолчал и закончил:

— Фактов-то много. Но сколько в них правды?

Я осмелился вставить слово:

— Сэр, если вы имеете в виду моральные аспекты, оправдания, то мы просили дать нам возможность объяснить наши действия и получили отказ.

— Разумеется. — Он не сдержал раздражения. — Неужели вы не понимаете, что суд, имеющий дело со сложнейшими вопросами, часто межрасовыми, будет просто парализован, если допустит эмоциональные сцены на предварительных слушаниях?

— Понимаю, сэр. Но публичного заявления нам также не разрешили. Нас держали incommunicado, а предварительные слушания были закрытыми. Я не уверен, что это законно.

— Мое решение. Властью, данной мне в военное время. Можете убедиться, что для этого были свои причины.

Скрюченное тело подалось вперед, слишком старое для лечения, слишком живое для сковавшей его болезни. Глаза держали нас на прицеле.

— Здесь можете ораторствовать сколько угодно. Хотя я бы вам этого не советовал. Мне от вас нужно гораздо более тонкое и гораздо более трудное дело, чем ваши персональные возражения против каких-то действий Федерации. Я хочу провести расследование по вопросам несуще-

ственным, в компетенцию суда не входящим и к делу не относящимся. Я хочу показаний с чужих слов и умозаключений свидетеля. Вы готовы были принести в жертву свое будущее для этих чужаков. Почему? Его рука рубанула воздух.

— Забудьте на время о себе, если можете. Расскажите мне о них, какими вы их знаете, или, точнее, какими вы их воображаете. Конечно, я проходил несколько курсов ксенологии. Я фактически вернулся в детство и перечитал эти сахариновые «Сказки с далекой Иштар». Слова и картинки, и это все! Дайте мне ощутить факты. Заставьте меня почувствовать, что значит снова встретить день судьбы на пути своей жизни.

Вошел слуга с подносом.

— После, если захотите, вы получите алкоголь или любой другой наркотик, который вам понадобится для расслабления, — сказал Эспина. — Но лучше не сразу. У нас очень ответственное задание.

Он отпил из чашки. До меня донесся смоляной аромат «лапсанг сочонга». Допрос начался.

Глава 1

В Огненную пору нет мира северным краям от Дьявольского Солнца. Днем и ночью, летом и зимой палит оно с высоты, пока не остается ни дня, ни зимы. Этой есть Старкленд, где мало кто из смертных сумел побывать и никто не смог бы жить, будь год хорошим или плохим. Тамошние дауры, направляясь на юг по своим неведомым делам, видели, как тонет Красный, пока не скрывается иногда за горизонтом у них за спиной.

Перевалив за Пустынные холмы, путешественник оказывается среди тассуров — народа границы, обитателей южной части Валеннена, заходивших на север дальше других. Земля, жизнь и небо были здесь одинаково чужды человеку.

Когда Родитель Бурь бывал от мира далеко и почти не выделялся среди ярких звезд, в этих местах времена года друг от друга почти не отличались. Зимой можно было надеяться на дождь и дни бывали чуть короче ночей, но это и все. (Говаривали солдаты и торговцы Союза, что далеко на севере есть места, где временами никогда не встает Истинное Солнце, а холод так могуч, что

лед ложится даже в долины.) Но Огненная пора все меняла. Тассуры среди лета видели Чужака днем — два солнца сразу, а на вершине зимы Чужак шел по небу один, но не было ни минуты благословенной тьмы.

И так же было с теми, кто путешествовал на юг через океан. Времена года менялись местами, в Бероннене была зима, когда в Валеннене лето, а Поджигатель понемногу уходил к югу. Наконец он достигал тех мест, где никогда не видели его в Огненную пору, как раз тогда, когда он уже отступал далеко и не мог причинить вреда. Тассуры считали, что там лежит возлюбленная богами страна, и не верили рассказам пришельцев о холоде и нищете тех краев.

Арнанак же знал, что рассказы эти правдивы. Он там бывал сотню лет назад, когда был легионером Союза. Но своих солдат он не разубеждал. Пусть верят во что хотят, тем более когда такая вера будит зависть, подозрительность и ненависть к чужакам. Ибо он готовился к последнему удару.

Рог затрубил на холмах вблизи Тарханны. Осколками и брызгами рассыпалось эхо. Громче заревела река Эзали, торопясь вырваться из каньона к равнине. Еще не выпила её до тонких

струек меж раскаленных, обжигающих ноги камней вечная засуха, которую ещё дед Арнанака помнил со своих щенячьих лет, но уже был недвижен и горяч воздух, и поднимались дымные испарения от высыхающих кустов и лиа.

Истинное Солнце, царившее на небе в одиночку, склонялось к западной гряде холмов. Его щит казался тускло-желтым в дымном мареве пепла и пыли, поднимавшемся от горящих лесов и долин, где кочевало пламя. В других местах небо было чистое и такое голубое, что казалось, отзовется звоном на удар. Темно-синие тени сбегали по кручам и обрывам, окрашиваясь пурпуром в долинах и оврагах.

И снова протрубил Арнанак. Воины оставили укрытия в тени и подбежали к нему легкой рысью. Боевые доспехи (у кого они были) надевались только перед боем. Сейчас на каждом из мужей были только перевязь, ножны, колчан да сумка. Зеленая шерсть, отливающие золотом и зеленью красно-коричневые гривы, черные лица и руки ярко выделялись среди коричневатой растительности и обломков камней. Высоко над головами поблескивали наконечники копий, хвосты возбужденно хлестали по бокам. Они сгрудились у подножия невысокого утеса, где стоял

Арнанак, и мужской их запах был как дыхание мокрого железа.

Гордость не помешала Арнанаку прикинуть их число. Около двух тысяч. Это куда меньше, чем ему скоро понадобится. Однако для начала неплохо. И прибыли они отовсюду. Самый большой путь проделало его собственное войско от Улу под самой Стеной Мира. А по одежде, снаряжению, орнаменту, обрывкам речи он узнал и других мужчин со всего Южного Валеннена — горцев, лесорубов, следопытов с равнин, морских охотников с побережья и островов. Удастся им захватить торговый город — их народы пойдут следом.

И в третий раз протрубил рог. Молчание легло на землю, и только вода, невидимая, говорила среди камней. Арнанак дал им хорошенько рассмотреть себя и лишь потом заговорил.

Народ любуется тем, у кого хватило силы захватить и ума удержать богатство, и потому он носил кучу дорогих безделушек. С листьев его гривы сверкали лучи усаженной каменьями золотой диадемы. Золотые цепи вились вокруг плеч и голеней. На всех четырех пальцах каждой руки сияли перстни, многоцветная попона из Сехалы драпировала холку и горб. Поднятый призывно меч отсвечивал булатным узором, выкованным

в южных заморских странах, но уж он-то безделушкой не был.

За ним высоко раскинуло охряные ветви дерево феникс, и его листья образовали мощную голубую крышу. Под её укрытием взошли новые побеги, выстраиваясь в частокол бронзовых стеблей и ржавой тени. Арнанак давно уже выбрал это место для сбора и постарался прибыть первым, отчасти для того, чтобы объявить его своим. Он не запрещал другим быть здесь, поскольку вынужден был предложить им гостеприимство, кроме того, он хотел остаться под открытым небом и прямым солнцем, как самый несчастный пришелец. Это было нужно для Задуманного им зрелища.

Тяжелой поступью пододвинувшись к краю утеса, он посмотрел в глаза воинам, набрал полные легкие воздуха, и над толпой прокатилось:

— Эй, тассуры! Я, Арнанак, оверлинг народа Улу, буду говорить, а вы будете слушать. Те, кто несли эстафету войны от дома к дому, мало что могли вам сказать, кроме места встречи и времени, когда луна пойдет среди звезд так-то и так-то. Вы знаете, что я искал и нашел много союзников и вассалов на западе, и в других странах не меньше. Вы слышали, что моя цель прогнать

чужаков за море и дальше и открыть нам путь на юг прежде, чем запылает всей мощью Огненная пора. И вы угадали, что первый удар я хочу нанести по Тарханне. Но то же самое знает, слышал и мог угадать легион. И я не хотел рисковать, что шпионы или предатели выдадут врагу подробности наших планов. И я не гневаюсь, что многие мужчины повернули назад. Кто-то боится меня, кто-то боится моего поражения. К тому же сейчас время, когда каждый дом должен запасти все, что может, дабы прокормиться в плохой год и страшные годы, что пойдут за ним. То, что вас здесь все же так много, — это хороший знак. На закате мы выступим, и я сейчас расскажу вам наш план. Я выбрал весну, поскольку это время тяжкого труда у народа тассуров. Легион в это время ждет от нас не больше чем нескольких набегов — но уж никак не штурма главной твердыни Союза. Я-то знаю их мысли, этих южан заморских. Через их же лазутчиков я дал им понять, что мы не выступим раньше лета, когда накопим что-то у себя в кладовых и когда темнота и прохлада ночей прикроют наше движение. И все-таки у нас будет полночи в запасе перед восходом Красного — время добраться до Тарханны, и две луны осветят нам путь. Я прошел этот путь дважды, и я его

знаю. И ещё я знаю, что солдат в гарнизоне мало. Легиону пришлось часть их бросить на борьбу с пиратством на Восточном побережье — пиратством, которое я там затеял именно для этого!

Говор прошел по рядам. Голос Арнанака перекрыл его:

— Сегодня мы с вашими вождями решили, что делать. Будьте только верны своим знаменам. Мы разделимся и ударим по северным и южным воротам двумя отрядами. Когда бой свяжет солдат, небольшой отряд штурмует стену, что выходит к реке, — этого никто не ждет, потому что подъем там считается невозможным, но мои моряки не раз проделывали такое на стене, что мы построили у себя в Улу. Они проложат дорогу другим и вместе ударят в те ворота, где защита будет слабее; ворота откроются, и город будет наш. И если, воин, в доме твоем голод, вспомни об островах Огненного моря. — они до сих пор тучны и слишком сильны, чтобы мы смогли их захватить, но там ты сможешь обменять свою долю добычи на еду. Но прежде всего помни, что мы только начали свержение Союза. И дети твои будут жить в возлюбленной богами земле. Свои слова я подкреплю знамением.

Последние слова улетели вслед за солнцем. Оно

скользнуло за горизонт, и сумерки, как волна, захлестнули холмы вокруг. Из-за такой же гряды на востоке вышла Килуву, её зубчатые края мерцали в непрерывном движении. Морозный свет задрожал во внезапно наступившей недоброй тьме. Где-то завыл пожиратель падали, шум реки стал громче. Земля и камни ещё полыхали жаром, но сразу стало легче дышать.

Движением хвоста Арнанак подал сигнал даурам. Они выскользнули из зарослей, как ещё семь теней, и лунное сияние озарило их призрачный облик и Дар, который нес в руках их предводитель.

По темной массе под утесом прошел свистящим шепотом ужас, переходящий в гнев. Склонились вперед копья, сверкнули, вылетая из ножен, клинки. Арнанак взял в руки и высоко поднял Дар, играющий сиянием и тьмою.

— Не страшись! Стой твердо! — выкрикнул он. — Нет здесь проклятия. Эти твари со мной!

Дав воинам успокоиться, он продолжал уже тише:

— Многие из вас слыхали, что я сделался другом дауров. Вы слыхали, как я странствовал в землях Старкленда, где они являются взору и где не бывал ранее ни один смертный, и как я вынес

из их города-гробницы Дар власти. И это правда. Так победим! Сегодня мы начнем. Я сказал, а вы слышали.

Еще до выступления войск поднялась на востоке Нарву — поменьше, потусклее, помедленнее, зато, в отличие от Килуву, полная. Полная в свете Истинного Солнца. Чужак заливал обе луны багряным светом. Свет двух лун, звезд и Моста Привидений освещал путь.

Но спуск в долину был труден. Арнанаку часто приходилось цепляться всеми пальцами каждой из четырех ног, упираясь в предательски осыпающиеся кручи. Сердца его трепетали. Глотка пересохла, как скребница, которой он чистил бахрому на ногах. Пересохли и листья гривы, брови и складки шкуры. Ночь, как инкубатор, высиживала духоту. Он знал, что скоро станет легче, но усталое тело отказывалось верить.

Свои сокровища и Дар он оставил позади на попечение дауров. Ни один тассур, как и ни один легионер, не попытается украсть что-нибудь у этих тварей. Завидев их, любой сбежал бы или, если он отчаянно смел, предложил бы договориться на месте в надежде на удачу в будущем. Свое снаряжение Арнанак нес на спине. Доспехи беронненской работы, сохранившиеся у него с тех

времен, когда он служил Союзу, были тяжелее, чем у тех, кто шел за ним.

Он слышал их поступь, тяжелый топот, звяканье металла, приглушенные ругательства и тяжелое дыхание. Чтобы ему повиновались, он всегда должен быть впереди — и в походе, и в битве.

Глупо, подумал он. Глупо. Цивилизованные народы умнее. Его командир в годы службы в легионе был давно уже ослаблен ранами, но оставался командиром, потому что не было равного ему тактика или знатока военных будней. Варвары — вот именно, варвары — могут победить цивилизацию лишь в виде исключения, когда она терпит крах.

И он был рад, что легионом, который предстояло выбросить с этой земли, был Зера, а не его прежний — Скороходы Тамбуру.

Конечно, их могут прислать сюда как подкрепление. Но это мало вероятно. Союз терял свои провинции одну за другой, как это случалось с цивилизациями тысячи лет назад, когда возвращался Родитель Бурь. Стоит потерять Валеннен — и Союз вряд ли сможет его вернуть, хотя это будет означать и утрату островов Огненного моря, а потом и…

Вот только люди… Что может знать мужчина о существах причудливее самих дауров, о тех, кто пришел из такого далека, что их солнце теряется в небе — если можно верить их словам?

Арнанак стиснул рукоять меча, висевшего в ножнах у него на боку. Если он слышал, понял и догадался правильно, то у людей слишком много дел в окрестностях Сехалы, чтобы помочь столь отдаленному посту. Чужие, они не поймут, насколько важно выступление валенненцев, а когда поймут, будет уже поздно. А тогда — почему бы им не иметь дела с Высоким Оверлингом? У него будет тогда больше силы и больше чего предложить, чем у этих обломков Союза.

Если только он понял правильно и рассчитал верно.

Если нет, он умрет, и почти все его войско с ним. Но их так и так убьет Огненная пора, и эта гибель похуже смерти в бою. Арнанак выхватил меч и заставил себя ускорить бег по каменистым и крутым склонам холма.

На равнине двигаться стало легче. Повинуясь вождю, воины держались подальше от торговой тропы, хотя дважды проскальзывали к реке утолить жажду и смочить растения на шкуре. Они боялись встречи с дозором, случайно уце-

левший солдат мог поднять тревогу. Поэтому они двигались напрямик. Поля были лишены растительности, если не считать колючих изгородей. Здешний народ, обученный жителями городов, уже два или три шестидесятичетырехлетия занимался земледелием. Зерно, хлебные корни и приручённые животные росли хорошо. Но приходила Огненная пора, на фермы, где была еда, обрушивалось больше набегов, чем мог сдержать легион, и погода уничтожала посевы и привычных к более мягкому климату животных из Бероннена. Земледельцы спешили оставить свои дома, пока ещё была возможность заняться чем-то другим. Отряд Арнанака не встретил никого на своем пути. Однако пастбища ещё не совсем погибли, и бойцы слегка подкормились на переходе.

Когда они свернули к реке, восток уже посветлел. Чернея над головами, поднимались перед ними закрывающие луны и звезды сторожевые башни и стены Тарханны. Предводители вполголоса отдали команды остановиться и вооружиться раньше, чем взойдет Дьявольское Солнце и выдаст их страже.

Почва и воздух были почти холодными. Сам по себе Чужак сильно не сможет их разогреть.

Хотя он бывал и побольше Истинного Солнца, когда проходил вблизи мира, света и тепла от него было меньше — примерно в пять раз, как однажды сказал Арнанаку философ из Сехалы. Худшее время Огненной поры наступит, когда Мародер повернет обратно.

И все же сегодня, когда наступит истинный полдень, равнина будет гореть. (И это ещё только весной, в ранний год беды!) Арнанак надеялся оказаться в городе прежде, чем это случится. Сможет он к тому времени снять броню или нет — зависит от гарнизона. Он надеялся, что легионеры сдадутся и согласятся на предложение уйти без оружия на свободу. Цивилизованные солдаты считают пустой бравадой умирать за проигранное дело. Однако их капитан может решить, что смерть — подходящая цена за головы стольких варваров, скольких он сможет перебить.

Вот тогда и забурлят поминальные котлы, и все народы из края в край Южного Валеннена пойдут под знамена оверлинга из Улу для дела отмщения.

Он раскрыл мешок, надел шлем и кольчугу с помощью своего знаменосца, взял на руку щит. Злой рассвет начинал заливать землю багрянцем. Арнанак выхватил меч, и тот сверкнул в

лучах зари.

— Вперед! — раздался его голос. — Атака и победа!

Он перешел с рыси на галоп. Земля за ним вздрогнула и застонала от тяжелой поступи его воинов.

Глава 2

Дверь мелодично прозвонила и смолкла.

— Войдите, — откликнулся Юрий Дежерин. Поднимаясь, он рукой сделал фоноплейеру знак замолчать. Была бы это какая-то классика из банка данных ну там, Моцарт или древнеиндийская рага, — он бы просто приглушил её до приемлемого уровня. Однако большинство гуманоидов не выносят музыки Джин, хотя на этой планете культура постарше земной и поутонченнее. Чтобы её понять, нужен интерес, порождающий терпение, плюс хороший слух.

Дверь впустила молодого человека с эмблемой эскадрильи охотников на форменной одежде. Она сияла новизной, и честь молодой человек отдал несколько неуклюже. Но в условиях лунного притяжения он держался уверенно; его не признали бы годным к службе, не будь у него способности приспосабливаться к переменам в тяготении быстрее прочих. У вошедшего была высокая и мощная фигура, красивое лицо блондина-европейца. Дежерин подумал: в самом ли деле по офицеру видно, что он родился и вырос

вне Солнечной системы? Если знать заранее, то признаки этого можно увидеть в облике, осанке, в походке, даже если их нет.

Более надежен акцент. Дежерин избавил своего гостя от необходимости преодолевать препятствия общения на испанском и произнес по-английски:

— Младший лейтенант Конуэй? Вольно. Проще говоря, чувствуйте себя свободно. Хорошо, что вы пришли.

— Капитан посылал за мной.

Конуэй говорил на довольно странном диалекте, заметно отличном от панъевропейской версии Дежерина. Это был диалект с примесью мягкости и певучести, слегка… слегка нечеловеческих, что ли?

— Я пригласил вас посетить меня, просто пригласил. Дверь закрылась, и Дежерин озадачил своего гостя, протянув руку. После минутного колебания тот её пожал.

— Вы можете сделать мне большое личное одолжение и, возможно, оказать услугу Земле тоже. Может быть, я смогу вас отблагодарить, но это не наверняка. Что наверняка, так это то, что мы очень скоро отсюда отбудем и я отнимаю у вас время, которое вы могли бы провести с де-

вушками или на спортплощадке. Самое меньшее, что я могу для вас сделать, — это предложить выпить. — Взяв Конуэя за локоть, он подвел его к креслу напротив своего, продолжая болтать. — Вот почему я предложил встретиться в моей квартире. В казарме или в клубе слишком много народу, а в кабинете — слишком официально. Какой напиток вы предпочитаете?

Дональд Конуэй сел под нажимом дружеской руки Дежерина.

— Я… как вы скажете, капитан, спасибо, сэр.

Он глотнул.

Дежерин улыбнулся, стоя над ним.

— Да расслабьтесь, забудьте звания. Мы здесь одни, и я не намного вас старше. Сколько вам лет?

— Девятнадцать — то есть я хочу сказать, двадцать один, сэр.

— Привыкли к иштарийским годам? Ну, а я в прошлом месяце отметил тридцатый день рождения — по земному календарю. Не такая уж зияющая пропасть?

Конуэй несколько успокоился. Несмотря на нервозность, он смотрел на хозяина прямо и открыто, но теперь в его взгляде появилась какая-то задумчивость. Дежерин был среднего роста,

хрупкого сложения, с маленькими руками и ногами, с кошачьими движениями. В годы учебы он был чемпионом академии по акробатике. Правильные и тонкие черты лица, оливковая кожа, полные губы, карие глаза, темные, гладко зачесанные волосы и аккуратные усы. Одет он был в штатское — блуза, свободные шаровары из радужной ткани, таби и зори. Кольцо класса он носил стандартное, но тонкая золотая серьга в правом ухе говорила об известной степени дерзости.

— Главная разница, — продолжал он, — состоит в том, что я стал кадетом в семнадцать лет и с тех пор все время на службе. Вы же добрались до Земли два года назад, записались добровольцем в начале войны и еле успели пройти краткосрочную подготовку. — Он пожал плечами. — Ну так что ж? Потом вы закончите свое образование и продолжите путь к званию профессора изящных искусств, а когда меня спишут с корабля на половинное жалование, вы уже будете ректором большого университета. Итак, что вы предпочитаете? — Он открыл свой мини-бар. — Я буду коньяк с содовой.

— И мне то же самое, спасибо, сэр. У меня было немного случаев изучить… гм… науку питья.

— На Иштар не слишком большой выбор?

— Да нет, в основном домашнее пиво да местное вино. — Конуэй заставлял себя поддерживать светскую беседу. — У них не тот вкус, что у земных, а большинство тех, кто там живет всю жизнь, не интересуются импортными напитками. Мы экономически независимы, сельское хозяйство процветает, но экология у нас совсем другая, и это касается почвы, погоды, солнечной радиации… В общем, как бы там ни было, есть люди, которые держат винокурни, но они сами понимают, что хвастаться своим продуктом им не приходится.

— Ну вот, вы мне уже помогли, — засмеялся Дежерин. — Я предупрежден, что перед отбытием надо сделать запасы.

Пока он смешивал коктейли, Конуэй огляделся. Не адмиральская каюта, конечно, но довольно просторно, и мебель хорошая для базы «Циолковский». В мирное время эта база комфортабельна, но когда приходится тысячами перебрасывать людей на театр военных действий и обратно, все службы работают с перегрузкой. В казармах набивается народу вдвое, из-за нехватки энергии отрубаются генераторы искусственного тяготения, а это значит, что каждому достается

несколько лишних часов принудительной тренировки. На прогулочные краулеры выстраивается многочасовая очередь, и такая же — за альпинистским снаряжением и горными лыжами. А хочешь — можешь попытаться попасть на поезд к кратеру Аполло и надеяться, что тебя не слишком обдерут…

За полупрозрачной стеной, плохо различимой в мерцающем свете, открывался величественный вид. Небо пересекал грузовой корабль, спускаясь на запасную площадку, наспех вырубленную в базальте.

Комната почти не носила отпечатка личности хозяина. По космосу вообще путешествуешь налегке, а во время войны — практически в чем есть. Какие-то распечатки на столе, книжка про Анубелею, женский журнал, приключенческий роман и сборник стихов Гарсиа Лорки. Рядом стоял сигарный ящик.

— Прошу вас! — Дежерин протягивал Конуэю бокал. — Сигару? Нет? Что, табак тоже стал редкостью на Иштар? Ладно, я закурю, если вы не возражаете. — Он сел в кресло напротив и поднял бокал: — Salud!

— Ну, будем здоровы, — ответил Конуэй. Дежерин хмыкнул:

— Вы становитесь самим собой. Я этого и ожидал.

— Вы наводили обо мне справки, сэр?

— Я не интересовался ничем, кроме общедоступных сведений. Я не шпионю. Я лишь попросил банк данных подобрать людей с Иштар, с которыми можно поговорить. Он выдал ваше имя. Согласно записям в вашем деле, вы там родились и не покидали планету до последнего времени. Я не думаю, что труса или дурака могли бы терпеть столько времени, даже если бы он выжил. Далее, несмотря на то что вы выросли среди — сколько их там было? — пяти тысяч ученых, техников и их детей, да ещё в трехстах парсеках от Солнца, и земляне наезжали к вам редко, вы проявили такой талант в изобразительном искусстве, что вам предложили учиться здесь. А потом, когда разразилась война, вы не стали укрываться в студии, а записались добровольцем, да ещё в такие крутые войска. Чтобы узнать вас, мне было достаточно такой информации.

Конуэй вспыхнул, отхлебнул приличный глоток и выпалил:

— Очевидно, вы получили туда назначение, сэр, и вам хотелось бы услышать, что я могу рассказать. Но разве это не удивительно для вас,

с вашим послужным списком? Я имею в виду назначение.

Дежерин поморщился:

— Такое случается.

— Видите ли, сэр, я… после вашего вызова я тоже обратился к банку данных. — Как видно, бренди сразу ударило в непривычную голову Конуэя, он заговорил быстро и не задумываясь. Это не лесть, решил Дежерин, а просто попытка ответить на дружественное обращение старшего по званию.

— В моем возрасте вы получили Бриллиантовую Звезду за спасательную экспедицию на Калибане. Вы были старшим помощником на истребителе, капитаном крейсера, командиром строительства базы на Гее. Колоссальное разнообразие, даже для флота, где офицеров все время перебрасывают с места на место. И для своего звания вы очень молоды. — Тут он спохватился и покраснел. — Извините, сэр. Я не хотел…

— Все нормально, — Дежерин небрежно помахал сигарой, и только уголки его губ слегка опустились от неудовольствия.

— Если мое предположение правильно, сэр, на Гее есть туземцы, с нашей точки зрения весьма странные, но я не нашел никаких упоминаний об

их жалобах на вас: это значит, что вы обращались с ними правильно, разумно, доброжелательно. Может быть, командование считает вас лучшей кандидатурой в качестве нашего представителя на Иштар.

— Тогда почему бы им не послать туда вас? — спросил Дежерин и яростно выдохнул большое дымное кольцо. — Вы жили среди них. Вашей общине более сотни лет.

Конуэй заколебался, отвел глаза в сторону, потом тихо сказал:

— Ну, это не место для моего рода войск. И потом… не знаю, известно ли об этом в штабе… На Иштар меня не слишком хорошо встретят. Моя семья, родственники, старые друзья… они, видите ли, против войны. И многие очень даже всерьез.

Выражение лица Дежерина смягчилось.

— А вы-то сами как к ней относитесь? Конуэй выдержал его взгляд.

— Я ведь пошел добровольцем, верно? Я понимаю, что правые и виноватые есть на каждой стороне. Но на людей напали. Их хотят изгнать или отобрать у них кровью и потом добытую землю. Если это не остановить в самом начале, потом будет гораздо хуже. Я помню, как было с Алерионом.

— Вряд ли, сынок, — улыбнулся Дежерин. — Я и сам в тот год был очень занят собственным рождением. — Он снова стал серьезен. — Но вы правы, мы должны помнить уроки истории. А если говорить обо мне лично, то я видел нищету трущоб на Земле — своими глазами видел, чувствовал, нюхал эту вонь, и я видел людей, которые вышли оттуда ради Элефтерии, я видел, чего они добились и на что надеялись… Ладно, черт с ним. Меня не послали к ним на помощь, а направили за тысячу световых лет в другую сторону!

Он одним глотком допил бокал, решительно поднялся на ноги и подошел к бару.

— Еще налить? — спросил он спокойным голосом.

— Нет, спасибо. — Конуэй подыскивал слова. — Капитан, у командования свои резоны. Допустим, наксанцы делают внезапный обходной маневр и оккупируют Иштар. Там есть природные ресурсы. А кроме того, планета может сыграть роль заложника, и не только из-за тех нескольких тысяч человек, которые там живут, но из-за всех тех человеко-лет, что мы вложили в развитие науки и которые только начинают сейчас приносить плоды. Начнись переговоры, Иштар может

оказаться отличным козырем для Наксы.

— Вы так считаете? Мои инструкции предусматривают создание базы для отражения подобной угрозы, хотя и отдаленной, но все же угрозы для этого района космоса.

Конуэй кивнул.

— А такое задание либо должно быть сделано хорошо, либо окажется потерей времени и сил. Поэтому вас и выбрали. Однажды вам это удалось. Я ставлю свою Y-хромосому, что вас скоро направят на войну — если она к тому времени не закончится.

Дежерин снова рассмеялся:

— Tiens, вы знаете, как поднять человеку настроение, правда? Ладно, спасибо. — Он вернулся в свое кресло. — Эти наксанцы — ребята крутые и сообразительные. Я думаю, драка протянется годы.

— Надеюсь, что нет.

— Естественно. Если кому-то нравится сама идея войны, любой войны, прошлой, настоящей или будущей, так пусть он об этом скажет, чтобы мы его, сукиного сына, пристрелили, а потом разговаривали разумно. Меньшее из двух зол ни в каком случае не перестает быть злом. Да ещё — у меня были друзья на той стороне, раньше, в

лучшие дни.

Дежерин помолчал и добавил:

— Как вы понимаете, я хотел бы принять участие в том, чтобы с этим покончить. Я, понимаете ли, всерьез принимаю теорию, что мы — вооруженная рука Органов охраны мира Всемирной Федерации. — Он поежился. — Скажите, вот вы говорите, что на Ищтар люди против этой войны. Почему? Большинство интеллектуалов на Земле поддерживают её с рвением крестоносцев.

Конуэй отпил из бокала.

— Боюсь, из такой дали все это кажется не совсем настоящим. — Он подался вперед. — Основное, что я видел и слышал перед отлетом на Землю, когда конфликт был только возможен, но вести становились все неприятнее, а потом узнал из писем и разговоров с гостями из дома, — основное то, что они боятся краха своего главного дела, катастрофы всей планеты. В любом случае им урежут снабжение. Если дело продлится подольше, они уже не смогут получить никакого оборудования для работы. Возможно и что-нибудь похуже.

— А, — Дежерин выдохнул кольцо голубого дыма и наблюдал за ним сквозь прищур век, пока оно не растаяло. — Вот мы и пришли к тому,

что я от вас хотел. Информация. Быт и нравы. Советы. Кормление и уход за иштарийцами и за той небольшой, но почтенной научно-альтруистической колонией, которую содержит там Исследовательский консорциум. Все, что вы можете рассказать. Видите ли, я получил приказ на прошлой неделе. Почти все часы бодрствования и часть времени сна с тех пор я трачу на организацию решения своей задачи, и так будет до самого нашего отбытия, а это уже скоро. Не подобает мне сообщать младшему по званию, сколько на мои уши навешивается вышестоящей лапши…

Он остановился, видя недоумение Конуэя.

— Простите, сэр?

— Вам не приходилось такого слышать? До чего же вы невинны. Стандартная процедура возрастания энтропии до максимума. Важно то, что вы мой единственный шанс узнать реальную обстановку. Будучи невежественным настолько, насколько сейчас, я могу нанести любой вред и вообще провалить задачу.

— Но у вас же образование, у вас годы в космосе…

— О, да-да-да, — нетерпеливо перебил Дежерин. — Небесная механика системы Анубелеи мне понятна. Что-то я знаю об обитателях Иштар

и об их уникальной биологической ситуации. — Он перевел дыхание. — Планет, где человек имеет возможность разгуливать в рубашке, настолько мало, что каждый, у кого хоть что-то есть между ушами, может назвать те, что нам известны. И они рассыпаны по космосу на очень большом удалении друг от друга. Больше всего мы заняты теми, что поближе к дому. В то же время не забывайте: каждая планета — это целый мир, и понять его целиком невозможно. Bon Dieu, друг мой, я живу на Земле и понятия не имею об экологии её литорали, или истории китайских императорских династий, или о текущих склоках в Кенийской империи!

Он бросил сигару в пепельницу, со стуком поставил бокал на стол и схватил со стола книгу об Иштар.

— Ну, например, я изучал вот это. — Он говорил резко и быстро. Последнее издание, вышло десять лет назад.

Распахнув книгу на первой попавшейся странице, он сунул её под нос Конуэю:

— Смотрите.

Левая страница:

АНУБЕЛЕЯ В (БЕЛ)

Тип: G2, главная последовательность. Масса: 0,95 солнечной. Средний диаметр: 1,06 солнечного. Средний период обращения: 0,91 солнечного. Светимость: 0,98 солнечной. Эффективная температура: 5800 К.

ПЛАНЕТЫ

Основные параметры (Земля = 1,0)

Примечание. Астероиды распределены полуслучайным образом из-за звезд-партнеров. Полные орбитальные данные см. в приложении Д. Описание планет Б, отличных от Иштар, см. в главе XI.

Правая страница:

АНУБЕЛЕЯ В III (Бел III)

ИШТАР Основные параметры [Земля (3) =1,0]

Масса: 1,533. Средний экваториальный диаметр: 1,143, или 14 502 км.

Средняя плотность: 1,03 3 = 5,73 H_2O.

Среднее ускорение силы тяжести на поверхности: 1,183 = 1155 м/сек^2.

Период обращения вокруг звезды: 1,072 3, или 392 земных для =510 иштарианских дней.

Период обращения: 0,7753, или 18 час 36 мин 10,3 сек.

Наклон оси: 1,143, или 28°3 .

Средняя освещенность (только от Бел): 0,89 Солнце/Земля.

Средний угловой диаметр Бел: 1,03 Солнце/Земля, или 33°.

Среднее атмосферное давление на уровне моря: 1,123, или 810 мм рт. ст.

Нормальный состав атмосферы в объемных процентах: азот 76,90; кислород

21,02; водяные пары 0,35; аргон 1,01; углекислый газ 0,03 + прочее. Соотношение поверхности воды и суши: 1,20 3 — 2,94:1.

Примечание. Обе луны имеют неправильную форму, в особенности I; диаметры и угловые диаметры — как они видны с поверхности Иштар, вычислены для эквивалентных сфер. Более полная информация и обсуждение см. в главе III.

— Что я могу здесь найти такого, чего нет в справочнике навигатора? — спросил Дежерин. — Да, yes, si, ja, — есть ещё тексты, картинки, анекдоты. Для туриста неплохая возможность заранее познакомиться с целью поездки, если найдется

турист, который поедет в такую даль. И я это тоже прочел, и записи стереовизора крутил часами, я знаю, как выглядит иштариец…

Разговаривая, он листал страницы и без видимой причины остановился на этой иллюстрации.

На ней были изображены мужская и женская особь, и для масштаба человек. Самец был побольше, размером с небольшую лошадь. Слово «кентавроид» давало довольно приблизительное описание. Двурукий торс плавно переходил в четвероногое туловище, и над их соединением возвышался бычий горб, соединяющий горизонтальную часть спины с почти вертикальной. Тело имело скорее львиные, чем конские очертания. Крепко сколоченное, с длинным хвостом, с опушенными бахромой ступнями с тремя пальцами на каждой. Богатырские мышцы рук напоминали о том, что сила тяжести на Иштар больше земной. На каждой руке было четыре когтистых пальца. Голова большая и круглая, уши большие и заостренные (слегка подвижные), нижняя челюсть и подбородок напоминают человеческие, зубы белые и небольшие, за исключением двух верхних клыков, выступающих изо рта. Вместо носа короткое рыльце, кончающееся одной ши-

рокой ноздрей, разрез которой сужался книзу. Кошачьи усы обрамляли верхнюю губу. Глаза тоже напоминали кошачьи, без белков, у самки золотистые, у самца синие.

Лица и руки безволосые, кожа (у представителей беронненской расы) светло-коричневая. Большая часть тела покрыта темно-зеленой шерстью, напоминающей мох. Сходство со львом усиливалось пушистой гривой, покрывавшей голову, шею и спину до горба. Она состояла не из волос, а из густо покрытых листьями лиан. Те же растения образовывали дуги бровей.

Имеет место выраженный половой диморфизм: самка сантиметров на пятнадцать меньше, с коротким хвостом. Горб побольше и более пологий, не такое нагромождение мышц, как у самца. Круп шире и живот более округлый, вымя с двумя небольшими сосками, внешние половые органы ярко-красные. В поясняющем тексте говорилось, что самки пахнут сладковато, а самцы — как горячее железо; речь и слух лучше развиты у самок.

Аборигены не носят одежды, если не считать перевязи для сумки и ножа. Изображенный на картинке самец держал в руке копье, а на плечах — что-то вроде лука. У самки был длинный лук, колчан и нечто похожее на деревянную флейту.

— Я знаю, что их биохимия похожа на нашу, мы можем есть пищу друг друга, хотя некоторых существенных компонентов будет недоставать и нам, и им. И они тоже пьянеют от спирта. — Дежерин захлопнул книгу. — Совсем как дома, правда? Если не считать, что люди уже сотню лет провели на Иштар, стараясь понять её жителей, и вы намного лучше меня знаете, как они далеки от своей цели!

Он бросил книгу через всю комнату на койку.

— Долгий ещё остался путь, — согласился гость.

— Да ещё эти люди. Верно, верно, там, в Примавере, все время меняется половина населения. Исследователи, выполняющие уникальные проекты, техники на контрактах, археологи со своей временной базой по дороге на… как эту мертвую планету зовут, Таммуз? И все-таки у них какая-то специфическая преданность Иштар. А ядро составляют постоянные жители, карьеристы, приличный процент второго и третьего поколений иштарийцев, у которых в организме уже и атома земного не осталось. — Дежерин растопырил пальцы. Понимаете, до чего мне нужен — как бы это сказать — хотя бы общий обзор? На самом деле мне нужно гораздо больше, но хотя бы

это. Так что, друг мой, не будете ли вы так добры допить свой бокал, чтобы я вам налил второй? Пусть ваш язык развяжется. Используйте свободные ассоциации. Расскажите о вашем прошлом, о семье, о друзьях. А я хотя бы смогу передать им привет от вас и какие-нибудь презенты, если вы захотите.

— Но помогите мне. — Дежерин со стуком поставил второй бокал на стол. — Дайте мне хоть какие-то идеи. Что мне им сказать, как не настроить их против себя и склонить к сотрудничеству со мной — человеком, который приходит как проводник политики, ведущей к краху их надежд и планов?

Конуэй сел поудобнее и долго смотрел, казалось, куда-то за лунный пейзаж. Потом он, взвешивая слова, произнес:

— Вам бы лучше начать с того, чтобы показать им документы Олайи, которые вызвали столько шума в прошлом месяце.

— О причинах войны? — удивился Дежерин. — Но ведь там сплошная критика.

— Не совсем. Они старались сохранить объективность. Конечно, каждый знает, что Олайя не энтузиаст этого дела. Он, я думаю, слишком аристократ. Но он чертовски профессиональный

журналист и здорово поработал, представляя разные точки зрения.

Дежерин поморщился:

— Он главное забыл: элефтерийцев. Осмелевший Конуэй возразил:

— Честно говоря, я — и не я один — не считаю это самым главным. Я ими восхищаюсь, я им симпатизирую, но главным я считаю то, чтобы мы, человечество, управляли событиями, от которых зависит наше выживание как вида. На Иштар я видел, как поднимался такой хаос… — И, сменив тон: — Но я вот к чему веду. Вот кто-то, как, например, моя сестренка Джилл, всю свою жизнь там прожила, и она — то есть такие, как она, — знает, какой ужас несет их планете приближение Ану. Если бы они могли понять, что жертва приносится ради высшего добра… Но они, вы знаете, люди разумные и тренированные в научном скептицизме. Они всю жизнь изучают самые причудливые культуры и конфликты. Никакой простой пропагандой их не пробьешь. А вот это шоу Олайи — оно честное. И потому оно доходит. Я это чувствовал сам, и я… ну я думаю, что мой народ на Иштар поймет. Если даже ничего другого до них не дойдет, они поймут, что у нас свобода слова ещё есть и Земля — не безмозглое

чудовище. Это должно сработать.

Теперь помолчал Дежерин. Потом вскочил на ноги:

— Ладно! Я просил у вас совета, Дональд — можно просто Дон? Меня зовут Юрий, — и вы мне его дали. А теперь давайте еще. У нас серьезное дело впереди — надраться как следует.

Глава 3

На следующий день после того, как Ларрека покинул Якулен, ранчо, где оставалась его жена, он со своими солдатами подошел с юга к Примавере. Поселок людей был в трех переходах от Сехалы вверх по реке. Теперь это место не было защитой от возможной беды. Каждый житель Бероннена, разумеется, как и все обитатели Союза, знал, что люди — это друзья и последняя серьезная надежда на спасение всей цивилизации. Но все же этим чужакам нужно было место для огородов и полей, для выпаса их скота — ради производства той пищи, что содержала необходимые им вещества, которых не было ни в дождевых зернах и хлебных корнях, ни в мясе элов и овасов. А те, кто изучал природу, как Джилл Конуэй, предпочитали дикие луга распаханным полям вокруг Сехалы. Те же, кто изучал народ, считали, что им незачем демонстративно торчать в городе.

Не так уж сильно помешал бы этот эффект присутствия, часто думал про себя Ларрека, в этом мире много гораздо более неприятных вещей.

Он весело трусил по дороге, вившейся вдоль

Джайина. Эта дорога, одна из главных, была выложена кирпичом, и ноги ощущали его горячую шероховатость и острые крошки. Так что у старого солдата был повод пощеголять в сапогах. Приближалось плохое время. Южный Бероннен всегда избегал самого худшего при приближении Бродяги, хотя, конечно, голодные орды наводняли эту благословенную страну. Даже сейчас, в середине осени, отчетливо чувствовалось приближение дождливой зимы, хотя Бродяга и старался спутать времена года.

Его горящий красным шар, стоящий низко над северными холмами и окрасивший их в цвета аметиста, почти заходил. Солнце стояло высоко и светило ярко. Двойные тени, мягко очерчивающие берега реки, и переливающиеся оттенки придавали ландшафту причудливый вид. Этот берег был предоставлен людям для выращивания пищи. Пшеница, кукуруза и другие злаки уже были убраны, осталось голое жнивье, но в садах ещё наливались яблоки, и рогатые животные паслись за изгородью — и до чего же все было зеленым! Другая сторона оставалась такой, какой была от природы: дерн из лиа всех оттенков золота с вкрапленными алыми огнецветами, деревья в медно-коричневом (мечелисты) или охряном

(стланик и кожаное дерево) наряде. Далеко разлетелись крылатые семена берез, а стреляющие стручки иногда забрасывали свои зерна на тот берег. Природе было наплевать, что им там не укорениться — почва была слишком чуждой.

Здесь дул бриз, особенно приятный после утренней духоты. Ларрека слышал, как шелестит его грива. Он впивал аромат земных растений, который успел оценить за эту сотню лет. И тяжесть его сегодняшней миссии не могла испортить ему удовольствие. Солдат не имеет права отказываться от тех приятных минут, что судьба посылает ему навстречу.

— Далеко еще, сэр? — спросил один из шестерых воинов за его спиной. В этих густонаселенных и богатых едой местах в них не было нужды. Но он начинал поход от Северного Бероннена через Громовые горы, и нужны были охотники и руки для бивачных работ. Ларрека решил, что возьмет их с собой в Сехалу с её котлами с мясом. У этих бедняг не слишком веселая была юность. Говоривший был уроженцем Каменного острова, что в Огненном море, там завербовался на службу и попал прямо в Валеннен, где в эти годы стоял легион Зера. На континенте до этого он ни разу не бывал.

— Чиу, может быть, час, — Ларрека использовал единицу, означающую одну шестнадцатую часть времени от полудня до полудня, примерно совпадающую с земным часом. — Двигайся, мы там скоро будем.

— Ладно, по крайней мере Скелла скоро зайдет.

— А? Да. Да, конечно. — Ларрека столько слышал имен для этого красного шара, что не сразу понял, о чем идет речь. Сам-то он называл его Бродягой, поскольку исповедовал культ Триады. Там он был главным, вместе с Солнцем и Тьмой, на брови которой висела Янтарная звезда. А юношей в Хаэлене он звал его Аббада и знал, что он — изгнанный бог, что возвращается каждую тысячу лет. Потом он усомнился в этой вере и счел языческие обряды жертвоприношения просто напрасной тратой хорошего мяса. Варвары Валеннена так благоговели перед этой штукой, что даже имени ей никакого не дали, только набор эпитетов, и нельзя было повторить два раза подряд один и тот же, чтобы не навлечь на себя гнев Бога. И всюду её называли по-своему, в том числе и у людей. Красную звезду они называли Ану и не признавали никакой души ни за ней, ни за солнцем, которое они называли Бел, ни за

Янтарной звездой, которую звали Эа.

Во многих отношениях их концепция была самой хитроумной из всех. Ларрека должен был заставить себя овладевать их учением. Он не мог пока ещё поверить, что в Триаде нет ничего, кроме огня. И так это было или нет, он все равно выполнял ритуалы и заповеди своей религии. Это была хорошая вера для солдата, поддерживающая боевой дух и дисциплину.

С виду трудно было сказать, что Ларрека изучал философию. У него был вид сержанта-ветерана, слегка ограниченного умственно, зато снабженного хорошими мышцами, достаточно быстро реагирующими при необходимости. От глубоких ран остались опоясывающие тело шрамы, через кость брови пролегла глубокая впадина, а левого уха не было совсем. Хаэленцы происходили из Южного Бероннена, и когда-то его шкура была бледно-коричневой. Она потемнела и загрубела под многими ветрами и непогодами, но глаза оставались голубыми, как лед. В его речи чувствовался след грубоватого местного акцента, а его излюбленным оружием, фактически отличительным его знаком, был тяжелый кривой короткий меч, обычный в антарктических краях. Кроме этого, он был одет только в пояс с кошель-

ками для всякой мелочи, а все оружие и прочие необходимые в путешествии вещи, в том числе охотничье копье и топор, который тоже мог служить оружием, были запакованы в две плетеные вьючные корзины. Никакого орнамента, только потертая ткань, кожа, дерево, сталь. Единственным украшением служила золотая цепь на широком левом запястье.

Идущие за ним солдаты были разукрашены кто во что — перья, бусы, нити бисера, побрякушки. К своему скромно одетому вождю они относились с огромным уважением. Ларрека сын Забита из клана Кераззи был, пожалуй, самым известным из всех тридцати трех командиров легионов. Проведя два столетия в легионе Зера, он давно уже был старше средних лет и недавно справил свой триста девяностый день рождения. Но ещё на сотню лет жизни и здоровья он мог бы рассчитывать, да надеяться и на дальнейшее — если только не доберутся до него варвары или не попадет он в одну из тех катастроф, что так густо заваривает в этом мире Бродяга.

Он уже скрывался за горизонтом. Вскоре с облаков на севере исчез отсвет его лучей. Ничем не замутненное, свободно светило солнце. Высокие и громоздкие кучевые облака отбрасывали тени

— предвестники бури.

— Думаете, будет дождь, сэр? — спросил боец с Каменного острова. — Уж я бы не возражал.

Его родные земли, хотя и лежали около экватора, хорошо продувались морскими ветрами. Здесь ему было жарко и пыльно.

— Побереги свою жажду до Примаверы, — посоветовал ему Ларрека. — Пиво там отменное. — Он прищурился. — Н-нет, похоже, сегодня дождя не будет. Вот завтра, пожалуй. Так что не надейся зря, сынок. Да скоро у тебя будет больше воды, чем ты сможешь переварить. Даже рыбу утопить хватит. Вот тогда ты и оценишь Валеннен получше.

— Сомневаюсь, — ответил собеседник. — В Валеннене эта траханная сушь ещё сильнее, чем была раньше.

— Какая там «траханная», Салех, — вставил с каркающим смешком третий. — Там у баб шкура так пересыхает, что дырку себе в брюхе протрешь.

Это было не очень большое преувеличение. От потери влаги растения, покрывающие большую часть кожи, пересыхали и становились очень ломкими.

— Насчет этого, — сказал Ларрека, — прислушайтесь к голосу опыта.

И он простым и доходчивым языком описал им несколько других способов.

— Однако, сэр, — Салех гнул свое, — я не понимаю. Конечно, в Валеннене Злая звезда сильнее, чем в Бероннене, и поднимается куда выше. Я понимаю, что здесь должно быть горячее, но почему же страна так пересыхает? Я-то думал, что жара вытягивает воду из океана и проливает её на сушу дождем. Ведь поэтому на тропических островах так влажно?

— Верно, — ответил Ларрека. — Вот петому-то и зальют дожди весь Бероннен в ближайшие шестьдесят четыре года, аж пока не увязнем в грязи по корни хвостов, а грязь будут смывать наводнения — это не говоря уже о том, как пройдут в горах снежные заносы и лавины — для пущего веселья. А Валеннен отделен от западного побережья, откуда и дуют ветры, как раз вот этими огромными горами. И даже та вода, что через них переносится, сдувается на восток через Эхурское море, где облака Серебряного океана разбиваются о Стену Мира. А теперь закрыли мясорубки — и ходу.

Они поняли, что обсуждение закончилось, и повиновались. Он почему-то вспомнил, как однажды ему говорил Боггарт Хэншоу:

— У вас, иштарийцев, такая от природы блестящая дисциплина, что её вроде бы и не надо шлифовать — черт побери, ваши организованные единицы, вот как в армии, похоже, не нуждаются в муштровке. Только вот правильно ли сказать «дисциплина»? Я бы скорее сказал, что это чувствительность к нюансам, умение ощущать, что делает группа, и быть её разумным органом… Верно, я согласен, что мы, люди, некоторые идеи схватываем быстрее вас, например всякие концепции, основанные на понятии трехмерного пространства. Но у вас более высокий — как бы это сказать — общественный коэффициент интеллекта. — Он усмехнулся. — Эта теория непопулярна на Земле. Наши интеллектуалы не любят признавать, что те, у кого есть табу, и войны, и прочее в том же роде, могут быть развиты гораздо выше нас, у кого ничего подобного нет.

Ларрека вспомнил эти слова на английском, на котором они и были сказаны. Увлекшись людьми ещё с момента их первого появления, он общался с ними, сколько мог выкроить времени, и узнавал о них и от них все, что мог. Это было куда больше, чем Он рассказывал своим подчиненным или собратьям-офицерам — это выпадало бы из его образа недалекого ретивого служаки

— военной косточки. Язык — не проблема для того, кто мотался по половине глобуса и всегда быстро узнавал, как спросить у местных жителей дорогу и хлеб, пиво и ночлег, как подъехать к местной женщине и вообще как выразить себя и понять другого. А кроме того, в английском был очень небольшой диапазон звуков для голоса и слуха иштарийца, возможности которых людям абсолютно недоступны. Как бы там ни было, а ему импонировало, как они пропахали свой путь через Сехалу.

Жаль только, что они так мало живут. Единственное шестидесятичетырехлетие — а после приходится поддерживать свою жизнь лекарствами. К концу второй гипероктады уже ничем помочь нельзя. Ларрека неосознанно ускорил бег. Он хотел подольше побыть со своими друзьями, пока они ещё есть.

Да и миссия у него была довольно срочная. Плохие вести он нес.

Примавера — жилые дома и другие здания между асфальтовыми улицами, осененными желтой и красной листвой больших и старых местных деревьев, сохраненных при расчистке места. Почва поддерживала в них жизнь даже в этом чуждом окружении. Она поднималась пологими

склонами от Джайина, где стояли у причалов лодки и иштарийские корабли, приплывавшие по реке. Местные жители-люди изготавливали некоторые вещи, вроде не подверженной гниению ткани, и выменивали их на многое, что им было нужно. Строили они в основном из местных материалов — леса, камня, кирпича, — хотя стекло они делали лучше, чем во всем Бероннене, и добавляли к нему светлый пигмент. На восток уходила дорога, исчезая за каменной грядой, чтобы в конце концов дойти до космопорта. В километре от города она проходила мимо аэропорта, где садились и взлетали грузовые флаеры дальнего радиуса. В поселке люди передвигались на автомобилях, на велосипедах и пешком.

Иштарийцы достаточно часто попадались в Примавере и не привлекали внимания, разве что были чем-то лично известны. Ларреку знали только старожилы. И не так уж много народу было в этот момент на улице, когда дети в школе, а взрослые на работе. Он уже добрался до Стеббспарка и хотел его пересечь и напиться воды из фонтана, когда его впервые поприветствовали.

Сначала раздалось урчание быстро летящего одноколесника и сразу скрип тормозов. Так ездить в городе было непростительно, но неко-

торые себе позволяли. Он не удивился, услышав гортанный голос Джилл Конуэй:

— Ларрека! Старый дядюшка Сахар собственной персоной! Привет!

Она отщелкнула ремни безопасности, прыгнула с седла, оставив машину балансировать, а сама бросилась в его объятия.

После паузы она, промычав «м-м-м», отступила на шаг, склонила голову набок и осмотрела его сантиметр за сантиметром.

— Хорошо выглядишь. Немного стряхнул жирок, верно? Но ради всех богинь, отчего ты меня не предупредил? Я бы пирог испекла.

— Может быть, именно поэтому, — поддразнил он её на английском.

— Брось, дядя, ладно? У вас, долгожителей, совсем нет чувства времени. Мои кулинарные провалы были не вчера, а двадцать лет назад. Я теперь взрослая дама, люди со мной разговаривают почтительно, и ты бы теперь удивился, как я хорошо готовлю. Должна признать, что самый большой героизм ты проявлял именно тогда, когда ел угощение, что готовила маленькая девочка для своего дядюшки Сахара.

Они улыбнулись друг другу — жест, характерный для обоих видов, хотя у человека губы

не вздергивались вверх, а как-то кривились. Ларрека оглядел её в ответ. Они обменивались радиограммами и иногда говорили по телефону, но не виделись уже семь лет, с тех пор как Зера Победоносный был переведен в Валеннен. Он там занимался ухудшающимися природными условиями и имел дело с бандами варваров, а она тем временем прилежно училась и начинала свою карьеру. Об экологии Вероннена и архипелага Ирен было известно очень мало, и он не мог упрекнуть её за выбор трудной дороги полевого исследователя их естественной среды. На самом деле, если бы она выбрала изучение таинственного мира Валеннена, он был бы очень огорчен. Этот континент перестал быть безопасным, а Джилл была среди тех, кого он любил.

Джилл изменилась. За сотню лет знакомства с людьми и близкой дружбы с некоторыми из них Ларрека научился отличать их друг от друга и определять их возраст, как они это умели сами. Он оставил нескладную девочку-подростка с запоздалым созреванием, похожую на мальчишку (в чем, несомненно, была и доля его заслуги). Теперь она была взрослой.

Она стояла перед ним, высокая, одетая в обычную блузу и джинсы городских жителей, длин-

ноногая, скорее женственная, чем худощавая. Голова чуть удлиненная, а на узковатом лице выделялся полный рот под классически прямым носом, глаза голубые, с длинными ресницами под ровными бровями. На плечи спадали темно-русые прямые волосы, перехваченные кожаной лентой с серебряными украшениями, которую он подарил ей когда-то. В узел ленты она вставила бронзоватое перо сару.

— Похоже, тебя уже можно пускать на племя, — согласился Ларрека. Когда и с кем?

Он не ожидал, что она вспыхнет и замнется.

— Пока нет, — пробормотала она и сразу же спросила: — Как семья? Мероа с тобой?

— Да. Я оставил её на ранчо.

— Почему? У тебя жена гораздо лучше, чем ты заслуживаешь, позволь тебе сказать.

— Только ей не говори. — Ему было приятно. — Это не отпуск. Я вызван на ассамблею в Сехалу, а потом обратно в Валеннен как можно быстрее, А Мероа остается дома.

Джилл стала серьезной и после паузы спросила:

— Так там плохо?

— Еще хуже.

— А, — ещё одна пауза. — Отчего ты нам не

говорил?

— Все это началось почти внезапно. Я сначала не был уверен. Могла быть просто полоса невезения. Когда же я понял, то потребовал созыва ассамблеи и поднялся на корабль.

— Отчего ты не попросил у нас транспорта? Мы бы переправили тебя по воздуху.

— Зачем? Всех вы все равно не перевезете. Даже если у вас было бы достаточно воздушных кораблей, в чем я сомневаюсь, многие из делегатов в них бы не поехали. Так что кворум не собрался бы быстрее, чем мне удалось добраться морем и сушей. — Ларрека со вкусом вздохнул. — Нам с Мероа давно уже не помешал бы отпуск, а то год был очень напряженный, и путешествие пришлось как нельзя более кстати.

Джилл кивнула. Ему не было нужды объяснять ей, почему он выбрал такой маршрут, а не другой. При лучших условиях более быстрый путь пролегал бы целиком по воде, от Порт-Руа на юге Валеннена до Ливаса, и через устье Джайина вверх по реке до Сехалы. Но сейчас бушевали равноденственные бури, взбухающие под красным солнцем. И помимо риска крушения был ещё риск, что путешествие при встречных штормах протянется неделями. Надежнее было

перебираться между островами Огненного моря, пристать у Северного Бероннена, а там пройти пешком через Далаг, через Горькие земли, Красные холмы, Среднелесье и Громовые горы до долины Джайина. Дикие места и по большей части бесплодные, но ничего, что помешало бы старому солдату срезать угол и пройти напрямик.

— А я была в поле, — сказала она. — Ковырялась до позавчерашнего дня в Каменных горах. Наверное, и не знаю того, что знают Бог и Иен Спарлинг.

Она не имела в виду теологию: Боггарт Хэншоу был мэром.

— Ничего они тоже не знают. Знают только, что делегаты готовы собраться. Как я им сообщил бы с перехода? Я затем здесь и остановился, чтобы с ними повидаться и передать их слово в Сехалу.

Джилл снова кивнула:

— Я и забыла. Глупо с моей стороны. Я уж так привыкла к немедленным сообщениям — просто кнопку нажать.

Они с ней были в разных лодках, снисходительно отметил про себя Ларрека. Стандартный портативный передатчик мог связаться с релейной линией, которую люди провели по всей

южной половине континента, а она уже передаст твой голос куда захочешь. Но на большие расстояния нужен был большой передатчик и релейные станции, которые пришельцы разместили на лунах. Пока что они построили только четыре таких передатчика — в конце концов, они ведь находились на самом конце линии снабжения с Земли через всю Галактику — в Примавере, в Сехале, на Светлобережье Хаэлена и всего лишь десять лет тому назад — в Порт-Руа. Смешно, что, находясь в Темных землях северного полушария, он мог говорить с другом на другом конце Союза — на расстоянии десяти тысяч километров по меридиану, — а когда он приблизился к центру цивилизации, его рация оглохла и замолчала.

Джилл взяла его за руку:

— Они ведь тебя не ждут, правда? Пойдем, я все приготовлю. Я тоже хочу послушать.

— Почему бы и нет? — ответил он. — Хотя тебе это не понравится.

Прошел час. Джилл унеслась собирать людей, которых она назвала, тех, кто работал неподалеку. Ларрека тем временем провел свой эскорт в единственную гостиницу, которой могла похвастаться Примавера. Там в основном пили пиво или вино, играли на бильярде или в стрелки, ино-

гда обедали, но там были удобства и для людей, будь то проезжающие или вновь прибывшие, скоро получавшие постоянные дома, и для иштарийцев. Ларрека посмотрел, как устроился его взвод, и напомнил хозяину, что следует выставить счет городу на основании долговременного соглашения. Ему незачем было напоминать солдатам о том, что счет не должен вырастать до небес. Это были хорошие ребята, и они берегли честь легиона.

Для себя он не стал организовывать ночлег. Два года назад Джилл написала ему, что переехала от родителей и теперь снимает коттедж, в котором есть комната, оборудованная для иштарийца, — она была построена ещё предшествующими поколениями людей для того, чтобы студенты обеих рас могли учиться вместе и достигать взаимопонимания — и если бы он остановился не у нее, это была бы глубокая обида.

Он шел в сторону дома (и одновременно офиса) мэра. Община вроде Примаверы не нуждалась в особенно деятельном управлении. Большая часть обязанностей Хэншоу касалась Земли: транспортные компании, ученые и техники, желающие поработать на Иштар, чиновники из Мировой Федерации, вечно лезущие не в свое

дело, политические деятели, от которых бывало больше всего докуки.

Дом был обыкновенный, построенный для климата, который люди называли «средиземноморским». Толстые стены, окрашенные в пастельные тона, давали ощущение защищенности и покоя, внутренний двор открывался в цветущий сад. Мощные конструкции, стальные запоры на окнах, крыша обтекаемой формы — все это было необходимо там, где бывают смерчи. Ларрека слыхал от людей, что вращение Иштар порождает штормы посильнее, чем на Земле.

Жена Хэншоу впустила его, но к их совещанию в гостиной не присоединилась. Кроме мэра и Джилл, был ещё Иен Спарлинг. Это было хорошо. Собери чуть больше землян вместе — и не поверишь, сколько им понадобится времени, чтобы как-то друг к другу притереться. Спарлинг был главным инженером спасательного проекта, а потому главным человеком. Кроме того, он и Ларрека были друзьями.

— Привет входящему! — громыхнул Хэншоу. Он страшно изменился за последние годы, поседел и ссутулился. Все же он выглядел ещё бодро и настаивал на рукопожатии взамен объятий. — Падай, где стоишь. — Он показал рукой на расстеленный

на полу матрас перед тремя креслами. Рядом стоял письменный стол с консолью. — Что будешь пить? Пиво, если я правильно помню.

— Конечно, пиво, — подтвердил Ларрека. — Много больших кружек. — Он имел в виду пиво из хлебных корней — варево из земных зерен имело для него мерзкий вкус. Но это относилось не ко всем земным растениям. Обнявшись со Спарлингом, он вытащил из сумки трубку и громогласно объявил: — А кроме того, я семь лет не нюхал табака.

Инженер усмехнулся, достал кисет, протянул его иштарийцу, а потом набил трубку и себе. Он был высокий — полных два метра, вровень с Ларрекой, — широкоплечий, но сухой и костлявый, с большими мосластыми руками и ногами. Его движения казались неуклюжими, но всегда достигали цели. Лицо с высокими скулами, горбатым носом, глубокими складками вокруг тонких губ, с шапкой беспорядочно курчавых и тронутых сединой волос, с большими и блестящими глазами цвета свежего сена изменилось мало, как и его лишенный модуляций голос. В отличие от Хэншоу, Спарлинг одевался так же небрежно, как и Джилл, хоть и был лишен её элегантности.

— Как жена и девица? — поинтересовался

Ларрека.

— Ну, Рода, как всегда, — ответил тот. — А Бекки на Земле учится — ты не знал? Извини. Я всегда отличался неумением писать письма. Да, она там. Я в прошлом году туда ездил и её видел. У неё все в порядке.

Ларрека вспомнил, что люди имели право съездить домой раз в три или четыре местных года. Некоторые, как Джилл, никогда этим не пользовались они считали, что их дом здесь, и не очень рвались в дорогостоящую поездку. Но Спарлингу приходилось ездить и чаще, чтобы докладывать о своих планах и их отстаивать.

— Я больше слежу за твоей работой, чем за твоими семейными делами. Ларрека не намеревался его обидеть. Все, что могло облегчить последствия катастрофы, для любого цивилизованного разума было на первом месте. — Твои дамбы для сдерживания наводнений… — Ларрека остановился, видя, как нахмурился инженер.

— Это оказалось только полдела, — жестко сказал Спарлинг. — Давайте сядем и поговорим обо всем сразу.

Ольга Хэншоу принесла напитки, которые заказал по интеркому её муж, и объявила, что завтрак через час.

— Боюсь, что ничего особенного не будет, — извинилась она перед Ларрекой. — Летние бури сильно повредили посевы и у нас, и у вас.

— Да уж понятно, что на своей должности вы должны подавать пример аскетизма, — отозвалась Джилл. — Поросенка от Хэншоу кто пробовал, тот не забудет.

Спарлинг единственный фыркнул в ответ. Наверное, подумал Ларрека, её замечание на английском намекало на какие-то реалии Земли, где родился и провел свою раннюю юность инженер. Интересно, замечает ли она, как у него туманятся глаза, когда он на неё смотрит?

— Отложим шутки на потом, — с нажимом сказал мэр. — Может быть, когда сыграем в покер вечерком.

Ларреке мысль понравилась. Он уже несколько октад был мастером этой игры и для тренировки обучил ей своих офицеров. Он заметил, как потирает руки Джилл, вспомнил, какие ляпы она допускала в шахматах и как не по годам хорошо играла в покер. Интересно, как она продвинулась с тех пор?

Голос Хэншоу их отрезвил:

— Командир, вы здесь с неприятной миссией. Но я боюсь, что наши новости для вас ещё хуже.

Ларрека подобрался на матрасе, сделал долгий глоток пива и сказал:

— Выкладывайте.

— Вчера пришли вести из Порт-Руа. Тарханна пала. Ларрека был слишком хаэленцем, чтобы вскрикнуть или выругаться. Он, лишь глубже затянулся табачным дымом и после паузы без всякой интонации произнес:

— Подробности?

— Не слишком много. Похоже, что туземцы — я хочу сказать, варвары, а не те немногие цивилизованные валенненцы, что там есть, — предприняли, очевидно, внезапное нападение, взяли город, выбив оттуда легион, а начальнику легионеров сказали, что это не набег и что они поставят в городе свой гарнизон.

— Плохо, — сказал Ларрека. — Плохо, плохо и ещё раз плохо.

Джилл качнулась вперед и тронула его за гриву. Меж её листьями прошмыгнули несколько селеков и тут же исчезли, занявшись тем, что и полагалось делать этим мелким энтомоидам — убирать мертвую листву и уничтожать вредителей.

— Для тебя это шок? — мягко спросила она.

— Да.

— Почему? Я так понимаю, что Тарханна — это главная… была главной самой внешней торговой факторией Союза в Валеннене, вверх по реке от Порт-Руа. Верно? Но какая ещё у неё могла быть роль, кроме торговой? А ты же знал, что торговля все равно придет в упадок, когда приблизится Огненная пора.

— Она была ещё и военной базой, — напомнил ей Ларрека. — Опорный пункт для защиты от грабителей, налетчиков, набегов. А теперь… — Он затянулся снова — … это, пожалуй, самый дурной знак. Понимаешь, Зера сейчас в хорошей форме. Тарханна должна была быть в состоянии отбить любую атаку налетчиков, племен, банд всех тех бродяг, что мог выставить против неё тот конец континента. Или хотя бы продержаться до прихода подмоги из Порт-Руа. Но не смогла. И к тому же противник считает себя в состоянии удержать её за собой. Значит, это войско. Не шайка налетчиков, а организованное войско. Может быть, даже конфедерация.

Ларрека с напором продолжал:

— Вы понимаете, что это значит? Это последнее подтверждение моих подозрений. Бандиты и пираты стали слишком наглыми, слишком удачливыми, и это уже не те, с которыми мы

привыкли иметь дело. И с их стороны участились проявления военного искусства. А это… Это значит, что кто-то в конце концов занялся объединением варваров. Сейчас он в этом преуспел и теперь готов обрушить на нас результат. Выбросить Союз из Валеннена полностью. Но это для него только начало. Иначе быть не может. В прошлом Бродяга гнал отчаявшихся жителей на юг. Они натыкались на цивилизацию и раздирали её в клочки. Теперь же, казалось, у цивилизации есть шанс уцелеть. Но кто-то объединил валенненцев в равную нам силу. И у него может быть только одна отдаленная цель — вторгнуться на юг, перебить нас, обратить в рабство, выбросить нас из нашей страны и завладеть руинами. Потому-то я и пустился в путь. Я должен сказать ассамблее, что мы не можем «временно» отойти из Валеннена. Мы должны держаться любой ценой, получить подкрепления, как минимум — второй легион. Но сначала я хотел спросить вас, что может нам дать Примавера. Это не ваша война. Но вы здесь, чтобы изучать Иштар. Если падет цивилизация, у вас мало останется на это времени.

Речь была длиннее всех им произнесенных, даже тех, что он обращал к легиону в торже-

ственных случаях. Он нагнулся к своей кружке и трубке.

Голос Спарлинга заставил его обернуться.

— Ларрека, эти слова причиняют боль, как ожог третьей степени, но я не уверен, что мы сможем вам помочь. Видишь ли, на нас навалилась наша собственная война.

Глава 4

Все планеты из космоса красивы, но если на планете человек может дышать, это придает ей какое-то щемящее очарование. Пока флагман выходил на постоянную орбиту, Дежерин затуманившимися от слез глазами наблюдал за Иштар.

Ее голубой шар источал сияние: он перевивался белыми жгутами облаков и темными тенями континентов. Непохожесть на Землю придавала ей то очарование, которым обладает в глазах мужчин иностранка. У неё не было полярных шапок и облаков было меньше, зато больше было океанской поверхности. Коричневые полоски почвы не покрывала зелень, но они отливали всеми оттенками коричневого и охряного. Не висела рядом с ней огромная выщербленная луна, зато виднелись неподалеку два спутника поменьше. Он прищурился на одну из лун, и та вспыхнула, как искра от костра на фоне черного звездного неба.

И переливался свет. Большая часть его исходила от Бел — собственного солнца Иштар, чуть менее яркого, чем земное Солнце, но такого же

желто-белого. Но так близко был Ану, что ходили в облаках розовые и кровавые блики, а моря отливали пурпуром.

Оба солнца были сейчас видны на защитном экране. Они казались примерно одного размера — оптический обман, связанный с расстоянием. Вокруг Бел сияла корона. У Ану не было четко выраженного диска. В середине его бурлили огромные, цвета раскаленного кирпича, пятна; они утончались и стирались к краям, переходя в языки пламенного тумана, которые напомнили Дежерину щупальца спрута.

Он перевел взгляд. Словно подыскивая Иштар компанию, он попытался отыскать и её планеты-сестры, и ему показалось, что две из них он обнаружил; Ага, вот эта яркая звезда цвета рубина — это, наверное, и есть Эа, в шесть тысяч раз дальше, чем Бел. Она не напоминала о смертности, как Ану — карлику Эа предстояла невероятно долгая, хотя и очень спокойная жизнь.

И все же Дежерина поразило возникшее у него чувство обреченности. Блеск Иштар содержал в себе ужас неизбежной агонии. Юрий подумал об Элеаноре: как она была честна и как несчастна, когда сказала ему после двух лет, что больше не может продолжать попытки и хочет развестись.

Я тоже пытался, повторил он ей снова. Я в самом деле пытался.

Он встряхнулся. Командиру флотилии такие мысли не положены. Раздался голос из динамика:

— Вышли на орбиту, сэр. Все системы работают нормально.

— Вас понял, — автоматически ответил он. — Свободные от вахты могут отдыхать.

— Прикажете связаться с планетой, сэр? — спросил радист.

— Пока не надо. В этом полушарии ночь. — в смысле настоящего солнца, конечно. Они привыкли к суткам длительностью восемнадцать с половиной часов и сейчас спят независимо от того, где стоит Ану. Невежливо было бы будить их руководителей. Подождем этак, — Дежерин прикинул вращение Иштар по земным часам, — До семи ноль-ноль. И сами пока отдохнем. Если до того будут сообщения, переключите на мою каюту. Если нет — вызывайте Примаверу в ноль семь.

— Слушаюсь, сэр. Другие приказания будут?

— Да нет, буду отдыхать. И вам советую, Хайнрих. У нас впереди много работы.

— Благодарю вас, сэр. Спокойной ночи.

Говоривший с сильным акцентом голос умолк. Дежерин требовал, чтобы команда говорила по-английски — на единственном распространенном на планете языке. (Была, конечно, и речь туземцев. Дон Конуэй использовал много слов, которые, как он объяснил, не принадлежали человеку.) Капитан, однако, подозревал, что в его отсутствие звучит и испанская, и китайская, и много ещё какая речь.

Для него самого не существовало языковой проблемы. Он был с детства обучен говорить бегло на нескольких языках, а его жена была из Соединенных Штатов.

Он снова стряхнул возвращающиеся воспоминания. Ее он любил когда-то, но после трех лет уже смешно было бы горевать. Было много других женщин, ещё с отроческих лет. Интересно, будут ли они на Иштар.

Он снова стал смотреть на планету. Крейсер, двигаясь по орбите, оказался над цивилизованными районами. На противоположной стороне был один континент и бесчисленные острова, где жили немногочисленные иштарийцы, о которых земляне на сегодня знали мало. Тайн в этом мире было больше, чем можно было рассчитывать разгадать, несмотря на помощь туземцев.

Странно смотрелся свет Ану на местности, которая должна была бы быть покрыта ночной тьмой. Тусклое сияние окутывало континенты, о которых ему довелось прочесть. Конуэй пытался ему объяснить, что значат их имена.

Хаэлен, размером с Австралию, закрывал Южный полюс, протягивая полуостров, как руку, наружу за Полярный круг. Дальше — сеть архипелагов, видимая отсюда только как изменения узора облаков и течений, вела на север к Бероннену, очертаниями напоминавшему Индию, — сухой земле, протянувшейся от южного тропика до экватора. А дальше шли острова, некоторые из них вулканические — уж не отсветы ли извержений видны отсюда? — пока взгляд не упирался в Валеннен к северу от экватора. Как Сибирь, поставленная вертикально, он тянулся почти до Северного полюса. Кривизна планеты укрывала от Дежерина три четверти континента — неизведанная территория, родиной жизни на которой была не Иштар.

Он поискал взглядом свои корабли, прибывшие на стационарную орбиту раньше, но не увидел ни одного. Это и не было удивительно: они распределились по орбите для безопасности и для обеспечения релейной связи. Он, как молитву,

помнил наизусть их список: его флагман «Сьерра-Невада», рейнджер «Моше Перетц» — первый корабль, которым ему пришлось командовать, матка разведчиков «Изабелла», несущая десять шершней в своем чреве, ремонтник «Имхотеп», в чью задачу входили обслуживание и помощь. Да, далекий путь он прошел, далекий, образно говоря, в двух смыслах. То, что его послали сюда, далеко от театра военных действий, на самом деле было честью, знаком доверия.

Теперь, когда он был свободен от служебных обязанностей, мостик казался клеткой. Он поднялся и вышел, надеясь на то количество домашнего уюта, которое могла предоставить ему его каюта. На пустой палубе стук каблуков казался особенно громким. Он приказал все время перехода поддерживать гравитацию на 1,18 g. И он, и его люди должны были к прибытию на Иштар подготовиться к её увеличенному, по сравнению с земным, тяготению. И лишние четырнадцать килограммов висели сейчас свинцом на икрах и плечах.

Ладно, немножко поспать — и все в порядке.

Но, сменив синий с высоким воротом китель и белые брюки на пижаму, он почувствовал, что его не тянет лечь на свое монашеское ложе.

Он позволил себе рюмочку коньяку и закурил сигарету. Несколько минут он рассматривал личные вещи.

Фотография отца… Почему не матери? Они разошлись, когда ему, их единственному ребенку, было шесть лет, и она его воспитала. Он очень старался быть к ней внимательным, насколько это позволяла все более и более ответственная служба в Органах охраны мира. Их жизнь была интересна — жизнь в разных столицах Европы, каникулы на других материках и на Луне, вечера, где именитые гости обсуждали новости, что завтра будут в газетных шапках… Но как-то, может быть, потому, что они редко друг друга видели, или потому, что он всегда был весел и приветлив, а его амбиции не заходили дальше возможностей просто наслаждаться жизнью, Пьер Дежерин стал близок своему сыну так, как это никогда не удавалось Марине Борисовой… Однако, конечно, это от неё он получил то, что позволило ему пройти Академию Навигации, хотя воспламенила его к этой мысли отцова наследственность…

Прихлебывая коньяк и затягиваясь сигарой, капитан стал листать, взятую с полки книгу. Ее содержание вызвало у него улыбку. Если уж ему приходится быть важным и серьезным, как

положено командиру, стоит извлечь из этой необходимости какую-то пользу и прочесть все, что ему следует прочесть об Иштар. Польза от этого будет — хотя бы в том, что скучное чтение поможет побороть бессонницу.

«…Вавилонской мифологии. Другие мифологии Земли были использованы для наименования планетных систем ближе к дому. Но система Анубелеи по случайности оказалась одной из первых, где побывали люди, когда после открытия принципа Маха был преодолен световой барьер и Диего Примавера предпринял свое дерзновенное путешествие.

Своей главной целью он ставил скопление NGC 6566 (M22) в созвездии Стрельца. Всего в трех килопарсеках, то есть сравнительно недалеко, находился другой объект, представляющий интерес для астрофизиков из-за малых размеров и большой плотности, и это было хорошим приложением сил для исследовательской группы вроде группы Примаверы. Приборы обнаружили изолированную звездную систему, которая в ту эпоху

находилась между Солнцем и центром звездного скопления. На фоне его излучения эта система была скрыта от астрономов Земли и не обнаруживалась наблюдениями с орбиты. Соответственно предполагалось, что корабль Примаверы посетит её по пути.

Но то, что он нашел, было гораздо интереснее, чем можно было рассчитывать — с биологической и психологической, то есть человеческой, точки зрения. Особенно если принимать во внимание, как недавно вышел в галактические просторы человек. Просто невероятно — так сразу найти мир, столь похожий на его родину и в то же время столь отличный от нее.

Вторую экспедицию Примавера организовал специально для исследования этих планет. Его отчет породил сенсацию.

Ученый-дилетант Уинстон П. Сандерс предложил вавилонские имена вместо цифровых обозначений, и предложение было вскоре принято.

А путешественники, как всегда, привезли множество диковинных сказок.

Исследования Анубелеи множились на всех языках мира, пока наконец не была создана ассоциация научных и гуманистических институтов… Не только интерес к Иштар и Таммузу привел к созданию постоянной базы на первой из этих планет. Дело было в желании помочь местным жителям в преодолении тех кризисов, которые преследовали их сквозь всю их историю, хотя, разумеется, их эволюция…»

Риторика. Дежерин хотел чего-то более приземленного. Он пролистал книгу до той главы, которая, как в ней говорилось, была посвящена сухой фактографии.

«Сама по себе система не представляет собой ничего необыкновенного. Двойные и тройные звезды часто имеют различную массу и историю, а эксцентрические орбиты являются скорее правилом, чем исключением.

Возраст трех звезд Анубелеи приблизительно равен возрасту Солнца. Следовательно, Бел, звезда G2, могла прожить ещё четыре или пять миллиардов лет

с тем же уровнем излучения. Красный карлик Эа должен был прожить неизмеримо дольше. Но самая большая звезда, Ану, неизбежно состарится раньше. Она намного больше Бел, в 1,3 раза, что составляло массу 1,22 солнечной. В зените её излучение не было настолько свирепым, чтобы помешать появлению белковой водной жизни и фотосинтезу, высвобождающему кислород. Но может быть — мы здесь абсолютно ничего не знаем, — увеличенная радиация подстегнула эволюцию. Как бы там ни было, мы знаем только, что около миллиарда лет назад на Таммузе (Ану III) появились разумные существа, создавшие технологическую цивилизацию.

К тому времени их солнце сожгло столько водорода, что не могло уже оставаться стабильным, и начало раздуваться. Оно стало превращаться в красного гиганта. Сейчас его светимость равна 280, если светимость Солнца принять за 1, и она медленно и неуклонно повышается.

Чтобы понять ситуацию на Иштар, примем за точку отсчета Бел, её солн-

це, и будем считать, что Ану и Эа вокруг него вращаются. Их конфигурацию можно описать только математически (см. Приложение А). Схема с неподвижной звездой Бел геометрически верна, хотя в динамике не соответствует действительности.

На этой схеме Ану описывает вытянутый эллипс вокруг Бел. На максимальном расстоянии в 224 астрономические единицы она кажется чуть-чуть больше, чем главные светила звездного неба Иштар. Но в самой близкой точке она подходит к планете примерно на 40 астрономических единиц, от 39 до 41, в зависимости от положения Иштар. Период её обращения по орбите равен 1049 земным годам. Это означает, что каждое тысячелетие красный гигант проходит мимо…

Орбита Эа больше и имеет больший эксцентриситет. Красный карлик всегда слишком далек от планеты, чтобы оказывать прямое действие, хотя он ощутимо присутствует во всех известных мифологиях Иштар. И у Эа есть единственная собственная планета юпитерианского

типа…

В текущую эпоху — для практических целей её удобно рассматривать как простирающуюся на миллион лет в прошлое и на миллион лет в будущее от настоящего момента — Ану, находясь в периастре относительно Бел, добавляет около 20 % к получаемой Иштар радиации. Это соответствует повышению эффективной температуры абсолютно черного тела на 11 °C.

Однако теоретические расчеты следует использовать с осторожностью. Планета, в особенности имеющая гидросферу и атмосферу, не является абсолютно черным телом. Так, например, повышение температуры приводит к образованию облаков, которые отражают большую часть радиации, нежели прежде, но в то же время из-за парообразования усиливается парниковый эффект. Кроме того, существует различная, но всегда значительная тепловая инерция различных регионов…

Поскольку прохождение периастра происходит быстро, время, в течение которого влияние Ану на Иштар существен-

но, оценивается довольно произвольно в одно столетие. По мере его приближения увеличиваются сначала лишь его яркость и видимый размер. На разогрев целой планеты нужно время. Штормы, ливни, засухи и тому подобные стихийные бедствия становятся все чаще и чаще по мере приближения Ану. Потом, когда красный гигант отступает, они продолжают усиливаться — подобно тому как и пик жары обычного года приходится на время после летнего солнцестояния и может держаться до осеннего равноденствия.

Так или иначе, но сейчас как раз то столетие, когда природа на Иштар бунтует.

Прецессия планеты невелика в связи с отсутствием больших лун. В прошедшую геологическую эру наклон оси вращения к плоскости орбиты приводил к тому, что главный удар периастра приходился на северное полушарие. Если это происходило зимой, Аду проходил в 26 градусах от небесного Северного полюса, если летом — то в 28. Это означает, что на эти широты приходилась максимальная радиация. Их температура поднималась

куда выше „теоретической“, со всеми вытекающими отсюда последствиями. В другом полушарии в это время не видят Аду до тех пор, пока она не начнет стремительно удаляться. Хотя, что очевидно, проходящая звезда уменьшает полярные шапки на обоих полюсах, антарктический континент остается пустынным. Можно пожалеть о столь неразумном распределении энергии, но Вселенная никогда не проявляла тенденции к разумному поведению…»

Дежерин уронил книгу на ногу. Он проснулся, но только для того, чтобы перелечь в койку.

Глава 5

Тассурский гарнизон Тарханны не сдаст её до тех пор, пока не высохнут листья на гривах солдат и пока не придется им сбрить все растения со шкуры себе на прокорм — но и тогда, пока не упадут от слабости, они будут биться. Даже умирая от голода, они ещё попытаются поднять пику или топор против рвущихся в ворота легионеров. Зная это, полк легиона Зера Победоносный зашел с севера со стенобитными орудиями: катапультами, баллистами, черепахами.

Ларрека бы приказал по-другому, злорадно подумал Арнанак. Он куда умнее.

Но Ларрека уехал за море на юг, а его заместитель Волуа был менее терпелив и хуже умел предугадывать контрманевры противника. Арнанак надеялся, что легионеры попытаются быстро отбить город, и на этом строил свои планы. Когда его догадки и расчеты перешли в уверенность, он послал гонцов, заговорили барабаны в окрестных ущельях, и там, где не могли увидеть чужие, поднялся к небу дым днем и запылали сигнальные костры ночью.

Воу дураком не был. Но за двести или триста лет службы его мысли привыкли двигаться по стандартным, накатанным колеям, и этим он отличался от Ларреки с его широким кругозором и быстрым соображением. Ведя по дороге свое войско, он широко раскинул сеть дозорных по обе стороны от Эзали. Тассуры ничего не могли противопоставить этим силам — отборным и тренированным, обученным передвигаться неслышно, читать карту и компас, снабженным биноклями и портативными гелиографами, даже волшебными ящичками с голосом из мира людей у старших офицеров. Дозорные не просто не давали врагу напасть на свои главные силы неожиданно — они ещё обнаруживали и убивали разведчиков противника, оставляя врагов в полном неведении относительно своих передвижений. По крайней мере, так было до сих пор. Арнанак нашел новый подход.

Его дауров, маленьких и далеко рассеянных, не просто было увидеть, а увидев, их принимали за животных. Если же увидевший их легионер знал предания тассуров, он, скорее всего, подумал бы: «Святое Солнце, оказывается, это правда! Значит, есть призраки в Старкленде, что иногда спускаются к нам сюда… ведь говорится же в легендах,

что они раз в тысячу лет приходят как предвестники разрушения».

Арнанак не очень твердо знал их журчащий и свистящий язык. Не мог он и заставить их передвигаться с той же скоростью, что и разведчики легиона. Но то, что он хотел знать, они ему сообщали. Он знал численность и состав войск из Порт-Руа, он знал их ежедневное местонахождение и путь и на этом знании построил свой план боя.

Он стоял, ожидая сигнала к битве. Рядом с ним стоял Кусарат, оверлинг Секрусу. Новость о падении Тарханны подвигла к действию этого могучего, но до тех пор колебавшегося вождя, и недавно он прибыл с тремя сотнями вооруженных вассалов. Арнанак желал, чтобы их предводителю были возданы все почести, как если бы тот был ему равен. Хорошо понимал оверлинг из Улу, что годы и годы пройдут, пока все племена согласятся назвать его истинным хозяином Южного Валеннена.

— И что же ты сделал? — спросил Кусарат.

— Половину своих сил я повел вниз по холмам, как если бы мы блуждали вслепую в поисках драки или грабежа, — ответил Арнанак. — Как я и ждал, легионеры ударили через открытое поле,

надеясь ошеломить нас внезапностью и превосходящей силой, опрокинуть и уничтожить. Мы, готовые к этому, стали отступать в лучшем порядке, чем им казалось, заманивая их в глубь страны. Тем временем здесь собралась вторая половина наших сил, до того рассеянная.

— А как же они укрылись от этих, как их ни назови, разведчиков? Ведь тех же много должно было быть выслано вперед.

— Верно. Но дауры помогли нашим узнать, где эти разведчики и куда идут. Потому-то мы от них и уходили.

— Дауры! — передернулся Кусарат и сделал знак, отвращающий нечистую силу.

— До меня недавно дошла новая весть, — продолжал Арнанак, как бы не заметив жеста собеседника. — Противник оставил немного солдат на охрану своих стенобитных машин на дороге. Они понятия не имеют, что я через дауров дал знать об этом воинам в Тарханну. Наши парни напали и сняли охрану. Сейчас эти машины тащат в город.

Отвращения Кусарата как не бывало. Мечом он ударил в щит и заревел от восторга.

— Спокойнее, о друг мой, если ты в силах, — сказал Арнанак. — Не надо, чтобы Зера знал, что мы

не прижаты к стенке и не отчаялись до конца.

Из закрывавших их густых зарослей лиа он осторожно выглянул вниз вдоль сухого обрыва. Там шагали войска противника, численностью до двух тысяч. По этому дефиле идти было, несмотря на каменные глыбы, легче, чем по его краям, где земля поросла колючкой. Этот путь преследуемые валенненцы выбрали сами. Волуа вел отряд между стенами каньона и вдоль него: простой здравый смысл. Но в такой местности он не мог полностью использовать своих разведчиков. Он не мог знать, какие силы собрались впереди и позади него. Огрызаясь на склонах, завязывая арьергардные бои в ущелье, тассуры не давали ему заглянуть вперед и не давали времени проверить те места, где он уже прошел.

Ветер становился невыносимо горячим. Стебли вокруг Арнанака потрескивали в его дуновениях. Пахло горелой древесиной. Красное и желтое солнца рождали тени разной длины и цвета, придавая всему ландшафту таинственный и странный вид. Там и сям торчали желтые обломки стеблей, потрескавшаяся почва переходила в откосы и кручи, кончавшиеся обрывистым утесом. Далеко в небе, скорее медном, чем голубом, парил птероид-стервятник.

Над миром стояли Истинное и Дьявольское солнца, и казалось, что первое заразилось гневом второго. Чем ближе подступало лето к Валеннену, тем сильнее пылало алым желто-белое светило. Они опустошали землю, как молоты.

Даже здесь, в клочке тени, и то уже тяжко, подумал Арнанак. А скоро придется трубить к атаке и ринуться в эту печь.

Ну что ж, он в своем снаряжении легионера экипирован лучше, чем те, кто следуют за ним. Тассурские кузнецы не в силах были повторить такое, хотя неуклюжие попытки делались. Большинство варваров из брони имели только щит, да и то не у всех он был. У самых богатых бывала ещё кольчуга для торса и тела. Но попона, которую надо было под неё надевать, мешала шкуре дышать или поглощать солнечный свет. Поэтому её владелец начинал тяжело дышать, кровь у него разогревалась, и он должен был снять кольчугу и отдохнуть, чтобы не потерять сознание. И потому даже те, кто мог себе позволить такие доспехи иметь, предпочитали носить только шлем и кирасу. Но шлем северной работы — зачастую просто забрало, сведенное вверху на конус. При надевании он ломал листья гривы.

У Арнанака на голове был круглый стальной

шлем, опирающийся на плечевые доспехи, к которым был прикреплен нагрудник из кожи и металла. Обручи от него проходили вокруг спины от шеи до горба, частично защищая гриву, но оставляя свободу движений. Нагрудная пластина не прилегала плотно, и её контактные площадки распределяли мощь полученных ударов так, чтобы они принимались всем телом. Подбитые железом рукавицы и стальные накладки оставляли доступ воздуху к конечностям, верхняя часть которых была закрыта усиленными кожаными ремнями. Все доспехи были выкрашены белой краской.

Все, кроме продолговатого щита на левой руке. Его сталь была отполирована до блеска, ослепляющего глаза врага. В середине торчал заостренный штырь, верхний и нижний края были заточены для нанесения ударов под подбородок и по ногам. Под правую руку, так, чтобы удобно было взять, подвешивались меч, топор и кинжал.

Мало было просто купить такое снаряжение. Чтобы им пользоваться, мужчина должен был пройти хорошую тренировку — такую, как у легионера: Арнанак прослужил восемь лет в Скороходах Тамбуру, да и потом у него было много случаев попрактиковаться.

Колонна была уже в полукилометре от него. Он решил, что его час настал. Подняв к губам горн, он протрубил боевой сигнал, рванулся из укрытия и устремился вниз по склону.

Под его котурнами трещали, скрипели и перекатывались камни. Давила жара, дрожал солнечный свет, вспыхивал внизу металл. Он почувствовал, как бьются и сокращаются мускулы, со свистом рвется воздух через ноздрю, как рвутся сердца и как впрыскивают стрессовый сок в его кровь растения гривы и шкуры, так что во рту становится сладко. Слева летел Кусарат, а дальше, за его зеленым знаменем, неслись мужчины Секурсу. Справа мчался Торнак, его собственный сын, с эмблемой Улу — воздетым на шест рогатым черепом азара из Северного Бероннена. За ним бежали мужчины его народа.

И отовсюду, как мог заметить Арнанак среди слепивших его вспышек металла, отовсюду мчались другие отряды, волна воинов, хлынувшая на солдат Союза. Не останавливаясь, смяли они внешнее охранение легионеров, втоптали его в землю и обрушились на колонну.

Зазвучали трубы и барабаны, солдаты встали теснее. В воздухе стало темно от стрел, дротиков и камней из пращей. Арнанак видел, как один из

его воинов с криком упал, и жадная почва тут же впитала кровь из его жил.

— Вперед, вперед! — проорал Арнанак. — Даешь рукопашную! В мечи, в топоры их! За вашу жизнь и ваши семьи — Огненная пора грядет!

После битвы все устали, и большинство страдало от ран. Воины не желали ничего другого, как только лечь, где стояли, и избавиться от боли. Но оставалась ещё работа. Раны надо было перевязать, некоторые — зашить, остановить кровь. Смертельно раненным следовало перерезать горло — тем, кто был не в силах сделать это сам. Пленных врагов надо было связать для увода в рабство — если Союз не заплатит за них хороший выкуп. И хотя рядом был колодец, Арнанак приказал разбить лагерь возле следующего — это ещё часовой марш.

На недовольное ворчание он ответил:

— Те, с кем мы сегодня бились, лежащие сраженными, бились хорошо. Если мы здесь останемся, пожиратели падали не осмелятся подойти, и души павших освободятся не скоро. Мы можем им помочь. Благородные поступки приносят удачу.

Глаза Волуа закрыл сам Арнанак.

Войско нагрузилось само и нагрузило пленников захваченными у врага трофеями и собствен-

ными погибшими. Домой их нести не собирались — слишком дальний переход. Но не так уж трудно им будет промучиться в погибшей плоти день-другой, пока эта плоть не будет сварена и съедена в Тарханне. Последняя услуга боевому товарищу была и благородным освобождением его души для путешествия в загробный мир, и пиром для его семьи. А кости его, конечно же, отнесут назад, домой, чтобы с их помощью вызывать вещие сны, прежде чем они навеки упокоятся в дольменах.

Честно говоря, Арнанак не разделял этой веры. На службе Союзу он был посвящен в таинства Триады. В них он находил больше смысла, чем в примитивных верованиях своего народа. Но об этом он не распространялся и, став оверлингом, проводил обряды жертвоприношения и сделал сегодня то, что сделал, ибо это способствовало прославлению его имени.

Солнце уже почти ушло вслед за Бродягой за холмы — или Истинное Солнце почти ушло за Пришельцем, — когда они достигли источника, который искали. Он был окружен кольцом потрескавшейся, пересохшей грязи, но низкие заросли желто-коричневой лиа и приземистые деревья ена образовывали скромный оазис. Там и сям виднелись голубые побеги, признаки про-

никновения старклендской жизни. Предания, дошедшие от переживших Огненную пору предков, говорили, что растения этого рода легче приживаются, чем растения смертного мира, они проникают повсюду, и появляются твари, что ими кормятся, а за ними приходят дауры. И вот так опустевшие, выжженные, выметенные бурями земли становятся обитаемыми.

Потом, когда уходит Мародер, уходят и голубые растения, и животные, что ими питаются — кроме тех, что, как феникс, всегда процветают в Южном Валеннене, и можно снова зачинать детей в надежде, что они вырастут.

Арнанак велел привязать пленников на лучшем пастбище оазиса. Другой еды не было. Все сушеное мясо или плоды, что каждый брал с собой, давно были съедены, и разве оставались у кого-нибудь силы для охоты за дичью? Но он и его воины, имея свободу, могли что-нибудь найти в долине.

Пока они паслись, наступила ночь. В годы, окружающие Огненную пору, странным кажется, что весной каждая ночь длиннее предыдущей, потому что Красный идет по небу так, чтобы догнать Истинное Солнце где-то в середине лета.

Над затененными кручами и обрывами перели-

вались, мерцая, звезды, светился Мост Призраков, сиял нерешительный свет Нарву. Воздух не остывал, но дыхание бриза поглаживало, как ласковая рука. Наконец победители могли вкусить отдых. Арнанак слышал вздохи, исходящие от устраивающихся на покой тяжелых тел, только угадываемых в темноте, когда один за другим мужчины ложились с глухим стуком, положив подбородок на скрещенные передние ноги. Сам он сидел у небольшого костра. Сбоку от него лежали Торнак и ещё трое сыновей. Кусарат из Секурсу спросил, можно ли к ним присоединиться.

— Если ты не намерен спать, — вежливо добавил он.

— О нет, я предпочел бы отдохнуть, бодрствуя, — ответил Арнанак.

— Я также. Мысли мои в беспорядке. Если бы задремал сейчас, мне не сделать хорошего сна.

— Воу? Ты знаешь искусство сновидцев? Не ведал я того.

— Ничего я не умею такого, о чем стоило бы говорить, — признался Кусарат. — Но я умею сделать сон приятным… или полезным.

Арнанак кивнул:

— Вот и я так же.

— И я, — сказал Торнак. Он засмеялся. — Хотел

бы я сегодня снов о пиве и женщинах — не в Тарханне, и не в доме отца моего, а в Порт-Руа, когда мы его возьмем — это будет здорово! Или даже в Сехале.

— Не слишком увлекайся, — предупредил его Арнанак. — Завоевание только началось и продлится долго, мы ещё можем не дожить до его конца.

— Тем больше смысла помечтать сейчас, — сказал сводный брат Торнака Игини. Отец сделал им знак замолчать. Молоды они были и ещё не обладали достаточно хорошими манерами. Двое других были постарше, трезвые женатые мужчины, но ни один из них ещё не перешагнул свои первые шестьдесят четыре года, а потому власть Арнанака распространялась и на них.

Он хотел, чтобы к Кусарату проявляли уважение. Хотя похоже, что он беспокоился зря, потому что Кусарат спросил:

— Это все твои парнишки, Арнанак? — и получив утвердительный ответ, добавил: — Тогда, наверное, остальные у тебя где-то далеко — те, что уже выросли. Потому что я слыхал, что зачал ты их много, и от стольких женщин, сколько мало кто из нас имел.

Арнанак не стал отказываться. Кроме несколь-

ких супруг, полученных в результате браков по расчету, и ряда наложниц, он наверняка оплодотворил многих жен, которых ему одалживали во время странствий. Мужьям было приятно оказать ему гостеприимство в надежде на появление в доме детей хорошей породы. У него была не только слава и сила — был ещё и он сам, большой, с мягкой походкой, и на черном лице глаза были настолько же зелены, насколько зубы белы, а самые страшные раны, полученные им в своей бурной жизни, зажили, не оставив шрамов.

Он ответил совершенно серьезно:

— Да. Одни сейчас в морских набегах, другие несут послания от меня по суше. Но большинство дома и делают то, что я им приказал. Я никогда не забываю, на каком узком краю мы живем — пока не завоевали себе новые дома в лучших странах. И даже такая победа, как сегодня, значит меньше, чем сбор еды и тех товаров, что мы можем продать.

— Нг-нг-нг… ты говоришь, как житель Союза, — пробормотал Кусарат.

— А я был им. С тех пор как я имел с жителями Союза дело в Валеннене, я наблюдал за ними, я их слушал, я старался научиться. Как ты думаешь, почему они установили свою власть над всем

миром, который мы знаем? Конечно, они больше нас умеют, их страна богаче, их там больше, все это правда. Но главное — ив это я верю — главное то, что они умеют рассчитывать наперед.

— И ты хочешь нас сделать такими же? — настороженно спросил Кусарат.

— В той мере, в какой мы сможем стать такими и в какой мы от этого выиграем, — ответил Арнанак.

Кусарат какое-то время смотрел на него, освещаемого вспышками неровного пламени, и, помолчав, сказал:

— И ещё ты водишься с даурами… и кто знает с какой ещё чертовщиной?

— Мне часто задавали этот вопрос, — сказал Арнанак. — Лучший ответ, который у меня есть, — это правда. Кусарат поднял уши и махнул хвостом:

— Я тебя слушаю.

— Впервые я встретил их, киаи-аи, может быть, пару сотен лет тому назад, когда я был юнцом, только что из щенячества, и Факелоносец ещё не потревожил мир. Хотя он был так ярок, что ночью отбрасывал тень от предметов, и мы знали, что он идет к нам. Но молодые не боятся далекого завтра, а старым нет смысла о нем думать. Мы

хорошо жили в те дни — ты помнишь?

— Мои родители жили в Эвисакуке, где Мекусак был оверлингом. Мой отец был полностью свободным хозяином, а не вассалом. Дом наш стоял на горе Клык, и близких соседей не было. Мои родители считали, что меня зачал Мекусак в тот раз, когда укрылся у них от непогоды. Потому что я рос таким же большим, как он, и таким же вспыльчивым, и так же не любил ковыряться в земле. У нас был нищенский клочок земли, где росли несколько травинок. А главным занятием отца и нас, парней, была охота. Когда он нас посылал одних, я, бывало, уходил на много дней, а потом Приходил и врал про долгое неудачное преследование. Они мне не очень верили, потому что по совместным охотам знали, на что я способен.

Так год от года я отдалялся от семьи, и на меня все больше ворчали. И однажды я, бродя сам по себе на западных склонах тор, так высоко, что видел, как блестит вдали океан, нашел там даура. До того я видал их иногда мельком. К нам они не так редко заходят, как в другие места Южного Валеннена. Может быть, потому, что у нас глушь с редким населением, может быть, потому, что здесь больше тех растений, которыми они кор-

мятся, а нам не годятся. А может быть, наша земля зачарована. Кто ведает? Я и по сей день не знаю.

Так или иначе, передо мной оказалось это сверхъестественное существо. Его придавило накануне поваленным бурей деревом. Он уже еле двигался, и под кожей ходили волны, а сама кожа из пурпурной стала белой под беспощадным полуденным солнцем. А лепестки на ветке — на той ветке, где должна бы расти голова, — сжимались и разжимались, как будто задыхаясь, воздух ловили, и усики под ними корчились. Из живота смотрели три глаза, черные, как дыры. И дыра тоже там была, пробитая острым обломком ветви, и из неё сочилась сукровица.

В первое мгновение я хотел убежать, а во второе — убить. Однако я сдержался. И меня осенила мысль: мы их боимся, а иногда ненавидим, потому что не знаем их. Не потому, что в них зло — есть рассказы о том, как они приносили нам вред, но эти рассказы могут быть ложью. И есть рассказы о том, как они помогали смертным, и эти рассказы могут быть правдой. Не заманчиво ли свести дружбу с дауром? Я сбросил с него дерево — для меня оно было легким, отнес его в пещеру неподалеку, почистил и перевязал его рану, как только мог, и сделал ему постель из лиа.

Несколько последующих дней я носил ему воду и еду, которую он ел.

Я говорю «он», но это могла быть и «она», и «оно», и вообще Бог знает что. И я даже не знаю, стали ли мы друзьями так, как дружат смертные. Кто может знать, о чем думает даур к глубине своего чрева или лепестков, или где там у них душа помещается, если она вообще у них есть? Я только знаю, что мы перестали друг друга дичиться и стали чуть-чуть разговаривать. Мне было трудно овладеть его журчанием и писком, а он нашу речь совсем не мог изобразить. Но мы как-то поняли значение отдельных жестов и звуков.

Когда он выздоровел, он не подарил мне ни сокровищ, ни волшебной силы, на что я надеялся. Он только дал мне понять, что просит меня возвращаться, когда я только захочу. Домой я вернулся в задумчивости.

Конечно, я никому ничего не рассказал. Возвращался я часто. И меня обычно никто не встречал, но иногда я бродил с целыми компаниями этих существ. Металлов они не знали, но давали мне каменные инструменты, не подходящие для моих рук ни по форме, ни по размеру, но для них очень удобные, а может быть — приносящие удачу. А я водил их вокруг — помнишь, они же там не жи-

ли, они приходили с Пустынных холмов и вдоль Стены Мира ненадолго — и я помогал им ловить мелкую дичь, которой бы мне не прокормиться, и отдавал им кости от своей добычи, из которых они делали свои инструменты. Может быть, это и было одной из их целей. В Старкленде, как я потом узнал, все животные — карлики.

Тем временем я начал ухаживать за одной женщиной и, похваляясь, рассказал ей о своих товарищах-даурах. Она оказалась не такой храброй, как я думал, и убежала от меня в страхе. Вскоре меня нашли два её брата и обвинили в попытках навести на неё чары. Гнев родил гнев, и они легли замертво. Родители с обеих сторон быстро уладили ссору, прежде чем она успела перерасти в кровную месть.

С тех пор я понял, почему отцы имеют такую власть над своими сынами и внуками, а матери — над дочерьми и внучками до шестидесяти четырех лет. Тут дело не в «воспитании», не в «правах», не в слове богов, а просто потому, что, если бы этого не было, слишком много погибало бы молодых. Но как бы там ни было, а мой отец решил, что правильно будет дать мне разрешение уйти. И я отбыл в радостной надежде.

Последующие сто лет или около того мне было

что делать, кроме как шататься с даурами по горе Клык. Я был охотником и носил продавать шкуры в Тарханну.

Когда я услышал, что за древесину феникса чужеземцы платят лучше, я стал лесорубом. Мы гоняли плоты в Порт-Руа, и я узнал этот город. От того, что говорили в нем о землях за Южным морем солдаты, матросы и купцы, я загорелся и ушел в море сам.

Я начал с пиратства. Но в те дни это не было доходным ремеслом. Мы боялись нападать на те острова, где был пост легионеров, а таких было большинство. И скоро я уже был палубным матросом на торговом корабле из Сехалы. И долго я скитался по землям Союза, берясь за любую работу, пока не вступил в легион. Мне там понравилось, но когда кончилась моя октада, я там не остался, потому что к тому времени я задумался. И вместо того я отправился прямо в Сехалу, и жил там на то, что скопил, и читал книги.

Да, я научился читать, и в этом нет волшебства, что бы тебе там ни говорили. Я читал и слушал слова мудрецов.

Ты поймешь: год за годом становился ярче Поджигатель, и росло волнение в Сехале. В такие годы погибали цивилизации — в наводнениях,

бурях, голодоморах, катастрофах и нашествиях дикарей из ещё более опустошенных стран. Но у них, в Сехале, была надежда. В последние два цикла легионерам удалось что-то спасти, и во второй раз больше, чем в первый.

Да, да, вот настолько стары легионы, в том числе и Зера. Они пережили народы и дали возможность новым народам вырасти быстрее. А к тому же сейчас пришли люди — эти чужаки, о которых ты, наверное, слышал всякие слухи…

Да, я встречал и людей, хотя и не говорил с ними. Но это в другой раз, Кусарат. Ты же спрашивал меня про дауров.

По летописям легионеров выходило, что Злая звезда пройдет прямо над Валенненом. В прошлом, говорилось там, валенненцы — наши предшественники не называли себя тассурами — в основном вымерли. Остались неясные обрывки сказаний о том, что северяне в прошлые века, когда ещё не было легионов, захватили Огненное море и частично — Бероннен. Их имена не сохранились, их потомки стали частью теперешней цивилизации, но они выжили в Огненную пору. Выжили!

И я думал: если Союз сохранит свою мощь, то такого вторжения уже не будет, и большая часть

моего народа вымрет. Мне это не было безразлично. Наши ссоры — это ссоры любящих. И я думал: но ведь Союз будет очень ослаблен. Если Валеннен усилится, объединится под умелым руководством — ты понимаешь?

И я так решил. Да, я хочу быть тем, кто определит, как пойдет весь следующий цикл. Я хочу, чтобы ко мне, а не в Сехалу пришли люди и со мной имели дело. И когда я умру, останется обо мне память, и мой череп станет оракулом до следующей Огненной поры и после нее. Это всего лишь плата солдату за спасение народа.

И я вернулся домой. Остальное ты слышал: как я расчищал новые земли в Улу, как я создал богатство и власть, торгуя с Союзом и занимая его место там, откуда он уходил, как приходили ко мне захудалые семьи, которые знали худшие годы, и давали мне клятву верности за земли и защиту, и я учил их, как сражаться не только руками, но и головой. И они стали плотью моей силы.

Но нужен ещё и дух. Кусарат, я скажу откровенно, я ловил слова о тебе, потому что ты — могучий оверлинг. И я могу с тобой говорить открыто, а не так, как с другими. Ты не обитатель глуши, что повторяет все сказки старых баб о богах.

Я знаю, что наших недалеких и ограниченных тассуров не сбить в кучу одной только силой, даже чтобы спасти самые их жизни — нужно ещё что-то другое: такое, что сплавит их в единый слиток, из которого я смогу выковать меч.

И я снова стал искать моих дауров. Долго и упорно пришлось мне искать. Хотя они даже и чаще теперь выходят в царство смертных, и в большем числе, когда приближается Родитель Бурь. Их Старкленд пересыхает даже ещё сильнее, чем наши земли, а когда жара убивает наш вид жизни, их вид продвигается в наши края, чтобы дать им жизнь.

Но в конце концов, неважно как, я нашел даура. Мы поговорили, как смогли. Потом я встретил ещё дауров, и мы поговорили еще. Я не знаю, был ли среди них тот, кого я спас, я даже историй об этом не слышал. Хотел узнать, но не вышло. Я плохо знаю их речь и их пути и смог только сказать, что раньше я дружил с такими, как они. Я очень старался к этому что-нибудь добавить, потому что в Огненную пору не только смертные ищут себе союзников. Они нас остерегаются.

И если опять быть откровенным, то слишком тесная дружба может заставить моих последователей не остерегаться их, когда нужно. Мне

нужен был сигил. Дар, который был бы знаком их расположения, их же самих следовало держать подальше от тассуров. Но я никак не мог им этого объяснить — настолько они от нас отличны. А если они меня и поняли, то могли не понять, что для этого нужно. Я ведь, в конце концов, и сам понятия не имел, что это может быть. Амулет из кости или камня не годился — я ведь мог его и сам сделать.

И тогда они взяли меня с собой в свои земли.

Ты слыхал, что я уходил. Ты мог слышать, что я пришел назад — кожа да кости — и годами восстанавливал здоровье. Но ты не мог слышать, что было там. Три года я просто готовился.

Сначала дауры взяли еду для меня и устроили склады на всем пути. В Старкленде она не сгниет и звери её не съедят. И все же я почти голодал. Они заготовили очень мало, даур ведь не может много нести, а я не предвидел, насколько сурова их страна. А ещё ближе я был к смерти от жажды. На севере не пустыня, по крайней мере так было, пока не вернулся Красный. Но там сухо, тамошней жизни нужно меньше воды, чем нашей, и это мы тоже не предусмотрели.

Наконец мы вышли к каким-то руинам. Я шел там ощупью, полубезумный, пока один даур не

показал мне Дар, наполненный неизвестными звездами. Я схватил его и направил мои стопы прочь от земли, что ненавидела и жгла их. Как-то им удалось меня вытащить. С тех пор мы с даурами сошлись ближе. У нас есть тайны, которые я не имею права выдавать. Но их намерения добры и мои по отношению к ним — тоже. Моим друзьям они помогут, моим врагам будут вредить. И хватит на сегодня речей. Я сказал, а ты понял.

Позже, погружаясь уже в дрему, Арнанак подумал: «Хватит речей — для него. Люди хорошо заплатят, чтобы услышать больше. То, что я смогу им рассказать о даурах, может принести хороший барыш — их отступничество от Союза».

Глава 6

Уже несколько часов как Ану зашла за горизонт, и Бел тоже стоял низко. Желтые лучи подсвечивали деревья на Кемпбелл-стрит. Проходя через красную листву, они бросали на землю коралловый отблеск. Прохладный воздух нес осенние запахи из-за реки. На тротуаре играли дети, и до ушей Иена Спарлинга доносились их выкрики. Вокруг них ездил велосипедист. Больше никого не было видно. Лаборатории и заводы, окруженные садами, уже закрылись, работники разошлись по домам, кроме тех немногих, что сгрудились возле дома мэра, ожидая появления землянина и надеясь услышать свежие новости.

Первое совещание фактически закончилось. Хэншоу пригласили его участников остаться на обед. Спарлинг отговорился тем, что его жена сегодня приготовила что-то особенное и ждет его домой. Хэншоу, как он подозревал, догадались, что это неправда, но ему было все равно. Выйдя по боковой аллее и в обход дома, он избежал расспросов толпы.

Держа в зубах погасшую трубку и сжимая в

карманах кулаки, он мерил путь широкими шагами, не обращая внимания на все вокруг. Он остановился, только когда чьи-то пальцы сомкнулись на его руке и встряхнули. И тогда он увидел Джилл Конуэй. Он остановился. Кровь побежала быстрее и зашумела в ушах.

— Эй, — сказала она, — что за спешка? Ты несешься, как дьявол за душой мытаря.

Ее голос выдавал радость от встречи. Но через секунду она сочувственно спросила:

— Что, плохо?

— Да мне бы не надо… — он чуть не выронил трубку, подхватил её, сглотнул и спросил: — А что ты здесь делаешь?

— Тебя жду.

Он засмотрелся на её тонкую фигуру. В почти горизонтальном уже свете волосы Джилл вспыхнули золотом.

— Да? Это зачем? — «Нет, конечно, она меня не ждала. Просто случайно заговорила». Спарлинг взял себя в руки. — Как ты узнала, где и когда?

— Попросила Ольгу Хэншоу позвонить мне, как только закончится официальное обсуждение. Ей никто этого не запрещал, а она считает, что мне кое-чем обязана.

Джилл спасла их ребенка, когда он тонул пару

лет назад. Впервые Спарлинг услышал о том, что Джилл попросила об ответной услуге.

— Пожалуйста, Иен, не будем про это.

— Не будем, — сразу же согласился он. И подумал: ведь Бог специально просил сохранять конфиденциальность, пока он думает, как известить Примаверу… и весь Союз. И потом… ладно, то, что я скажу Джилл, дальше не пойдет. Если уж кому-то на этой планете можно верить, так это ей. Ее надо было пригласить на это совещание. Хотя это вызвало бы у меня ревность и помешало бы… или вдохновило бы… Хватит этой ерунды, старый ты идиот!

— А насчет того, где ждать, — продолжала Джилл, — так я же тебя знаю. По Кемпбелл-стрит на Риверсайд — и домой. Верно?

Он попытался улыбнуться:

— Я настолько прозрачен?

— Нет. — Она внимательно смотрела на его худое лицо. — Нет, ты очень скрытный человек. Однако был шанс, что ты уйдешь раньше, потому что ты никогда не придавал значения всем этим вежливостям. И ты выбрал бы такой путь, чтобы избежать людей. Сейчас такой путь здесь. Примавера, в конце концов, не лабиринт. — В голосе послышалась ирония: — Вы знаете мой метод,

Ватсон. Воспользуйтесь им!

Он мог только хмыкнуть и покачать головой.

— Да расстегни ты воротничок, — предложила Джилл. — Ты больше не должен своей серьезностью производить впечатление на Космофлот. Кроме того, этот твой вихор здорово портит весь эффект.

— Ладно.

Он так и сделал, она взяла его под руку, и они пошли тем свободным широким шагом, которым оба любили ходить.

— Что случилось? — спросила она чуть погодя.

— Я бы не должен…

— Да, конечно, конечно. Но ты ведь не давал подписку о неразглашении? Я тебе могу обещать, если хочешь, что ничего из этого дальше не пойдет. Она сделала паузу, и было слышно, как стучат шаги, и он чувствовал её прикосновение. Когда она снова заговорила, её голос был мягче. — Иен, я понимаю, что прошу некоторой привилегии. Но у меня брат в Космофлоте. А Ларрека всегда мне был вторым отцом. И этой ночью, он ведь остановился у меня… Труднее всего было выдержать, когда он заставлял себя шутить, рассказывать анекдоты и вообще всячески меня развлекать. А мне хотелось плакать. Но он понял бы, что это

значит, а дочь солдата не должна показывать горя.

— Традиция легионеров, — сказал он, не найдя других слов. — Иначе это вредно сказалось бы на боевом духе. У нас, людей, по-другому.

— Не очень по-другому. И если бы я знала — чем скорее бы я узнала, как обстоят дела, тем раньше я могла бы начать думать о какой-то реальной помощи, а не сидеть сложа руки и заниматься самоедством.

Он посмотрел на нее, и ему не пришлось опускать глаза так далеко вниз, как обычно мужчине его роста при взгляде на женщину. Ее голубые глаза были спокойны, но она больше не улыбалась, а в горизонтальных лучах солнца у неё на ресницах что-то блеснуло.

— Будь по-твоему. Хотя то, что ты услышишь, тебе не понравится.

— Я этого и не жду. Ну ты и баклан!

Это слово означало что-то вроде «старый кавалерист» и подразумевало что-то доброе, сильное и надежное. Она выпустила его локоть и взяла за руку. Ему захотелось пожать её руку в ответ. Нельзя, совершенно не следует давать ей понять, как все это для него важно. Но ведь держать её за руку ему можно?

Они дошли до вертолетной площадки и свернули на север на Риверсайд дорогу, что отходила от левого берега Джайина. Справа от них деревья закрывали собой Город — длинная шеренга мощных мечелистов, защищавших участок земной растительности от бешеных смерчей с запада. Напротив них, что-то лепеча и отсвечивая в лучах заката, несся широкий поток. Рябили в нем коряги и перекаты, показывался на отмели рыбоящер, отливая серебром, мелькали бриллиантовыми ракетками мошки всех цветов. На дальнем берегу простиралось обычное пастбище этой планеты — охряный — дерн из лиа и рассеянные там и сям меднокронные деревья. Не очень далеко паслось стадо овасов и отдельно от них — шестиногие коровы. Хорошо бы Констебль написал такой пейзаж, подумал Спарлинг.

Здесь воздух был прохладен, тих и влажно дышал сложным букетом ароматов. На западе, под заходящим солнцем Бел, горели оранжевым облака. А все остальное небо было так чисто, что словами не передать. Призрачно мерцающая Целестия склонялась к востоку. Под ней, так высоко, что, казалось, у него нет тела, только крылья, парил сару. Он не спускался за ибуру, что летали ниже, может быть, он ждал добычи полегче, чем

этот большой бронзовокрылый птероид. Маленький кантор в серых перышках вел, сидя на кусте, свою осеннюю песню.

Спарлинг вспомнил, что продолжение работы своего учителя, старого Джима Хасимото, о различных функциях пения кантора и близких к нему видов было одной из первых её серьезных исследовательских работ, и как она кричала от восторга, когда подтвердилась её основопотрясающая гипотеза. Не тогда ли он впервые… нет, наверное, не Тогда. Она тогда была ещё голенастым подростком, на шесть или семь лет старше его дочери, просто одна из троих детей Конуэев. С тех пор Алиса вышла замуж за Билла Филлипса, а Дональд вслед за Бекки отправился в колледж на Землю, пока не попал в Космофлот…

— Мы скоро придем к тебе домой, Иен, — предупредила Джилл, — если ты не остановишься поговорить.

— Ладно, давай с этим закончим. Как бы там ни было, рассказывать не очень много есть чего.

— Корабли, наверное, почты не привезли?

— Нет. По крайней мере, никто об этом не упомянул. Их начальник, капитан Дежерин, обещал обеспечить регулярную связь. Если не будет других средств, его посыльные суда перевезут и

гражданскую почту.

— А зачем они здесь?

— Это было сказано вчера, сразу же после первого контакта. Защитить нас от возможного вторжения наксанцев.

— Я бы сказала, что это смешно. А по-твоему? Смешно, как вся эта война.

— Может быть, и нет.

— Ладно, если их присутствие гарантирует бесперебойное снабжение хотя бы для твоей работы, — я была бы глубоко благодарна. Да ведь нет, ходят слухи, что из-за этой войны почти все рейсы прекратятся, в том числе и ключевые. Капитан Хузи сегодня это подтвердил. Верно? Иначе ты бы так не завелся.

Спарлинг резко кивнул.

Джилл внимательно посмотрела на него, прежде чем продолжить:

— Там ещё что-то было похуже. Верно?

— Верно, — вырвалось у него. — Они хотят построить здесь базу. Для разведывательных операций. А это значит депо, ангары, службы поддержки и консервации и местная военная промышленность для поддержания межзвездных перевозок. У Дежерина есть приказ мобилизовать для такой работы все местные ресурсы, кроме

тех, что необходимы для нашего выживания. В настоящий момент мы должны определить, какую часть своей продукции мы потребляем, а остальное отдать на склады Космофлота.

Джилл остановилась. И он тоже.

— Не может быть, — прошептала она.

Он почувствовал, как расслабились его напряженные плечи.

Она схватила его за обе руки.

— Твой цементный завод? — спросила она. — Ты не сможешь делать бетон для плотин!

— Именно так. — Он сам слышал, насколько был его голос лишен всякого выражения. — Он реквизирован на строительство базы.

— Неужели ты не мог объяснить?

— Мы пытались, по поводу разных объектов. Я лично указывал, что наводнения в долинах, вызванные таянием снегов, всегда были основной причиной гибели цивилизаций в Южном Бероннене, а в этом периастре мы можем этому помешать, по крайней мере попытаться, — слушай, тебе-то я зачем об этом говорю? Дежерин спросил меня, когда начнутся наводнения. Я дал ему нашу оценку — он ведь наверняка проверил мои материалы, — и он сказал, что война в течение пяти лет закончится и мы продолжим

работу.

— Он что, никогда не слыхал о времени подготовки? Он думает, что ты можешь построить сеть плотин в высокогорной стране с использованием местного труда и почти без машин, просто потерев лампу?

Спарлинг скривился:

— И он, и его люди не такие уж противные. Они не злы и не глупы. Мы можем протестовать и посылать петиции на Землю, и они не всегда будут с нами спорить. Все будет зависеть от того, что там решат, рассмотрев наши материалы. А пока что у них есть приказ. — Он перевел дыхание. — Бог их спросил насчет военной помощи Союзу. Дежерин сказал «нет». Они получили отдельное строгое предупреждение о невмешательстве в местные споры. Это относится и к нам, как он сказал. Мы не имеем права рисковать оборудованием, которое может пригодиться для военных целей, или рисковать тем, что силы будут вовлечены в конфликт, отличный от главного задания. Кроме того, парламентская комиссия объявила, что должно быть проведено расследование по нашим прошлым «вмешательствам», поскольку они очень напоминают «культурный империализм».

Джилл вытаращила глаза.

— Святой Иуда! — произнесла она.

— Я не очень удивился, — признался Спарлинг. — Когда я в прошлом году был на Земле, было похоже на появление новой интеллектуальной моды — насчет того, что развитие негуманоидов должно идти естественным путем.

— Если, конечно, это не наксанцы с Мундомара.

— Само собой. Тогда я не очень волновался насчет Иштар, потому что было достаточно ясно: если мы не поможем цивилизации выжить, умрут миллионы разумных существ. Но теперь…

— Теперь, — закончила за него Джилл, — мы должны будем найти это разумным, чтобы не дай Бог не обделить нашу любимую войну. И доктрина «невмешательства» — превосходное обезболивающее средство. — Она сплюнула. Понимаешь, почему я никогда не летала на Землю?

— Ладно, не суди о целой нации по её политикам. Я думал, что ты просто не спешишь увидать кучу домов, толпы людей и полный мир чудес. Там ещё много красивых мест, на Земле.

— Ты мне говорил. — Джилл стукнула кулаком по ладони. — Иен, что мы можем сделать?

— Постараться, чтобы приказы отменили, — вздохнул Спарлинг.

— Или найти в них лазейки?

— Если получится. Главное, я думаю, надо начать перетягивать людей Космофлота на нашу сторону. Заставить их согласиться с тем, что Союз Сехалы важнее, чем мелкая база в стороне от театра военных действий. Их слово в Мехико-Сити будет значить больше, чем наши страстные жалобы. Я повторяю, что Дежерин и его люди — в основе своей достойные и разумные люди. Они сторонники войны, но это не значит, что они фанатики.

— Ты планируешь для них большой тур?

— Пока нет. Я завтра должен быть в Сехале, чтобы сказать ассамблее… что любую помощь, которую они от нас рассчитывают получить, они могут получить нескоро. — Спарлинг поморщился. — Это нелегко сказать.

— Нелегко, — согласилась Джилл. — Я бы не хотела оказаться на твоем месте, Иен. Ты ведь понимаешь их лучше всякого другого, и они тебя Бог знает как высоко ставят. Но я хотела бы, чтобы тебе не пришлось этого делать.

Он взглянул на нее, как пораженный молнией, «Настолько я ей не безразличен?»

Она продолжала задумчиво:

— Допустим, что мне удастся переубедить этих

землян. Ну, не переубедить, это за сутки не получится, но дать им понять наше дело, просто выложив факты. У меня нет здесь профессионального интереса — исследователь должен быть беспристрастным. И у меня брат в военной форме. Так что они должны будут прислушаться. Я буду говорить вежливо, даже сердечно. Как ты думаешь, Иен, это может помочь?

— Еще бы! — вырвалось у него. И сразу: «Я не верю, что ей пришло в голову, как может добиться своего очаровательная молодая женщина. Она понятия не имеет о том, как флиртовать». Это его тронуло, хотя он тут же понял, что заботится она о нем по-дружески, только по-дружески.

Она встряхнула головой:

— Ладно, нас ещё не стерли в порошок. Это значит, что пока У нас есть ещё что-то между ушами, мы можем надеяться. — И серьезным голосом добавила: — Когда встретишь Ларреку скажи ему от меня: «Яаго барао».

— Как?

— Ты не знаешь? Это не по-сехалански. Это на языке тех островов, где Зера стоял десятилетия тому назад. Грубый эквивалент слов «Я ещё не начал битву». Когда Ларрека это от меня услышит, ему станет приятно.

Спарлинг прищурился. Для них обоих поддразнивание давно стало общим удовольствием и привычным убежищем.

— Грубый, говоришь? А насколько грубый? Каков точный перевод?

— Я — леди, — ответила она с достоинством. — Я тебе этого не скажу, если только ты не считаешь, что мне полезна тренировка в искусстве краснеть. Или тебе полезна.

Они немного молча постояли, соединив руки.

— Слишком красив этот закат, чтобы думать о чем-нибудь еще, — сказала она, глядя на другой берег. Свет, отраженный от воды и облаков, обливал её золотом. — На Земле на самом деле ещё сохранились такие же красивые места?

— Немного. — Он чувствовал только её пожатие.

— Твои любимые зеленые поля?

— Нет, они не такие. А вот горы, леса, моря, влажный климат…

— Глупый! Я же знаю, что ты из Британской Колумбии. Ты только подтвердил и без того известный мне факт, что ты воспринимаешь все буквально, как компьютер. Если я скажу «лягушка» то ты не просто прыгнешь, а очень постараешься позеленеть.

Он усмехнулся, преодолевая внутреннюю боль.

— Поезжай на Землю, найди там лягушку и преврати её своим поцелуем в прекрасного принца. Только ты об этом пожалеешь, потому что по закону сохранения массы ты сама тут же превратишься в лягушку.

Поняла ли она, что назвала его старым и скучным? Потому что она снова заговорила серьезно.

— Понятно, что на Земле сохранились анклавы нетронутой природы, и тебе повезло в одном из них вырасти. Но не был ли ты впервые счастлив, когда приехал сюда? Разве не счастливее ты оттого, что мы сами — анклав? Свобода… — Вдруг она резко взмахнула рукой: — Смотри, смотри! Бипен!

Спарлинг посмотрел, куда она показала. Животное, которой медленно вылетало из-за деревьев, меньше походило на птицу, чем другие птероиды, что летали на виду. У него вместо четырех ног и двух крыльев были две ноги и четыре крыла — и куча других отличий, от скелета до формы перьев. Спарлинг видал диптера, который ныряет за ихтиоидами на побережье Южного Бероннена. Но большинство четверокрылых, менее удачливых, чем двукрылые, не вылетали за пределы Хаэлена. Бипена ему раньше видеть

не приходилось. Большой и красивый птероид с плюмажем, светившимся ярко-фиолетовым в лучах заката.

— Они начинают двигаться на север, — выдохнула Джилл. — Я так и думала. Остались от прежнего цикла — сдвинулся пояс бурь… Иен, я правда сумасшедшая или зациклилась на влиянии прохода Ану на экологию?

«Нет, — хотел он сказать. — Нет, ты не можешь быть не права».

Сказать это вслух он не мог и только поискал слова более убедительные, чем просто «конечно, нет». Его мысли прервал её вскрик. Он вскинул глаза к небу.

Сару, который парил над ними, перешел в пике, подобрав когтистые лапы и выставив крючковатый клюв. Спарлинг слышал, как свистит разрезаемый воздух. Раздался звук удара, сломавшего шею бипена, и брызнула веером кровь. У ортоиштарианской жизни кровь пурпурная и сильно флюоресцирует. Сару тяжело полетел прочь, унося свою добычу.

Джилл затрясло. Он снова увидел слезы на её ресницах, но она справилась с собой.

— Так должно быть, — тихо сказала она. — Каждую тысячу лет. Может быть, местные виды уже

от этого даже стали зависеть. Но мы не обязаны. Верно?

Он покачал головой.

— Видит Бог — я имею в виду настоящего — мы не уйдем. — И, подавляя всхлипывание: — Извини. Я вообще стараюсь держаться, но эта бедная птица столько пролетела, чтобы тут погибнуть… Ладно, ну его. Спасибо тебе за все, Иен. Спокойной ночи.

Она выпустила его руку, повернулась и быстро пошла обратно, а Бел скрылся за краем мира.

Спарлинг остался на месте, набивая трубку, пока она не скрылась из виду, и потом ещё несколько минут. В голубых сумерках темнели облака, и только луна подсвечивала их края. Начинали выступать ранние звезды, и спелым плодом сиял Мардук. Он подумал, как должна была страдать эта планета от бурь, что поднимал Ану в её атмосфере. Но за сотню миллионов километров ничего не было видно, кроме мирной идиллии. Воздух становился все прохладнее, журчала вода, и вкус дыма во рту был вкусом горького поцелуя.

Конечно, думал он, здесь и сейчас гораздо более безоблачно, чем у него на родине. Не в том дело, что Земля более благословенна по сравнению с

Иштар, за исключением, может быть того, что стала колыбелью человека. Западное побережье Канады и островные проливы никогда не были похожи на долину Джайина — там всегда было пасмурно, волны разбивались о выметенный штормами берег, и в редкий солнечный день было видно их суровое величие.

«Джилл права. Я везучий». То же самое в прошлом году сказала его дочь, когда он взял её в путешествие по стране, которую так хорошо помнил. Ее колледж находился в мегалополисе — Рио-де-Жанейро.

Детство, проведенное среди деревьев и чистых рек, потому что отец был строителем космических кораблей, и когда бывал на Земле, сидел в Ванкувере, а мать была программистом и могла заниматься своим делом, не выезжая из дома, и они могли позволить себе поездку к Океанским водопадам. «Я видел Трущобы и Дно, — мысленно сказал он Дежерину то, о чем умолчал во время разговора. — Не поймите меня превратно, я им симпатизирую, я считаю, что эти люди заслуживают перемены к лучшему. И я горд принадлежностью к человечеству, мне было пятнадцать лет — возраст формирования, — когда Гуннар Хейм принес нам победу над Алерионом. Я не просто

знаю, я чувствую, что это для нас значит.

Но, работая в космосе, я встречал наксанцев, и черт меня побери — это ребята нашего склада. А после двадцати последних лет на Иштар здесь мой дом, и здесь мой долг…»

Он встряхнулся. Поздно уже говорить. Его ботинки застучали быстрее.

Когда он поднялся по короткому и крутому подъему от Риверсайд к Гумбольдт-стрит, подошел к своему дому и открыл калитку, сумерки уже сгущались в ночь и на небе проступало все больше и больше звезд. В окнах отражались увядающие розы и проплешины в траве. Земные растения, лишенные ухода, не вытеснялись сорняками. Для этого должно было пройти несколько лет, в течение которых погибли бы почвенные бактерии и черви, восстановилось бы исходное кислотно-щелочное равновесие, уровень азота и микроэлементов, что позволило бы местным микробам начать восстановление гумуса. Заброшенная экзотика просто увядала. «Мне бы надо заняться удобрением осушением и вообще всем, что нужно. Когда будет возможность Если будет». В Примавере, с её нехваткой рабочих рук, садовника было не нанять. Раньше этим занималась Бекки.

«Если быть честным, то несколько часов я бы мог выкроить кабы захотел. Дело в том, что я люблю сады, но не люблю с ними возиться. Предпочитаю плотничать или вырезать свистульки для детишек — земных или иштарийских. А у Роды, как говорит Джилл (Джилл!), обе руки левые».

Он подошел к парадной двери. Жена отложила книгу. Он узнал роман, который был моден на Земле в последний его приезд. Библиотека заказала ролик для распечаток. Ему было любопытно, что происходит в современном романе, поэтому он и себе заказал экземпляр. К сожалению, у него то не было времени, а то он так уставал, что предпочитал знакомое и хорошее, вроде Киплинга, или что-нибудь захватывающее из иштарийской литературы, или…

— Привет! — сказала она. — Что случилось? По-английски она говорила с едва заметным бразильским акцентом. Однажды он выучил португальский, и дома они на нем говорили, но потом эта привычка ушла, и он растерял запас слов.

— Боюсь, что какое-то время не смогу тебе сказать, — буркнул он в ответ. Чувство вины напомнило ему, что она не была болтуньей,

а Ольге Хэншоу было разрешено слушать. Он успокоил себя тем, что его специально просили не распространять информацию дальше — тем более что Роде, ограниченной своей маленькой должностью в отделе снабжения, пришлось бы подробно объяснять то, что Джилл видела с первого взгляда.

— Плохо, — сказала она, посмотрев на выражение его лица.

— Действительно плохо. — Он бросил свое долговязое тело в кресло и сказал тот минимум, который должен был сказать: — Я завтра уезжаю в Сехалу. Мне нужно, в общем, установить контакты с ассамблеей, пока она в сборе. Думаю успеть за несколько дней.

— Понимаю, — поднялась она. — Выпьешь перед обедом?

— Обязательно. Ром и чуть-чуть лимона. Примерно на два пальца. — Он поднял пальцы вертикально вверх.

Когда она улыбнулась, это чем-то напомнило ему ту застенчивую и прилежную девушку, с которой он встретился однажды на работе. Ничего особенного в ней не было, он её оценил в одну миллиелену — одну тысячную от количества красоты, за которой стоит посылать отдельный

корабль. Но ему никогда не везло с женщинами, а тут он увидел, что Роду Варгас он может получить, если хочет, и что она хороший друг. Он постепенно и систематично в неё влюбился. «Я так загадала наперед», — говорила она.

Она была моложе его, но седых волос у неё было больше. Лицо с приплюснутым носом несколько расплылось, как и низкорослое туловище. Но, проходя мимо него в кухню, она потрепала его ладонью по волосам, и он вспомнил их первые годы.

Оставшись один, он раскурил трубку и подумал, не в трудных ли родах Бекки причина этих медленных изменений. Доктор тогда сказал, что нет смысла выращивать ей новую матку — она все равно её потеряет вместе с ребенком. Но ведь им не нужно было больше детей? Хотя, быть может, эта потеря имел, более тонкие последствия, которые медикотехники не могли увидеть? Фактически же она оставалась столь же миловидной, популярной в обществе, прекрасной поварихой, но постепенно они стали все реже и реже бывать вместе — как духом так и плотью.

«Либо, — подумал он уже не в первый и не в сотый раз, — дело здесь во мне? Это я изменился?» Ведь его работа заставляла его мотаться по

всей планете, а её работа и их ребенок удержит вали её дома. Он ездил по делам на Землю, а она, скучавшая по своим родным гораздо больше, чем он, хотя никогда не жаловалась, должна была довольствоваться несколькими неделями раз в четыре года. С другой стороны, у неё были друзья среди обитателей Примаверы, её интересовали люди, а его в связи с его работой все больше интересовали иштарийцы и их склад ума.

Как бы там ни было, а теперь у него не оставалось к ней почти никаких чувств, кроме определенной симпатии — правда, в которой у него хватало хладнокровия (или мужества) сознаться только себе самому. Когда требовали его дела, он большую часть времени проводил в городе, планируя и давая указания, а не в поле, и главными чувствами при этом были скука и уныние.

Пока он не осознал, что существует Джилл Конуэй.

Он примял пальцем табак, смакуя легкий дым.

Рода принесла стаканы.

— Хорошо, что ты так рано пришел, дорогой, — сказала она. — Ты слишком напряженно работаешь. Я как раз решила приготовить что-нибудь особенное на случай, если ты сегодня

придешь пораньше.

Глава 7

Капитан Дежерин с радостью принял приглашение на дневную экскурсию с человеком, который может объяснить ему, что он видит. Кроме того, что был шанс подружиться с представителем местного общества, чьим содействием необходимо заручиться, ему нравилась сама идея отдыха на природе поели утомительного и трудного космического перелета. Когда человеком, которого рекомендовал Боггарт Хэншоу, оказалась Джилл Конуэй, его удовольствие перешло в восхищение.

Она заехала за ним до восхода Бел, в призрачном красном свете Ану, висевшей в северной части неба. Он и несколько его подчиненных были временно размещены в гостинице, а большинство людей оставались на орбите до строительства для них временного жилья. Ему предоставили одноколесник (Хэншоу полушутя сказал: «Давайте я окажу вам любезность, пока вы его не реквизировали»). Одноколесник Джилл был куда больше и мощнее. Сначала ему было трудно угнаться за её машиной, но он стиснул

зубы, а потом обнаружил, что скорость его радует. Тем временем они пересекли реку — на небольшом автоматическом пароме, поскольку в его машине не было скиммера, — и углубились в нетронутый иштарийский ландшафт.

Бел вышла на небо, появились двойные, тени, и янтарный свет стал розовым. Джилл остановилась у рощи, где бежал ручеек.

— Позавтракаем? — предложила она. — Потом можно прогуливаться не спеша.

— Magnifique. — Дежерин открыл багажник своей машины. — Я сожалею, что мой вклад так скромен, но вот это — итальянская салями, если желаете…

— Еще как желаю! — Она всплеснула руками от радости. — Я лишь однажды в своей жизни её пробовала. И можете мне поверить, первая любовь — ничто в сравнении с первой итальянской сухой колбасой. — «Врунья, — сказала она себе, вспомнив Сенцо. И все же… эта боль давно уже залечена. — И у тебя, милый, тоже, я надеюсь».

Дежерин помог ей расстелить скатерть и распаковал еду: хлеб, масло, сыр, варенье. «А он ничего, — подумала Джилл. — Чертовски хорош собой».

Когда она включала кофеварку в розетку маши-

ны, он вдруг сказал:

— У меня не было момента сказать это вам раньше, мисс Конуэй, из-за всей этой дипломатической процедуры. Но я знаю вашего брата Дональда. Он просил передать вам привет.

— А? — она быстро выпрямилась. — Знаете? Как он там? Куда его послали? Почему он не пишет?

— Последний раз, когда я его видел, он был в отличной форме. Мы с ним несколько часов проговорили. Понимаете ли, когда меня сюда назначили, я стал искать кого-нибудь с Иштар в надежде — как бы это сказать — на брифинг. И нашел Дона.

У него была пленительная улыбка, сопровождаемая взглядом, в котором было не любопытство праздного зеваки, а понимание.

— Он мне о вас и рассказывал. — Он стал серьезен так же быстро, как и она. — Куда его послали? Я только знаю, что на фронт. Вы только не волнуйтесь о нем слишком сильно. Мы во многих отношениях — в снаряжении, обучении, организации — превосходим противника. А насчет последнего — он был очень занят, признался, что терпеть не может писать писем и поэтому доверяет мне передать его слова. Я заставил его дать обещание, что он вскоре напишет.

Джилл вздохнула:

— Огромное спасибо. Это так на него похоже. — Она вернулась к кофейнику. — Ладно, оставим подробности на потом, Например, до сегодняшнего вечера, если не возражаете — мы могли бы остановиться у моих родителей. Сестра с мужем тоже хотели бы послушать.

— Как прикажете, — ответил он с легким поклоном. У него хватило соображения не пытаться ей помочь, чтобы не путаться под ногами. Вместо этого он любовался пейзажем.

Роща находилась на краю плоскогорья. В основном там были красноверхушечные мечелисты, но к ним добавляли вспышки желтого куполоростки. Затененный деревьями дерн состоял из низкорослой, плотной лиа, которую земляне называли «дромия». Ключ выбегал из-под большого камня с пятнами лишайника, стекал в овражек и вскоре пропадал в почве. Но до того он успевал напоить довольно большой участок, и много разных видов растений толпились около него, образуя чащу. Подальше трава сменялась стеблями остролиста по пояс и перышником в рост человека — тускло-золотые волны, тянущиеся на километры и километры. Дул ветер, сухой и теплый, принося запахи осени, накладывая тысячи

шорохов на журчание воды.

— Вы знаете названия всех этих растений? — спросил Дежерин.

— Только самых обычных, — ответила Джилл. — Я не ботаник. Однако, она показала вокруг Себя, — все, что вы здесь видите, это разные виды лиа. Она здесь так же разнообразна и так же важна, как на земле трава. Кусты вон там — это горькосердец. Иштарийцы используют его как приправу и тонизирующее средство, и людям он тоже служит для медицинских целей. А вот посмотрите на эту причудливую штуковину — это ночной вор. Иштариец от него заболеет, если съест, а вы или я — умрем. Огнецвета здесь не видно — ему нужно больше влаги, а вот гром-стебель в сезон дождей, который скоро наступит, — это действительно зрелище. А весной — пандарус.

— Простите, что? Джилл хихикнула:

— Я забыла, что вы не знаете. Вот этот. Он привлекает для опыления энтомоидов, вырабатывая их половые аттрактанты, обоих полов. Это — зрелище.

В ту же минуту она пожалела о сказанном. Оно могло быть воспринято как приглашение. Но он просто спросил:

— А вы не переводите местные названия?

— Редко, — сказала она с чувством облегчения. «Отбить попытку я бы могла, но… Уж если таковая будет иметь место, я предпочла бы, чтобы по моей инициативе». Мысль пошла каким-то кружным путем. «Хотя я не собираюсь выигрывать трофеи какого бы то ни было вида в конкурсе на звание роковой женщины года». — Большая часть непереводима — как вы скажете по-сехалански «роза»? — а наш речевой аппарат не подходит для произнесения местных названий. Так что мы изобретаем свои. Кстати, «лиа» появилась именно так. Первую научную работу по этому семейству сделал ученый Ли Чанг-Ши.

— Гм-м. Я понимаю, что здешняя фотосинтезирующая молекула не идентична хлорофиллу, а только подобна. Но почему здесь так часто встречаются красный и желтый цвета?

— Есть теория, что сначала был желтый, а красный пигмент возник в Хаэлене как поглотитель энергии. Степь, заросшая пьющими солнце растениями, — поразительное зрелище. Это соединение оказалось достаточно крепким, чтобы распространиться по всей планете и развиться в самых разных направлениях. Это, как вы понимаете, всего лишь теория. Господи, тут же целый мир! За сто лет мы только начинаем понимать,

как многого мы не знаем. Ладно, есть мы будем?

Пока они ели, небо потемнело от стаи пилигримов, наполнилось их криком и шумом их крыльев. Несколько удивленных азаров отошли от пасущегося стада, глядя вверх, их шестиногая походка была волнообразно-грациозной. Люди в бинокль могли разглядеть детали, которые Джилл тут же объяснила:

— У иштарианских тероидов нет настоящих рогов. Вот эти штуки более похожи на то, что растет у носорогов. А некоторые виды азаров — их известно множество — вырастили широченные наросты, но в основном для красоты. Вот посмотрите — видите особую форму передних ног? А копыта — это удобное острое оружие. Словно на Иштар стало традицией, чтобы две передние конечности занимались не только передвижением. В этом смысле, конечно, софонты и их родичи представляют собой крайний случай: у них передние ноги превратились в руки.

Тем временем великолепное представление закончилось, и порывы ветра сменились тишиной. Дежерин посмотрел на неё серьезно и сказал:

— Я пытаюсь себе представить, как рожденные здесь должны любить эту планету.

— Она наша, — ответила Джилл. — Хотя ка-

ким-то странным образом. Наш народ никогда не занимал эту планету — разве что малую часть её. Она принадлежит иштарийцам.

Он опустил взгляд к своей чашке:

— Поймите, я способен понять ваше отчаяние от крушения гуманитарных планов. Во время войны всегда у многих рушатся надежды. Я молю Бога, чтобы война закончилась поскорее. Со временем мы, может быть, сможем что-нибудь для вас сделать.

«Может быть, — подумала Джилл. — Не переживай, девочка». Она улыбнулась и легко потрепала его по руке.

— Спасибо, капитан. Мы об этом ещё поговорим. Но сегодня давайте наслаждаться прогулкой. Я хочу быть вашим гидом, а не надоедалой.

— Как прикажете. Кстати, вы упомянули родственные туземцам виды. Мои источники описывают нечто вроде обезьян…

— Вроде, — кивнула Джилл. — Вроде тартара, он родственник иштарийцев, примерно как бабуин родствен человеку. А ближайшим родственником можно назвать парнишку по имени гоблин.

— Полуразумные виды? Ах да, я про это слышал. И много вы о них знаете?

— Очень мало. Их в Бероннене мало, и они прячутся. Их довольно много по нашему мнению — в другом полушарии, но полностью закончившие развитие иштарийцы там бывают редко. Я могу только сказать, что они используют грубые инструменты и у них есть что-то вроде языка. Как если бы на Земле выжил австралопитек.

— Хм. — Дежерин задумчиво потрогал ус. — Странно, что им это удалось.

— Ничего странного. Вспомните, что здесь они отделены огромным океаном, где штормы даже чаще, чем на Земле.

— Я имею в виду, что там, где ареалы перекрываются, более высокоразвитый вид вытесняет менее развитый.

— На Иштар не так. Здесь даже воинственные варвары лишены нашей человеческой кровожадности. Например, здесь никогда не пытают пленников для развлечения и не убивают их, чтобы отвести душу. Вы, наверное, думаете, что Союз Сехалы — это империя? Это не так. Цивилизация здесь развивалась, не испытывая нужды в государстве. В конце концов, иштарийцы более развитая раса, чем мы.

Его изумление остановило её, и ей пришлось сообразить, что мысль, с которой она уже сжи-

лась, для него нова. Через минуту он медленно заговорил:

— В том, что я читал, что-то было насчет эволюции после млекопитающих. Но там так и не было ясно сказано, что имеется в виду. Я предполагаю Tiens! Вы же не хотите сказать, что они разумнее нас? Этого у меня в книгах не было. — Он перевел дыхание. — Верно, в некоторых аспектах они приспособленное нас, но в других — не так быстры и оригинальны, как мы. При сравнении разумных видов это всегда так. А итог всегда получается примерно сбалансированным. Я думаю, что такое объяснение разумно, что с некоторого момента давление естественного отбора уже не подстегивает развитие мозга, иначе это вызвало бы гротескный дисбаланс всего организма.

Она смотрела на него с возрастающим уважением. Неужто он, военный, столько читал и столько думал? «Ладно, я отвечу ему по-хорошему, не унижая его более чем необходимо».

— Вы выдержите лекцию? — спросила она. Он улыбнулся, откинулся к стволу дерева, предложил ей сигарету из серебряного портсигара, а когда она отказалась, закурил сам.

— При таком лекторе? — сказал он восхищенно. — Мадемуазель, я стараюсь быть джентльме-

ном, но мои железы в полном порядке.

Джилл улыбнулась:

— В конце проведем двадцатиминутный опрос. Итак. Вы знаете что здешняя жизнь — имеется в виду орто-жизнь, а не Т-жизнь — развивалась точно так же, как и на Земле, и исходные среды были подобны. Одни и те же химические вещества, два пола, позвоночные развились из чего-то вроде ланцетников, и так далее. Мы можем обмениваться едой, хотя при полном переходе на чужое питание появляются болезни дефицита, и то, что выращивает один вид, может оказаться ядовитым для другого вида. Шестиногость вместо четвероногости это просто тривиальная биологическая случайность.

На Иштар есть эквиваленты птиц, рыб, млекопитающих и т. д., Разница достаточно существенна, чтобы мы использовали названия с окончанием — оид. Например, тероиды — теплокровные, живородящие и кормят детенышей молоком, но у них нет ни волос, ни плаценты, они удивительно отличны от млекопитающих, и вариации бесконечны.

Может быть, они были бы больше похожи на нас, если бы Ану не стал красным гигантом около миллиарда лет тому назад. С тех пор он растет

все больше и все больше причиняет неприятностей при своем приближении. Это значит, что пойкилотермные животные — фюить! Холоднокровные, если вам больше нравится этот термин. У них здесь были ещё более невыгодные условия, чем на Земле, и они далеко не продвинулись. Среди окаменелостей нет ничего похожего на останки динозавров. Тероиды рано захватили лидерство и уже его не выпускали.

Итак, на этом основании, с чем вы, несомненно, знакомы, но о котором я хотела вам напомнить, на этом основании мы полагаем — только полагаем, поскольку прямые свидетельства на сегодняшний день довольно слабы, — что тероиды имели больше времени для эволюции, чем земные млекопитающие. Да, я понимаю, что млекопитающие очень древний класс, но все же они возникли только в олигоцене. А трюк, который придумали иштарийцы, а мы — нет, — это симбиоз.

Да, конечно, вы живете в симбиозе со многими организмами, например с кишечной флорой. Одно их определение включает даже митохондрии. А взрослый иштариец — это целый зоопарк и ботанический сад разных видов симбионтов.

Рассмотрим, к примеру, софонта и его несколь-

ких наиболее подозрительных партнеров. Его или её шкура — это мшистое растение с неглубокими корнями в коже, соединенными с кровотоком… потому что его кожа куда сложнее нашей. Грива и брови напоминают плющ. Их ветви создают крепкий панцирь над позвоночником и очень тонким черепом. Растения отбирают двуокись углерода, воду и другие продукты метаболизма животного для собственного потребления. Обратно они отдают кислород и целую кучу витаминоподобных веществ, которые мы только начали определять. Верно, что растения не составляют полную дыхательно-выделительную систему. Они только дополняют легкие, двойное сердце, кишечник — каждый орган со своими собственными симбионтами, — но в целом получается индивидуум, который функционирует лучше нас. У него гораздо шире диапазон питания. Он не так расходует воду при выделении с потом или просто при дыхании. Из-за Ану на Иштар вода бывает довольно-таки дефицитной. А кроме того, наш туземец несет с собой неприкосновенный запас еды — эти самые растения. Он может их съесть и все же выжить, хотя и много на этом потеряет. А они скоро отрастут из оставшихся корней или из спор, содержащихся в

почве и воздухе, и будут как новые.

— Уф! — перевела дыхание Джилл.

— Я вижу их преимущества, — медленно произнес Дежерин.

— Вы это все знали?

— Читал, конечно. Однако был рад услышать это в более полном контексте.

— Сейчас он, надеюсь, будет. — Захваченная своим предметом, никогда не терявшим для неё притягательности, Джилл продолжала: — Эти преимущества простираются куда дальше очевидных. Понимаете, такой симбиоз не просто впрямую помогает. Он ещё и освобождает гены.

Увидев его озадаченную физиономию, Джилл пояснила:

— Давайте подумаем.

Гены, которые у иштарийской жизни тоже есть, хранят информацию. Их информационная емкость огромна, но все же конечна. Представьте себе тот объем, который занимает в генах информация об управлении процессами метаболизма. И теперь представьте, что эти функции любезно берет на себя ваш симбионт. Гены для этого больше не нужны и могут заняться другой работой. За этой работой наблюдают мутация и селекция. Скорость мутаций у иштарийских тероидов вы-

ше, чем у земных млекопитающих, хотя бы из-за более высокой температуры тела. На Иштар острее стоит проблема сохранения прохлады, а не тепла, и тероиды её решают частично за счет своих растений всякая эндотермическая химия, — а частично за счет повышения собственной температуры.

Я все время отклоняюсь, да?

Вот и природа так же. Мой тезис — это преимущество иштарийцев перед нами за счет более длительной эволюции теплокровных форм. Они могли достигнуть своего уровня разумности не так давно, как люди — Господь знает, когда это было, — но они подошли к нему гораздо более постепенно. Вот это одна из причин, по которым ещё встречаются гоблины. А история учит постепенности. И преимущества иштарийцев заметны.

Дежерин нахмурился:

— В развитии мозга, вы имеете в виду?

Джилл кивнула. Концы её волос щекотали обнаженную шею.

— Вообще нервной системы в целом. Человек построен довольно наспех. На скорую руку, можно сказать. Верно говорится, что у нас три мозга, один на другом. Сначала стволовый, мозг

рептилии, потом мозг млекопитающего и затем — сверхразвитая кора. И они не очень между собой гармонируют — вспомните убийства, грабежи и социализм. У иштарийца в голове больше единства. Это видно по анатомии. Сумасшествие здесь, кажется, неизвестно — оно просто не существует, если не считать лишения разума из-за серьезных физических повреждений. Так же и с болезнями. У иштарийцев крайне мало болезней из-за живущих с ними помощников. А уж неврозов… — Джилл пожала плечами. — Это ведь вопрос определения? Я не знаю ни одного иштарийца, которого я могла бы назвать нервным. И я могу добавить, что мы, люди, такие чужие и могущественные, не вызвали здесь культурного шока. Они нас уважают, они перенимают у нас предметы и идеи, но легко интегрируют их в свой старый образ жизни.

Охрипшая и с чуть закружившейся от быстрой и долгой речи головой, она откинулась на тот же ствол, на который опирался Дежерин, отпила из чашки остывший кофе и откусила кусок хлеба с вареньем. Она сама его сварила, наполовину из клубники и наполовину из местной смоквы Ньютона, и была довольна, когда землянин попросил второй бутерброд.

— М-м-м, — промычал он, — несомненно, что общее превосходство иштарийцев выражается и в продолжительности жизни. От трех до пяти сотен лет, правильно?

Джилл кивнула.

— Я думаю, что тут играет роль и другой фактор. На Земле частая смена поколений означает более быстрый оборот генов, более быструю эволюцию. Это для вида преимущество. Я согласна с теорией, что мы запрограммированы на начало старения где-то после сорока, и именно по этой причине. Но Иштар страдает от прохождений Ану каждое тысячелетие, и эффект длится около ста лет. Долгожительство дает возможность сохранить адаптацию к циклу и тем способствует выживанию вида.

Он посмотрел на неё внимательно:

— Какая суровая философия.

— В самом деле? Это мне все равно. — Джилл на минуту задумалась. «Ладно, буду с ним откровенной. Нам нужна его… его симпатия больше, чем умственное понимание». — Не стану опровергать, что каждый хотел бы прожить столько лет в добром здравии, — сказала она. — Но поскольку нам этого не дано, нет смысла плакать. Иштарийцы получают свою долю горя. Каждое

второе поколение — Рагнарок. И они не хнычут.

Он какое-то время помолчал, ощущая дуновения теплого утра, а потом сказал, глядя мимо неё куда-то за горизонт:

— На вас, жителей Примаверы, это должно оказывать любопытный эффект. Тот же самый кентавр, нисколько не изменившийся, что был другом вашего прадеда, теперь дружит с вами и будет дружить с вашими детьми — но пока вы растете, он учит вас многому, и не становится ли он вашим защитником, вашим кумиром? Простите меня, я не хотел бы быть слишком дерзким, но мне интересно, верна ли моя гипотеза, что для некоторых долго живущих здесь людей отдельные туземцы занимают место отца.

«Клянусь Дарвином, он с сюрпризами, этот тип!» Его взгляд остановился на ней, и он не мог не заметить, что задел за живое. Так зачем отрицать то, что будет подтверждено любой городской сплетницей?

— Я полагаю, это верно, — ответила Джилл. — Наверное, в качестве примера можно взять меня. Ларрека, командир Зеры Победоносного… мы всегда были очень близки. Я позволю себе сказать, что я от него многому научилась. — И порывисто добавила: — Он провел меня через первый горь-

кий опыт так, как не мог бы никто на свете.

— Ох, — отозвался Дежерин. — Вы ведь не хотите говорить об этом, да?

Джилл качнула головой. «Почему я должна ему доверять — так во многом и так скоро? Он же враг?»

— Нет, не хотела бы. По крайней мере сейчас.

— Конечно, — сочувственно сказал он.

Она вспомнила…

Большие сухопутные животные на Иштар встречаются редко. Каждые тысячу лет для них в большинстве мест наступает голод. В Среднем и Южном Бероннене могут выжить некоторые, вроде древесного льва и почти слоноподобного вальваса. Но дальше к северу континент представляет собой сухую саванну, называемую Далаг. Там дичь помельче даже между проходами Ану: по крайней мере пятьдесят видов азара, некоторые даже довольно большие. Те звери, что за ними охотятся, вырастают величиной с собаку или поменьше и бегают стаями, хотя и обладают массивными челюстями, способными мгновенно проглотить огромные куски. Никаких пожирателей падали там не увидишь, кроме нескольких мелких беспозвоночных. Популяция софонтов невелика и сильно рассеяна, в основном состоит

из пастухов, а не охотников. Но там и сям из зарослей лиа поднимаются циклопические руины, и считается, что цивилизация зародилась именно в этих местах.

Все эти парадоксы увязываются вместе одной причиной, которая называется саркофаг.

На свой одиннадцатый день рождения, который по земному счету был без нескольких месяцев двенадцатым, Джилл получила разрешение присоединиться к отряду Ларреки для похода в Далаг. Кроме чисто спортивной цели, командир хотел подыскать ёопорные пункты против вторжения варваров, когда придет красное солнце. Из взрослых людей к компании присоединилась Эллен Эвальдсен, любимая молодая тетушка Джилл. Она была планетологом и хотела изучить некоторые скальные формации, ну и испытать приключения за новым горизонтом.

Они весело шли вперед. Девочка часто ехала на Ларреке или его товарищах. Эллен говорила, что они её избалуют, но не мешала. А по вечерам, в свете костра, звезд, луны, в зловещем свете Ану женщина рассказывала истории из земной жизни, слушая взамен местные сказки, и девочка не могла понять, какие же ей нравятся больше. Скоро они подошли к Далагу, и он оказался вели-

чественнее, чем можно выразить словами.

Шепчущие волны золота, среди которых встречались только черные кусты и огненно-красные деревья, таинственная тенистая прохлада колодца под охряным обрывом, высокий и горячий купол неба, ночью наполняющийся прохладой и звездами, встречи с немногочисленными пастухами, неспешные разговоры и чашка травяного чаю под войлочным пологом, благородная осанка во, охраняющего элов и овасов своего хозяина, огромные стада диких животных, чей стук копыт, казалось, исходил из середины мира. И жестокие картины тоже приходилось видеть: как её друзья убивают добычу стрелой или копьем или как стая тартаров загоняет азара в заросли колючих кустов и сдирает живую плоть, пока бедное животное кричит от боли.

— Они по-другому не могут, — объяснил Ларрека Джилл. — Мы сохраняем мясо быстрым погружением в желудочный сок. Звери так не могут. Точнее, некоторые, у которых желудочный сок внутри, просто едят быстро. Тартары устроены иначе. Все, что они не смогут съесть с живой добычи, пропадет, и им придется убивать в восемь раз больше, чтобы насытиться. А когда не станет добычи, им придется голодать.

— Но почему нужна такая жестокость, — протестовала она. — Ведь мясо портится не быстрее, чем все остальное, правда?

Ларрека воззвал к Эллен, и та повторила другими словами то, что Джилл уже слышала. Здесь в воздухе была плесень, называемая людьми саркофаг, которая для живой ткани была безвредна. Но на мертвую плоть она немедленно оседала, размножалась со скоростью взрыва и за два или три часа съедала огромное животное до костей. Этой плесени требовался, особый климат, поэтому она водилась только здесь и на ближайших островах Огненного моря. В климате ли было дело? Или это был странный приспособительный механизм эволюции?

— Это не ужас, Джилл, а тайна, которую мы должны разгадать.

— Я слыхал, что она была причиной возникновения первой цивилизации, добавил Ларрека.

Джилл посмотрела на него удивленными глазами.

— Ну, я не знаю, — сказал Ларрека. — Насколько такой солдафон, как я, может судить. Но наши философы и ваши ученые думают, что это могло быть так. Когда здесь впервые появилось население, всем поневоле пришлось быть ве-

гетарианцами — невозможно было сохранить хоть сколько-нибудь мяса. Но они обнаружили, что желудочный сок некоторых видов дичи для этого… для саркофага смертелен. Им понадобился аппарат вроде котлов для кипячения кишок таких животных и миски для засолки добычи. Это должны были быть пастухи — для охотников такая обработка непрактична, как ты видела на нашем примере. Аппараты были тяжелые, сделанные из камня и глины. Пастухам пришлось стать оседлыми, поселиться в землянках — это помогало сохранять прохладу, — разводить стада, выращивать корма… Потом идеи домов и ферм проникли на юг, где жизнь полегче, и с тех самых пор Южный Бероннен стал сердцем цивилизации. Но здесь она, возможно, зародилась.

— И в том числе множество мифов, легенд, религий, ритуалов, концепций жизни и смерти, что одинаковы от Валеннена до Хаэлена, — добавила Эллен Эвальдсен. — Мотив непрочности плоти так же обычен и распространен на Иштар, как мотив умирающего бога на Земле.

— Да? — хмыкнул Ларрека. — Ну, раз вы, леди, так утверждаете.

Так в Джилл тоже проснулось любопытство. Она знала, что разрушение уже посетило мир, и

ещё раз, и ещё раз, и ещё раз. И как она теперь могла понять, Ларрека готовился к следующему разу, а люди планировали сделать последствия не такими страшными, как раньше. Она быстро приняла Далаг таким, каким он был.

До дня смерти Эллен.

Это произошло до грубости быстро. Эллен поднималась по высокой черной скале, которая, как смеялась она, не имела никакого права торчать посреди саванны. Скала казалась безопасной. Но в ней оказалась скрытая слабина (от нагрева и штормов за миллионы лет в результате проходов Ану?), камень выпал, и они увидели, как падает Эллен.

Она лежала, неестественно подогнув голову. Когда Ларрека до неё добрался, разложение уже началось. Плоть расплывалась, издавала неприятный запах, переливалась радужными сине-зелеными пятнами, превращалась в мерзкую жижу и исчезала. Иштарийцы не могли своими инструментами выкопать могилу быстрее. — Они похоронили только кости и оставшиеся красными, как Ану, волосы.

Ларрека отыскал Джилл. Он подобрал её свернувшееся в клубок тельце, взял её в свои объятия и потрусил прочь, подальше от лагеря. Бел захо-

дил в огненном небе, янтарной свечкой сияла Эа. Он остановился, овеваемый сладким запахом лиа, прижал её сильнее к своей груди и долго и осторожно гладил.

— Мне очень жаль, милая, — говорил он. — Я не думал; Я не должен был давать тебе это видеть. Джилл плакала.

— Но ведь ты из легиона, — сказал он. — Верно, солдат? — Он взял её за подбородок и поднял её лицо к своему и к звездам.

Она вырвалась и кивнула, потому что больше ничего не могла сделать.

— Тогда слушай, — сказал Ларрека тихо, почти на пределе её слышимости. — Ты, может быть, слыхала, что когда мы, четвероногие, теряем того, о ком горюем, то нам это тяжелее, чем людям. Уж если знаешь кого-то несколько сотен лет… Нам пришлось научиться, как это переживать. Давай я тебе расскажу, как это делается в легионе.

И он сперва рассказал ей о знаменах, на которых вытканы имена павших, а потом и о многом еще, и, когда проснулся рассвет, она вместе с ними танцевала танец прощания на могиле и старалась исполнить его как можно лучше: первый шаг в сторону от горя.

— Пошли, — поднялась Джилл. — Упакуемся —

ив дорогу. Я хочу показать вам типичное ранчо, но, боюсь, мы задержались, и самые интересные члены семьи уже давно собрались и уехали на дальние пастбища.

— Слушаю и повинуюсь, — ответил Дежерин. Упаковывая вещи, он серьезно добавил: — Мисс Конуэй, вы очень добры, что повезли меня на такую экскурсию. Я вам глубоко благодарен. Но ведь ваша основная цель — это склонить мои чувства на сторону туземцев?

— Конечно? А что еще?

— Хорошо. Но вы не выслушаете ли с таким же вниманием и другую сторону? Я знаю, что вы нас считаете непрошеными разрушителями. Поверите ли вы, что у нас есть причины — кроме и сверх наших приказов — быть здесь?

Она секунду помедлила, прежде чем ответить:

— Конечно, я вас выслушаю.

— Отлично, — улыбнулся он. — Перехожу к делу. Я хотел бы собрать аудиторию, все население Примаверы, если это возможно, на просмотр ленты, что я привез с собой. Это не официальная пропаганда — это скорее критика позиции правительства, но это тоже важно. — Он сделал паузу. — Понимаете ли, я хочу, чтобы вы убедились, что я не фанатик.

Джилл коротко рассмеялась:

— А я должна смотреть ваш спектакль, чтобы показать, что и я не фанатик? — Подвижные черты его лица отразили душевную боль, и она добавила: — Не в обиду будь сказано. Мы с удовольствием посмотрим.

Глава 8

Выдержки из стереотелевизионной записи, синхронный перевод на английский.

ОЛАЙЯ

Добрый вечер. Луис Энрике Олайя Гонзалес снова приглашает вас в «Мир беседы». Наша сегодняшняя программа особенная как по длине, так, надеюсь, и по важности.

Ровно шесть месяцев тому назад Всемирный парламент удовлетворил запрос Органов охраны мира по поводу «соответствующего силового противодействия», обращенного на «учреждения, корабли, сооружения, персонал и технические средства» Наксанской лиги с целью «отвести угрозу и гарантировать урегулирование спорных вопросов путем переговоров». Говоря простым языком, Земля объявила Наксе войну. Официальные декларации всячески избегают подобных фраз — и по более серьезным причинам, чем простое лицемерие: некоторые слова могут вызвать непредсказуемые и непредвиденные последствия. Тем не менее резолюция парламента превратила череду стычек в систематические во-

енные операции. Власти более не ограничивают себя протестами, пропагандой, политическим и экономическим давлением и отчаянными попытками дипломатов: решать будет сила. Это и есть война, это всегда называли войной, и сегодня вечером так назовем её и мы.

Мы сейчас исследуем эту войну, её скрытые причины, её прошлое, настоящее и, возможно, будущее течение; мы посмотрим на все, что с ней связано. Мы постараемся быть беспристрастными…

(Вид из космоса на планету земного типа, но сильно закрытую облаками. Наплыв.)

ОЛАЙЯ *(голос за кадром)*

Примерно в ста пятидесяти световых годах от Солнца находится тусклая оранжевая звезда, а вокруг неё вращается планета, на которой без специальных приспособлений может жить человек. Жить там не так уж удобно или по крайней мере раньше было не очень удобно. Климат планеты слишком жаркий и бурный, она покрыта дикими джунглями, болотами и выветренными горами. Человек может какое-то время прокормиться местной флорой и фауной, но большая часть её для него смертельно ядовита.

Эта планета больше подходит наксанцам.

Когда они ещё только начинали осваивать космические путешествия, они построили здесь несколько поселков, которые разрослись и размножились. Они называют этот мир Тсейякка *(набор записанных на пленку клекочущих и булькающих звуков).* Земляне, заинтересовавшись этим миром, назвали его Мундомар.

Земляне заинтересовались им, поскольку они могли бы здесь выжить, хотя это и требует геркулесовых усилий. В арктической зоне, прожаренной и увлажненной менее других, им легче всего существовать. Водолюбивые наксанцы избегают этих мест. У них нет никаких резонов не принимать колонистов с Земли, учитывая высокие цены на недвижимость.

(Камера проходит сквозь облака, панорамирует джунгли, топкие равнины, уходящие к океану. Она приостанавливается на тех местах, где разместились скромные поселения наксанцев. Огромные тела цвета и формы сгустков сургуча валяются в лужах, как это им свойственно, что многие люди находят отвратительным. Камера движется на север и наконец доходит до поросшего кустарником плато. Там садится земной космический корабль — модель, уже шестьдесят лет как устаревшая: это вставка из архива, гор-

дый снимок исторического момента.)

Кто в корабле? Конечно, Земля перенаселена людьми. Конечно, редко попадаются планеты, на которых человек может жить, и на большинстве из них есть свое население. Конечно, открытые и населенные им миры очень и очень осторожно впускают к себе новых иммигрантов. Но для того чтобы поселиться на Мундомаре — кто мог так отчаяться… или так надеяться?

Те, кому ничего другого не оставалось, кроме бесконечного отчаяния.

Жизнь целого поколения прошла с тех пор, как раздался пророческий голос Чарльза Бартона…

(Серия кадров, резюме диалогов и закадрового комментария.)

Серый, неприглядный, людный квартал Трущоб в типичном мегалополисе, куда технологическая цивилизация спускает людские отходы. Лень, скука, злость, чувство собственной никчемности; наркотики в бутылках, пилюлях, шприцах, аэрозолях, экраны стереовизоров для всех и каждого, дома радости с мозговыми стимуляторами для тех, кто может наскрести монету. Драки шаек у подростков, войны криминальных империй у взрослых; честное большинство дрожит от страха, но полиция — враг номер один. Гражданские

службы, агентства социальной реабилитации, учреждения образования. Простите, ваша квалификация недостаточна. Ваша квалификация подходит, но нет вакансий. Извините, место уже занято. Но иногда открывается перспектива — с крыши городского корпуса, достаточно высокого, чтобы загородить вас от пронзительного городского света и дать увидеть несколько звезд.

А вот — Дно, где народ может выжить, только получая постоянную помощь. Но выжить — и не больше. Техника — не магия, и она не может заменить исчерпанный ресурс. Крестьяне сухой Африки сгрудились под поднятым на опоры акведуком, в котором не хватит воды уберечь их фермы от суховея. Улицы индийских городов ночью вымощены спящими вповалку людьми. Община побережья Гренландии поддерживает свое существование, отправляя всех мужчин старше двенадцати в море за исчезающей уже рыбой. Ни на Дне, ни в Трущобах никто не голодает. Но помощь — всего лишь затычка, а налогоплательщики чувствуют, что их выдаивают.

Все старые средства отказали. Образование? Нельзя научить человека абсолютно нормального интеллектуально человека — специфическим способностям, которых у него нет от рождения,

а спрос на рутинных исполнителей падает, хотя и без того низок. Контроль рождаемости? Невозможно уговорить целые народы вымереть. Перераспределение богатств? Законы сохранения действуют в экономике не хуже, чем в физике. Возврат к природе? Предварительным условием является вымирание девяноста процентов человечества.

Но остаются звезды. И остается идеальная мечта — начать все сначала. И если у человека нет другого капитала, у него есть руки.

(Серия архивных кадров о пионерах Мундомара.)

Каторга, боль, горе, но всегда — та надежда, что не дает сдаться. Провидение будущего, что превращает босяков из Трущоб и подъяремных скотов со Дна в людей. Их дети не боятся ничего во всем космосе.

Дети. Их дети. И по мере того как растет колония, как она занимает весь север планеты, растет её материальное богатство, и растет вклад Земли, потому что оказывается, что эта сумасшедшая идея эмиграции с Земли на небо — работает.

На укрощенных землях с лязганьем растут города. Природа укрощена и преобразована.

ОЛАЙЯ

Трения с наксанцами начались в тот момент, когда деятельность людей вышла за плохо определенные границы. Обычно споры удавалось урегулировать. Но социальная структура наксанской колонии такова, что потери отдельных индивидуумов не компенсировались. Она также позволяла ущемленным объединяться в порядке частной инициативы и искать удовлетворения своих претензий. В той культуре, у того вида это вполне легально и приемлемо. Однако у людей другие, несовместимые с таким подходом институты — или, позволю себе сказать, инстинкты? Они стали мстить за то, что считали бандитизмом.

Напряжение росло… Инциденты множились. Генерал-губернатор запросил помощи у Органов охраны мира. Наксанская лига дала ясно понять, что не оставит колонистов Тсейякки на произвол судьбы.

Тем временем индустриальные, экологические и климатологические проекты в человеческом секторе все больше и больше затрагивали природную среду на юге, с наксанской точки зрения — вредили ей. Негуманоидные обитатели планеты все больше и больше склонялись к мысли действовать заодно.

Пакт о ненападении между двумя материнскими планетами никого в колонии не устраивал. Обе группы чувствовали себя в опасности. Обе пользовались широкой поддержкой общественного мнения на своих планетах, но на Земле в этот момент преобладали пацифистские настроения.

Однако взрыв произошел, и вскоре война распространилась по всему Мундомару. Люди показали совершенно неожиданную силу. Они уступали противнику числом, вооружением были равны, а командованием, дисциплиной, боевым духом и самоотверженностью превосходили его несравненно.

(Сцена битвы. Война ограничена планетой, используется химическое и лишь изредка — тактическое ядерное оружие.

Над Домом Правительства в Бартоне поднимается флаг; с балкона человек в полевой форме зачитывает документ рукоплещущей толпе и всей Вселенной.)

ВРЕМЕННЫЙ ПРЕЗИДЕНТ СИГУРДССОН

Эти события с трагической ясностью показали: в деле защиты наших прав, нашей безопасности, самой нашей жизни мы можем рассчитывать только на самих себя.

В силу этого мы торжественно провозглашаем

Республику Элефтерию…

ОЛАЙЯ

Сразу после прекращения огня Земля признала новое образование, но не пригласила его войти в Федерацию. Это могло быть связано с боязнью эксцессов со стороны колонистов, поскольку они чувствовали себя преданными в час нужды. Это могло быть результатом секретных переговоров с Наксанской Лигой. Дипломаты Лиги могли сказать, что может быть признан fait accompli, но не его юридическое оформление. В конце концов, Накса не претендовала на весь Мундомар — достаточно широкий взгляд, но вполне естественный для наксанцев. Что они не могли бы позволить себе стерпеть, так это прямое управление властями Земли районом, который они считали аннексированным.

Мы не знаем, была ли заключена такая сделка. Записи о ней не были никогда нам показаны. Мы только знаем, что северная четверть Мундомара теперь называется Республика Элефтерия, что она стимулирует эмиграцию и инвестиции с Земли; что Земля признала её, а Накса — нет и что наксанцы в тропиках злобятся и угрожают даже больше, чем раньше.

Вскоре после этого внимание Земли было отвле-

чено неким более свежим кризисом, финальное Общество Алериона оккупировало колониальный мир Новая Европа. Это был гораздо более определенный и достойный противник, чем Накса. В Федерации были сильны настроения достичь компромисса, и возникли конфликты между сторонниками компромисса или немногочисленными и презираемыми сторонниками сдачи, с одной стороны, и сторонниками твердой политики — с другой. Как вы знаете, победила партия сопротивления. Короткий и сильный удар из космоса заставил Алерион уступить по всем позициям.

С тех пор нрав Земли изменился. То, что во время войны Новая Европа последовала примеру Элефтерии и откололась, похоже, не затронуло уверенности в предназначении человечества, разделяемой в наше время большинством людей. Мы дезавуировали империализм, мы понимаем его абсурдность на межзвездном уровне, но большинство при каждом опросе в предыдущем поколении давало ответ: мы никогда больше не должны допускать, чтобы наш биологический вид был покорен чужаками. Но наш вид или наша Федерация? Здесь есть разница.

(Кадры: процветание Элефтерии, рост её про-

мышленности, населения, территории. Вредное воздействие на наксанские общины и их земли, конфронтация, переходящая в необъявленную войну. Люди овладевают континентом Г'яару, изгоняют негуманоидов и создают укрепленный район.)

ПРЕЗИДЕНТ ГУПТА

Наши дети не должны и не будут жить в страхе. Территория Сигурдссонии жизненно важна для нашей безопасности, а значит — для поддержания мира на всей планете. Мы населим её нашими гражданами…

(Радость в трущобах Шанхая. На весь экран, размером в полную стену, лицо политика, выражающего солидарность с любезной Элефтерией. Сам он богат, но ему нужны голоса бедноты.)

ОЛАЙЯ

…повторяю свое прошлогоднее интервью с адмиралом Алессандро Вителли, начальником штаба Сил охраны мира…

ВИТЕЛЛИ

…никаких сомнений. Все абсолютно ясно. За последними действиями стоит Наксанская Лига. Я не имею в виду, что это они снабжают тсейякканцев оружием и инструкторами. Это и так всем известно, как и то, что мы поддерживаем

элефтерийцев.

Нет, я имею в виду, что своими закулисными действиями Лига поощряет реваншизм. Иначе вы бы не услышали того, что говорится сейчас на Мундомаре. Наксанцы, в отличие от многих людей, не пойдут за безрассудной демагогией. Они будут сидеть тихо до тех пор, пока не почувствуют себя в силах выполнить свою задачу. Так что не будем принимать желаемое за действительное. Тсейякканцы, а тем самым и наксанцы хотят не возвратить себе Сигурдссонию. Они хотят полностью изгнать с планеты людей.

ОЛАЙЯ

Вы считаете, что Земля должна это допустить, адмирал?

ВИТЕЛЛИ

Простите, но моя должность не позволяет заниматься политикой. Я должен исполнять волю парламента. Что же касается моего частного мнения, я бы считал, что присутствие людей в этой части космоса позволит сохранить равновесие сил…

ОЛАЙЯ

…речь Его Превосходительства Толлог-а-Экруша, Генерального Посла Наксанской Лиги при Мировой федерации, последняя перед его ото-

званием.

(Черничного цвета масса с желтыми и зелеными пятнами, мокро поблескивающая в своей наготе, с коротенькими ножками-тумбами, от которых отходят мембраны до самых локтей. Экран заполняет голова, похожая на голову ската. Голограмма не передает запаха, но пронзительный, отвратительный человеческому уху голос заполняет миллионы квартир.)

...истовисефкая друвба мевду нафымы навобами. Вевно, мы всегда быви конкувентами, но это нофмавьно. От тофговли выигвывают все; ессе бовьсе от обмена идеями. Я хотфу, фтобы вы, вюди, знави, как мы, наксанцы, вами восфифсяемся. Как мы вам бвагодавны за все, тфему от вас науфивись. Как мы хотеви бы фить в миве с вами, фазвивая дух бватства. Но и вы не науфивись ви тфему-нибудь от нас, не дави ви мы вам фто-то взамен? Фто мовет выигвать один навод от войны? Да, мы поддеввываем нафих водственников на Тсейякке пвотив непвиквы-того завоевания. Я не могу повевить, фто Земвя, та Земвя, котовую мы вюбим, одобвит и даве помовет завоеванию и пова-боффению безобидных фуффеств в из собственном доме. У Земви есть обязатевства? Земвя мовавьно ствадает, когда за теми, кто добився

достойной визни на своей земве и мовет вить, как хоффет, не пвизнают такого пвава? Несомненно. Несомненно. Но ведь не мы отвевгаем такое пваво!..

ОЛАЙЯ

Третий взрыв вражды на Мундомаре породил кризис, который кажется неразрешимым. Достигнув успеха вначале, элефтерийцы не смогли его развить, а тсейякканцы не проявили готовности ещё раз признать поражение. Все согласительные комиссии третьих сторон фактически игнорировались без особой вежливости обоими участниками конфликта. Рос страх, что противная сторона раздобудет более современное и мощное оружие, или уже его имеет, и применит его в создавшейся патовой ситуации, истощающей обоих.

(Кадры: парады, демонстрации, поющие толпы на Земле, призывающие к спасению Элефтерии.

Земные и наксанские корабли направлены в район планеты. Доклады об инцидентах. Кадры погибших кораблей, мертвых экипажей, агонизирующих раненых в госпиталях. Среди раненых пленные; их лечат как могут врачи чужой для них расы в ожидании обмена пленных.

Дипломатические попытки провалились.

Сессия парламента, призвала Землю помочь выживанию Элефтерии.

Еще инциденты. Посол Лиги передает ультиматум.

Парламент отдает флоту приказ вступить в сражение.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ АЛЬ-ГАЗИ

Разумеется, мы не планируем атаку на Наксу, если не подвергнется нападению сама Земля, чего я не ожидаю. Это был бы акт войны. Более того, это было бы чудовищно и, позволю себе добавить, с военной точки зрения это был бы идиотизм, если принять во внимание средства защиты планеты. Нет, в той степени, в которой это зависит от нас, мы ограничимся операциями на самом Мундомаре и в его секторе с единственной целью — принудить противника согласиться на справедливый мир.

ОЛАЙЯ

Голосование никак нельзя было назвать единодушным. Выступавшие из разных стран протестовали против нашего вовлечения в конфликт и агитировали за отзыв наших сил. Отдельные лица и организации, составляющие меньшинство, также протестовали против нашего участия.

(Дождь на почти пустой улице. Несколько

понурых пикетчиков перед адмиралтейством. Они несут лозунги вроде «ВЕРНИТЕ БРАТСТВО» и «НЕУЖЕЛИ У НАКСАНЦЕВ НЕТ ПРАВ?» Отдельные проезжающие в машинах останавливаются поругаться.)

ОЛАЙЯ

…наш гость Гуннар Хейм, бывший министр Космоса и Космического Флота в Новой Европе. Три десятилетия тому назад на Земле, как помнит каждый, одинокий голос капитана Хейма призвал к сопротивлению агрессии с Алериона. В конце концов начались операции от имени Франции, что заставило Федерацию действовать. Позднее он был в первых рядах тех, кто объявил суверенной планету Новая Европа. Он был членом её правительства до тех пор, пока не вернулся к частной жизни, хотя и не к безвестности. Находясь на Земле, капитан Хейм согласился дать нам интервью…

(Седой, но все ещё с военной выправкой человек в старой гимнастерке с расстегнутым воротом сидит в кресле напротив ведущего и попыхивает трубкой.)

ОЛАЙЯ

…вы не считаете, что теперешняя ситуация похожа на ту, с которой вы когда-то встретились?

ХЕЙМ

Абсолютно нет. Алерион хотел, чтобы люди — даинаксанцы, например, и любой другой народ, умеющий выходить к звездам, — просто мы были развиты больше всех других и потому стояли в списке первыми, — ушли из космоса. На самом деле я думаю, что Алерион хотел нашей смерти.

ОЛАЙЯ

Почему?

ХЕЙМ

Можете назвать это идеологией. Мы не единственный вид, несущий такое проклятие. Дело в том, что притязания Алериона были неограниченными, и потому Алерион был смертельной угрозой. Мы должны были применить силу, чтобы привести в чувство его правителей.

ОЛАЙЯ

И вы думаете, что с наксанцами не так?

ХЕЙМ

Я не думаю, я знаю. Чем эти существа могут угрожать Земле? Если не считать острой торговой конкуренции, никакие земные интересы они не затрагивают.

ОЛАЙЯ

Ладно, оставляя в стороне космические инциденты — которые можно списать на напряжен-

ность, — оставляя их в стороне, что вы скажете о взрыве бомбы у земной миссии в наксанской части Мундомара два года назад? Может быть, фанатики…

ХЕЙМ

Черта с два. У наксанцёв не бывает фанатиков.

ОЛАЙЯ

Тоща это дело рук официальных властей, как говорили слухи.

ХЕЙМ

Сеньор Олайя, этот взрыв устроили элефтерийские агенты, чтобы вызвать возмущение на Земле. И преуспели. Немедленным результатом было прекращение переговоров о совместной экспедиции к центру Галактики; но гораздо важнее оказался эффект, достигнутый потом на выборах.

ОЛАЙЯ

Простите, вы можете это доказать?

ХЕЙМ

Я это слышал от людей из секретной службы Новой Европы. Естественно, что ваше правительство не хочет вам рассказывать.

ОЛАЙЯ

Вернемся к основной теме. Вы считаете, что мы должны бросить элефтерийцев на произвол судьбы?

ХЕЙМ

От вас я не ожидал такого тенденциозного вопроса.

ОЛАЙЯ

Это не мой вопрос. Я только цитирую бесчисленные речи и статьи.

ХЕЙМ *(с намеком на улыбку)*

Только имейте в виду, что я говорю как частное лицо и иностранный подданный. Спасибо Господу, каков бы он ни был, за то, что мое правительство остается строго нейтральным! Но мне бы хотелось напомнить, что мое правительство предлагало свое посредничество обеим сторонам…

ОЛАЙЯ

Я понимаю, капитан. Я просто хотел спросить, на чьей стороне вы. Ввиду аналогии между тем, что делают элефтерийцы, и тем, что сделали вы.

ХЕЙМ

А я утверждаю, что никакой аналогии нет. Я вам уже сказал, что Алерион угрожал самому нашему существованию, а Накса этого не делает. Новая Европа объявила независимость, но не захватывала чужого.

ОЛАЙЯ

И все же…

ХЕЙМ

Ладно, если вы хотите послушать старого инженера-практика, который вышел в тираж уже много лет назад. И ещё раз позвольте подчеркнуть, что я говорю от своего имени, и только от своего. Во-первых, меня просто восхищают элефтерийцы. Они совершили невероятное. Они преобразовали не только землю, но и собственные души. Но, во-вторых, у наксанцёв на Тсейякке — на Мундомаре — тоже есть свой героизм. Согласны? И они тоже разумные существа. И они пришли туда первыми, как бы там ни было. Я не думаю, что они хотят прогнать с планеты элефтерийцев. Не думаю также, что этого хочет Лига. Изначальная идея была хороша. На планете много разных природных зон, и два вида вполне могут колонизировать разный её части. Их сотрудничество принесет пользу обеим сторонам.

Вы же знаете, что гибридные сорта дают самый высокий урожай. О деталях можно договориться. Вспомните формулу Талейрана: «равная неудовлетворенность». Все дело в том, что элефтерийцев это не устроит. Например, сейчас у них и у их неизвестных единомышленников с Земли в Г'яару — в Сигурдссонию, если вам так больше нравится, — вложены такие деньги, что потерять

их означает крах. Потому они и говорят о жизненных интересах и о своей безопасности. Чушь полная. И хотя большинство из них в это верит все равно чушь. Единственное, что дает народам безопасность, — это общий интерес.

ОЛАЙЯ

Вы возлагаете вину за конфликт целиком на Элефтерию?

ХЕЙМ

Да нет же, о Господи. Наксанцы по-своему так же неразумны, как люди. Но главное в том, что вот есть спор, который может быть разрешен каким-то необычным путем, что-то вроде какого-то неожиданного компромисса, но сначала будут истощены большие силы с обеих сторон, а это… Вот скажите мне, сеньор Олайя, какого черта туда полезли Силы охраны мира под руководством парламента Мировой Федерации — что это даст среднему землянину? За каким чертом ставить свою подпись под элефтерийским империализмом? Если им нужны новые завоевания, пусть ведут их на свой страх и риск.

(Дебаркадер в космопорту. Шеренга космолетчиков готовится к погрузке. Играет оркестр, и разносится усиленный микрофонами хор:

Слава, слава, аллилуйя,

Слава, слава, аллилуйя,
Слава, слава, аллилуйя,
Наш день славы настает!)

Глава 9

В Сехалу Спарлинг ехал в машине. Флаером было бы слишком быстро, а он хотел подумать. Ехать на лошади не было возможности — только на нескольких квадратных километрах встречались растения, которыми она могла бы прокормиться. Как вьючные или тягловые животные использовались элы, но они страшно протестовали против того, чтобы на них ездили верхом. Большие вальвасы, хотя и поддавались одомашниванию, но им требовалось слишком много корма.

Как правило, иштарийцы были сами себе транспортом. Вдоль высокого берега реки шло движение: мускулистые специалисты-носильщики, легконогие специальные курьеры, запряженные в свои повозки крестьяне, путешественники без груза. Они все принадлежали к самым разным народам, от обитателей Южного Бероннена или Хаэлена до полудиких племен Эхурских островов близ Валеннена. Большинство было без одежды, но в уборах из перьев, драгоценностях, плащах, попонах, перевязях. Попадались орнаменты и украшения всех расцветок и фасонов.

По реке шли лодки, баржи, галеры. Союз был в беде и уступал территории одну за другой, но его центральные области все еще, как магнитом, притягивали торговлю.

Спарлинг встречал патрули легионеров. У легиона, который очередь перестановок приводила в Сехалу — сейчас это был легион Скороходы Тамбуру, — было немного работы. Гражданская и полицейская службы, спасательные функции, разрешение небольших споров, те общественные работы, которые они традиционно вели, например ведение летописей или содержание маяков. Традиционных обязанностей полицейского офицера мало было в стране, в которой культура, основанная не склонным к насилию видом, определяла только одно преступное действие: неподчинение приговору суда. Пожары тоже случались нечасто, поскольку дома были каменными или кирпичными.

Теперь же Тамбуру казались настолько же занятыми, как когда приходилось вести стычки с бандитскими шайками варваров. Спарлинг знал, в чем тут дело. Все больше и больше народу шло из северных мест в надежде обосноваться здесь раньше, чем перемена погоды опустошит их дома. В Бероннене не было настоящего

правительства, и поставить преграду на пути беженцев было бы трудно. Но начинающая сама испытывать непогоды и бури страна не могла их прокормить. Счастливое меньшинство могло найти постоянную работу, даже начать новое дело или вступить в брачный союз с держателями земли. Остальные же…

Эти прохожие уже не были так жизнерадостны и энергичны, как те, кого Спарлинг видел здесь же в прошлые годы. Многие, особенно среди чужаков, выглядели истомленными, голодными, отчаявшимися.

А вокруг, под синим небом и башнями облаков, лежала все та же богатая, мирная, золотая страна. Он видел большие стада и отдельные фермы, которые были основой здешней экономики и здешнего общества. Дальше на юг поля вокруг Сехалы уже были убраны. По пустым садам, жнивью и пахоте не было видно, насколько скуден бывал урожай, когда на севере дымилась Ану.

Он поставил машину на окраине возле гостиницы, в которой были удобства для людей.

— Если тебе все равно, гость-друг, я предпочел бы монеты твоей бумаге, — сказал хозяин. — У нас появилось столько искусных подделок под них, что мне трудно будет расплатиться бумаж-

ными деньгами. Вот, посмотри образец.

Спарлингу подделка земных денег показалась грубой. Но настоящие деньги редко выходили за пределы Примаверы. Кроме того, иштарийцы часто бывали нечувствительны к ясным для землянина оценкам — и наоборот, разумеется.

— Все эти иностранцы, — ворчал хозяин. — Мошенничество, воровство, грабежи. Их ловят, а что пользы? Только зря таскать их в суд. Им все равно нечем возместить убытки. Заставь их работать — только напортят. Изгнанием из общины их не напугать, никто из порядочных все равно с ними не водится. Битьем их тоже ничему не выучишь, а к смерти приговаривают лишь тех, кто попадает в суд хотя бы трижды. Провалились бы они, эти бездомные негодяи.

Он перечислил все имеющиеся наказания. Тюремное заключение, кроме предварительного задержания, — известное по описаниям людей, — показалось этому народу бессмысленной злобностью, и Спарлинг думал, что ни один иштариец даже не понял бы идею реабилитации, пораженный тем, что показалось бы ему психическим оскоплением. Может быть, иштарийцы и правы.

У себя в кармане он нашел горсть местных

золотых, серебряных и бронзовых монет и щедро расплатился за короткий постой. Хозяин не потрудился их проверить. Он с первого взгляда увидел товар известных своей репутацией изготовителей. На монетных дворах состояния не составишь, но небольшой спрос на деньги всегда поддерживал несколько дворов. Точнее говоря, такой спрос существовал, когда экономика Союза росла.

— Я пойду в город и осмотрюсь, — сказал человек. — Здесь все так переменилось с последнего раза, как я тут был.

Причиной его визита была работа, которая в числе прочего требовала его присутствия на совещании местных лидеров. В Сехале почти никто не жил, кроме того времени, когда собиралась ассамблея. Сехала не была столичным городом, и во многих земных смыслах не была городом вообще. Это просто было самое большое и процветающее место среди всех, где происходила определенного рода деятельность и функционировали соответствующие учреждения, поэтому она более всего подходила для собрания. Спарлинг знал, что южноберонненское название для этих мест, где цивилизация была представлена во всей силе, переводилось неверно. Более точно

было бы «Союз при Сехале».

Оба солнца ещё стояли высоко, но облачность сменила марево, а ветер, предупреждавший о дожде, приносил с реки прохладу. Спарлингу было нетрудно пройти несколько километров там, где не было улиц. И разумеется, он хотел лично увидеть, как обстоят дела сегодня. Те люди, что бывали здесь чаще, оказывались слепы ко всему, что не входило в круг их непосредственных интересов. Это было вполне понятно. Их интересы требовали неотступного внимания — приходилось, например, работать со студентами по разбору старых хроник или расспрашивать шкиперов о далеких заморских странах. Тем не менее…

Гостиница стояла возле доков. Это было здание обычного типа, где могло разместиться много народу. Оно возвышалось отвесным квадратом вокруг центрального двора с прудом и садом. Первые четыре яруса были сложены из известкового камня, остальные восемь — из необожженного кирпича с креплениями из дерева феникс. Отделка была достаточно разнообразна, чтобы здание, несмотря на суровые очертания, смотрелось приятно. Это ощущение разнообразия усиливалось от того, что кухня и кладовая были отдельными

зданиями, по двору во всех направлениях вились дорожки, каждая комната имела балкон.

Отличная архитектура, подумал Спарлинг. Тяжелые стены обеспечивают изоляцию и прочность. В патио всегда прохладно, а центральный пруд создает воздушный поток, в жаркий день несущий через жалюзи прохладу в комнаты. Балконы и огороженная плоская крыша давали туземцам тот солнечный свет, без которого чахли их растения-симбионты. Дому было уже больше тысячи лет. Он пережил нападения во время последней катастрофы и может пережить ещё и следующую.

Дверь дома выходила на откос, ведущий к широкой коричневой реке, докам и складам, мастерским и судам, что не разгрузились в Ливасе-на-Дельте, но продолжили свой путь досюда — небольшие каботажные суда. До Спарлинга долетали шум, крики, стук тяжелых грузов, скрип колес и лебедок, грохот бочек в наклонных желобах. Это ему напомнило Гавану. Но здесь был центр цивилизации, оплот и надежда расы, которая, как считал Спарлинг, может быть, будет значить для Галактики больше чем его собственная. Если бы только снять это красное проклятие…

Он пошел на юг. Сперва дорога шла среди полей. В отличие от того, что он знал на Земле, города в Бероннене зависели от сельского хозяйства своих пригородов, фактически вымениваливали на свои товары мясо и другую продукцию ферм. Фермы были экономическим и социальным приоритетом. Некоторыми из них фактически владела Сехала.

Спарлинг мимоходом вспомнил теорию, которую однажды ему развивал Боггарт Хэншоу. В молодые годы мэр был ксенокультурологом.

«Есть две причины, по которым сельскохозяйственный сектор имеет приоритет перед промышленным. Я не имею в виду то, что большинство делегатов ассамблеи из тех мест, где нет городов. Союз — это историческое новшество. Я же имею в виду сами истоки цивилизаций.

Прежде всего, пастушеская цивилизация на Иштар более эффективна, чем на Земле. Здешний домашний скот берет с гектара больше, чем может корова или свинья. Кроме всего прочего, у пастухов больше шансов пережить проход Ану, чем у фермеров, к тому же эти бури, наводнения и засухи каждое тысячелетие делают много земель непригодными для земледелия. И вообще пастушество более созвучно темпераменту среднего

иштарийца. (Это мое предположение, — может быть, и люди в большинстве предпочли бы быть ковбоями, а не ковыряться в земле.)

Второе — это время подъезда. Это то, что позволило высокой культуре развиться среди рассеянных ферм. Вот смотри. В течение всей земной истории район ежедневной деятельности был ограничен временем проезда от дома до работы. Это всегда было одно и то же время, примерно час, что для вавилонского крестьянина, шагающего к отдаленной ферме, что для чиновника из Мехико-Сити, садящегося в аэробус на окраине Гуаймаса. Бывали, конечно, исключительные случаи и исключительные обстоятельства. Но в общем и целом, затрата на дорогу туда в обратно более одной двенадцатой от времени обращения планеты не окупается. Тот, кому приходится это делать, либо находит в конце концов работу поближе к жилью, либо переселяется, поближе к работе. Даже первобытные охотники разбивали лагерь недалеко от мест обитания дичи. Это правило одного часа не отменили даже электронные средства сообщения — они только изменили способ применения этого правила к определенным слоям населения.

На Иштар дело обстоит по-другому. Пеший

иштариец движется быстрее человека, даже конного, и может дольше бежать, не уставая. Ночью он хорошо видит, так что короткий день ему не помеха. Ему редко нужно укрытие, а когда нужно, им может послужить любое заросшее место в стороне от дороги. Ему нет особого смысла устраивать жилье поблизости от работы. Короче, он лучший путешественник, чем мы, он путешествует быстрее и на гораздо большее расстояние; Потому-то скотоводы и могут здесь вести разнообразную деятельность на больших площадях. Когда у них возникает потребность в постоянном рынке, в промышленности, требующей оседлости, они сами такие места создают.

Город может рассылать фермеров достаточно широко для того, чтобы прокормить себя и ещё иметь излишек провизии. Там, в городе, живут только некоторые специалисты, а в основном популяция кочует, потому что для большинства семейств Бероннена ранчо — наиболее приятная и наиболее интересная среда обитания. Говорить о „цивилизации“ на этой планете значит употреблять неточное наименование. Гораздо лучше было бы „культура, имеющая письменность“. Но уж будем придерживаться привычных терминов».

Спарлинг продолжал путь. Сейчас он уже шел среди зданий. Здесь не было городской стены, которая защищала такие города, как Порт-Руа (или потерянную Тарханну). В этих местах давно уже не случалось войн. И сейчас считалось, что легион обеспечивает достаточную защиту. Если бы он был побежден, то сехаланцам лучше было бы спасаться по окрестным фермам и ранчо, чем запереться в ограниченном пространстве, со всех сторон обложенном противником, не испытывающим нехватки продовольствия. Да и большая часть богатств была тоже рассеяна по ранчо и фермам.

Город строился фактически без всякого плана. Строители выбирали место по собственному усмотрению. Тропы, которыми регулярно пользовались, становились утоптанными дорогами, кое-где замощенными. Строения стояли свободно, окруженные зарослями лиа, деревьями и кустами. Город не делился на районы с определенным составом населения или определенным промышленным уклоном. Многие кварталы состояли просто из шатров и палаток, раскинутых приезжими, не желающими или не могущими уплатить за постой. Дома были велики с точки зрения людей — потому что они были построены

для больших существ. Многие из них напоминали ту гостиницу, где остановился Спарлинг, а некоторые были просто шедеврами архитектуры.

Сехала росла вширь.

В ней не было ни вони, ни отходов. Для иштарийцев санитария была гораздо менее острой проблемой, чем для людей. Их система водообмена не была связана с выделением мочи, а твердых отходов жизнедеятельности было гораздо меньше, чем у человека. И тем не менее иштариец очень ответственно относился к соблюдению чистоты — хотя бы потому, что иное поведение было бы воспринято как оскорбление его соседями. В Сехале пахло дымом, растениями, острым мужским и пряным женским ароматом.

Встреченные Спарлингом прохожие учтиво его приветствовали, независимо от того, были они знакомы или нет, но поговорить не останавливались. Навязывание пустого разговора тому, кто, быть может, спешит, считалось дурным тоном. Прохожих было меньше обычного.

Причину этого он понял, когда проходил мимо Башни Книг.

— Иен! — окликнул его кто-то. Он обернулся и узнал Ларреку, командира Зеры Победоносного. Они похлопали друг друга по плечам, и каждый

заметил в глазах другого признаки озабоченности.

— Что случилось? — спросил Спарлинг. Ларрека хлестнул себя хвостом по лодыжкам. Усы над клыками шевельнулись.

— Много чего, — буркнул он. — И здесь, и в Валеннене, и не знаю, что хуже. Новости из Порт-Руа: полк, направленный отбить Тарханну, попал в засаду и уничтожен. Волуа — ты его помнишь, мой первый офицер? Он убит. Выкуп, запрошенный варварами за пленников, — не золото, а оружие. И тот, кто составлял его список, очень хорошо знает, чем он может нанести нам наибольший вред.

Спарлинг присвистнул.

— Так что Оваззи созвала ассамблею на сегодняшнее утро. Скоро у меня не будет времени для речей, и я должен буду уйти.

«Вот почему нет никого на улицах, — понял Спарлинг. — Они в зале». Ассамблеи созывались раз в несколько лет и редко собирались полностью. Обычно старались найти общую точку зрения до начала формального голосования. А для этого лучше было проводить приватные встречи отдельных лиц. «Господи Боже мой! И я должен буду прийти туда без всякой подготовки

прямо сейчас. Я-то собирался провести кое-какую работу, чтобы не вываливать на них вот так все сразу…» Он услышал свои собственные слова:

— Ты ведь сказал им, что это ещё одно подтверждение твоего мнения о необходимости послать в Валеннен подкрепления? Ведь сначала многие возражали?

— Верно, — ответил Ларрека. — Многие предложили полную эвакуацию. Отдайте им весь этот проклятый континент, и все. Ладно, Иен, а какие у тебя плохие новости?

Спарлинг рассказал ему. Ларрека стоял неподвижно, и только ветер шевелил его гриву. Шрам у него над бровью побелел. Наконец он сказал:

— Вот и выдай им это. Стукни покрепче, да прямо сейчас. Может, это им ума прибавит.

— Или выбьет остаток, — пробормотал Спарлинг. Он не видел другого выхода и поплелся рядом со своим товарищем.

Ассамблея собиралась в зале, своей мраморной колоннадой напоминавшем Парфенон. Это сходство обнаруживалось, несмотря на бесчисленные различия от круглой формы в плане до абстрактных мозаичных фризов. Окна-витражи над набитыми зрителями ярусами отбрасывали свет прямо на середину, где стояли члены ассам-

блеи. В середине было возвышение для Чтеца Закона и для оратора.

Вид ассамблеи сверху был очень живописен. В ней были представлены все общества, входившие в Союз; по разнообразию социальных институтов иштарийцы намного превосходили людей. Племена, кланы, монархии, аристократии, коммунистические и анархические сообщества имели в этом зале свои аналоги. Но что сказать о народе, в котором правление ежегодно переходило от мужчин к женщинам и обратно; в котором для регуляции численности населения оазиса устраивались смертные поединки между подростками независимо от пола, причем бойцы могли быть лучшими друзьями; который практиковал обмен супругами по утвержденной схеме, направленной на образование всех возможных пар; который спорные вопросы решал метанием костей, определенно дающих случайный результат, — да и вообще, видела ли Земля когда-нибудь что-нибудь подобное самому Союзу?

Число членов ассамблеи слегка сократилось с прошлой встречи десять лет назад. Теперь дискуссия шла по вопросу о том, сколько территории может надеяться сохранить цивилизация, учитывая помощь людей, конкретные формы которой

ещё предстояло определить. С некоторых важных островов легионы уже были отозваны. К этому вынудили — и продолжали вынуждать — усиление бурь, упадок экономики, натиск варваров. Но сдать целиком Валеннен прямо сейчас это уже было другое дело.

Войдя с Ларрекой в зал, Спарлинг увидел, что оратором бы Джерасса. Тот был широко известен: местный уроженец, выбранный хозяевами Сехалы за разум, красноречие и утонченные манеры. Он много времени провел в Примавере, со многим подружился и научился тому, чему его могли научить люди обыденной жизни он принадлежал к ученым и хроникерам и Башни Книг, которых субсидировал ради престижа легион Афела Неодолимый. Но на Джерассе не было заметно книжной пыли — он был щеголем. Кроме энтомоидов, живущих у него в гриве как часть симбиоза, он выращивал ещё и букашек с радужными крыльями. Когда он говорил, они образовывали вокруг его головы сверкающий нимб.

— …в прошлые циклы. Я согласен, что было бы разумно пытаться закрепиться в Валеннене, усилить наши войска, особенно если командир Ларрека прав по поводу лидера, объединившего

дикарей для чего-то большего, чем разбой.

Действительно, мы должны, насколько это возможно, препятствовать той миграции, которая, по нашему мнению, привела к упадку древних высоких культур.

Однако наше поколение оказалось счастливым. Нам на помощь пришли могущественные союзники. Ранее мы наделись что с помощью легионов и хорошо охраняемых складов провизии цивилизация сможет выжить в нескольких странах. Но потом прибыли люди. И теперь мы можем надеяться, что Союз выживет, не получив существенных повреждений, на всей своей территории.

Конечно, помощь людей ограниченна. Они нам объяснили, что не могут рассчитывать на сильную поддержку из своего родного мира. Что ещё важнее, они немногочисленны, и только они могут работать с некоторыми устройствами или спланировать наилучшее их применение. И все же один их боевой воздушный корабль превосходит по боевой силе целый легион, не говоря уже об орде варваров.

И потому я считаю, что нет смысла удерживать Валеннене Мы сможем туда вернуться, когда захотим. И кроме того, что мы там теряем? Пред-

меты роскоши, вроде шкур безногов, рыболовные зоны, которые все равно будут испорчены с приходом Бродяги, и минералы да материалы вроде феникса, которые мы действительно используем. Но при нужде мы можем обойтись и без них. А когда орды валенненцев разобьются о нашу линию обороны, которую мы с помощью землян сможем организовать, они, помяните мое слово, будут очень озабочены, как бы им начать торговлю с нами.

И я предлагаю, чтобы мы дали нашему народу работу поближе к дому, где её полно. Роль легионов в теперешнее время хаоса должна быть более гражданской, чем военной, им надо больше строить, чем драться. И я предлагаю не только воздержаться от просьбы к другому легиону присоединиться к Зере Победоносному, но и попросить сам легион Зера вернуться к нам. Он нужнее здесь, чем там.

Джерасса видел Ларреку и Спарлинга, не вошедших в зал и стоящих у входа. Он, очевидно, немедленно перестроил конец своей речи и сказал:

— Вы слышали от меня достаточно. Здесь присутствует тот, кто говорит от имени людей. Будет ли ваша воля выслушать его?

— Да! — пропела сотня голосов из зала, и говор прошел по ярусам зрителей. Джерасса сошел с возвышения. Чтица Закона Оваззи произнесла стандартную формулу:

— Добро пожаловать, Иен Спарлинг. Желаешь ли ты обратиться к нам?

«Черта с два, — подумал человек. — И больше всего из-за тебя, старуха. Ты входишь в ту полудюжину во всей Вселенной, кому я меньше всего хотел бы причинить боль».

— Да! — произнес он вслух, вышел вперед и поднялся на возвышение.

Они с Оваззи похлопали друг друга по плечам. И её плечи вдруг показались хрупкими. Старая даже по иштарийским меркам, она явно быстро постарела от печальных новостей последних лет. Это значило, что ей уже оставалось недолго, и она это знала. Как если бы какое-то божество захотело вознаградить иштарийцев за проклятие Ану, их раса была избавлена от медленного увядания, занимающего половину человеческой жизни, и от ужаса старческой немощи. На Спарлинга смотрели ясные глаза с истощенного, но лишенного морщин лица. И шкура её оставалась зеленовато-коричневой, и грива — красной с проблесками золота, как в молодости.

— Ты знаешь, что здесь творится? — спросила она.

— Немножко, — ответил Спарлинг. И, стараясь потянуть время, добавил: Лучше, если ты мне расскажешь.

Она быстро изложила ему содержание предыдущих дебатов ассамблеи — в этом состояла часть её обязанностей. Хотя изначальной ролью Чтеца Закона было знать все законы Союза, эта роль сошла на нет по мере распространения грамотности. Тем не менее для кандидатов на этот пост было обязательным иметь превосходную память и уметь видеть картину в целом.

Оваззи была Чтицей Закона уже три сотни лет, и никто ещё не предлагал её сменить.

Спарлинг наполовину слушал, наполовину занимался подысканием слов, которые ему предстояло произнести вслух. Его задача состояла не в том, чтобы сказать горькую правду сладким языком, а в том, чтобы подвигнуть слушателей к решению и действиям, могущим облегчить резко ухудшающуюся ситуацию. Но к каким решениям и каким действиям? Он не мог сказать с уверенностью. Это же не парламент. Власть ассамблеи была чисто моральной.

«Я уже двадцать лет на Иштар, и я даже стал

ксенологом, чтобы лучше выполнять свою работу инженера. Но я изучал страны, далекие от этой, и кроме того, я никогда не играл в местные политические игры. Моя политика на Земле, где приходилось выбивать согласие властей и фонды для нашей работы. И мне следует помнить, что Союз — не империя, не федерация, не объединение союзников. Или нет, Союз — всёго этого понемножку, и многое ещё другое, чему даже нет названия. Что общего у этих делегатов? Да ведь многие из них даже и не делегаты!» И Спарлинг стал репетировать про себя то, что собирался сказать о прошлом и настоящем, прикидывая, как воспринял бы услышанное тот, кто только что прибыл и слышал это впервые.

При последнем проходе Ану цивилизация в Южном Бероннене не исчезла полностью. Народ построил склады продовольствия, крепости, да ещё укрытия для книг и инструментов, и тогда уже было несколько легионов. Еще им помогло долгожительство. Молодой и талантливый иштариец, обученный под руководством мастера, оказывался в расцвете сил во время катастрофы и, пережив её, обучал тех, кто жил в начале следующего цикла. К тому же период творчества у иштарийцев длится дольше. Если у людей

наиболее благоприятный для самостоятельного творчества возраст приходится, скажем, на период от двадцати до тридцати пяти, то у иштарийцев — от пятидесяти до ста пятидесяти, со всеми преимуществами более долгого накопления опыта и озарений.

И таким образом цивилизация была восстановлена и стала процветать, исследуя, торгуя, основывая колонии. А это означало, что нужна была и защита. У иштарийцев слабее, чем у людей, развиты тяга к насилию, жажда власти и вообще многие; человеческие страсти, но некоторые аборигены не хуже людей понимали, что разбой часто приносит гораздо большую выгоду, чем честная работа, а другие боялись оказаться жертвами разбоя. У землян была тенденция устранять возникающие проблемы, обращая в рабство возмутителей спокойствия, но в Бероннене не было правительства, которое могло бы доминировать. Ближе всего к правительственным структурам подходили легионы, но они были автономны. Они нанимались ко всякому, кто соглашался платить, или к тому, с кем договаривались об условиях; хотя никогда — к тому, кто нападал на Бероннен.

Менее развитые области старались нанимать

отдельные легионы или отряды легионеров. Они получали от этого защиту и ценные гражданские службы легионы ни в каком смысле не были чисто военными образованиями. Они ещё вели торговлю с Беронненом и между собой, и их наниматели получали доступ к образованию и технологиям, известным в окрестностях Сехалы.

Оказалось, что очень удобно через определенные интервалы времени проводить встречи для обмена информацией и планирования совместных действий. Сехала оказалась естественным и едва ли не незаменимым для этого местом. Общество посылало своих лидеров или лидера, а могло послать просто дипломатических представителей или ещё кого-нибудь. Могло послать одного представителя или нескольких. Формула голосования была выведена столь разумно, что не зависела от числа представителей. Но ассамблея не принимала законы. Она лишь давала рекомендации.

И этим рекомендациям обычно следовали и нации, и легионы. Оставшиеся в меньшинстве понимали, что выгоднее последовать за большинством, чем оставаться в изоляции. Солдаты считали себя хранителями цивилизации, но — в отличие от земной истории — не творцами её

политики. Этому способствовало долгожительство. Офицер возраста Ларреки видел на своем веку несчетное количество ярких вспышек, от которых вскоре оставался только пепел.

И поэтому Союз имел различное значение для разных входящих в него стран, не говоря уже о не входящих. Его названия на разных языках были непереводимы на другие языки. Для некоторых он был просто видом полиции, для других — носителем и хранителем всего ценного, некоторые народы придавали ему мистическое значение, для других же он представлял собой чуждую культуру, не то чтобы изначально высшую, но верховенство которой было выгодно, если не благоразумно, признавать.

И не было конца разнообразию.

Для валенненцев — рассеянных по огромной территории, неуправляемых, отсталых — он был чужаком, который присылал торговцев и вполне благоразумно организовывал их защиту, но который ещё и отвечал карательными экспедициями на набеги, и цели этих экспедиций были выбраны если не всегда правильно, то во всяком случае проницательно. Этот чужак своими гарнизонами и патрульными кораблями мешал старой традиции набегов и пиратства… И ещё этот чужак,

пока он в силе, не даст им захватить новые земли подальше от Злой звезды…

Оваззи закончила речь. Общее мнение, похоже, склонялось на сторону Джерассы. Конечно, никто не мог заставить легион Зера Победоносный вернуться домой, и те, кому было что терять в Валеннене, его поддержали бы, если бы он решил остаться. В любом случае он имел независимый источник дохода от тех служб, которые выполнял его состав в различных местах. Но большая часть делегатов ассамблеи считала, что в такое время лучше иметь легионы поближе к центру страны, и скорее всего командиры легионов согласятся с этим, а не присоединятся к Ларреке в этом судьбоносном вопросе. Таково было общее мнение, сказала Оваззи. Меньшинство указывало на то, что люди ещё не определили конкретно, в чем будет состоять их помощь, а это следует сделать перед тем, как продолжить дальнейшее обсуждение вопроса. Не будет ли оратор от Примаверы, если он таковым является, столь любезен, чтобы высказаться по этому поводу.

— Это мой долг, — сухо сказал Спарлинг.

Он предпочел бы, чтобы здесь была трибуна земного типа, скрывающая оратора за пюпитром, а не выставляющая его целиком на обозрение со-

тен и сотен глаз. Как было заведено по традиции, он обернулся лицом к Чтице Закона. Набрав в легкие воздуху, он заговорил:

— Я думаю, что вы поймете, как нам всем горестно от тех новостей, что я должен принести вам. Будьте готовы к ним. — Бессмысленная человеческая фраза. Иштарийцы в политических делах говорят прямо, оставляя ораторское искусство для того, для чего оно нужно. — Совсем недавно мы узнали, что для помощи вам, любой помощи, наши руки могут оказаться связанными на годы и годы. Любой помощи.

Я не знаю, когда сможет продолжиться работа над моими дамбами, и Джейн Фадави не знает, когда получит сеятели воздуха для предотвращения смерчей, и мы не знаем, когда придут синтетическая пища и разборные укрытия для беженцев. Мы не можем рассчитывать на воздушные корабли для их эвакуации из пораженных районов. Мы не можем рассчитывать ни на что. В том числе и на оружие. В лучшем случае мы можем вести какие-то мелкие работы, можем помочь советом, можем попытаться продолжить работу в Примавере.

Я говорю: мы вас не бросим. Для сотен из нас здесь и наш дом тоже, и вы — наш народ. Без со-

мнения, вы догадались о причине. Вы знаете, что идет война среди звезд, война между нашим миром — Землей, и другим миром. Пока что она не очень разгорелась. Обе стороны только собирают свои силы. Теперь дело пойдет всерьез, и на него уйдут те ресурсы, на которые рассчитывали мы. Но у меня есть новости ещё горше. Земля решила устроить базу в этом мире. Не бойтесь, вы далеко от места битвы. База не является необходимой. Мы, жители Примаверы, постараемся убедить в этом владык Земли.

«Сказать ли им, что и сама война не нужна? Нет, не сейчас. Они скоро увидят, как нам несладко».

— Если нам это удастся, то мы хотя бы сохраним действующие проекты. Например, может быть, удастся вовремя закончить плотины. Но если война не окажется краткой, нам не придется рассчитывать на транспорты с Земли, как мы планировали прежде. И нам, может быть, не удастся остановить строительство базы. Мы почти наверняка тогда не сможем оказать вам помощь в битве. Я полагаю, конечно, что мы сохраним при себе личное оружие и машины, и у вас останутся те, которыми вы владеете. Но несколько пистолетов, машин и флаеров не остановят орды варваров. Я не знаю, что будет

дальше. Возможно, что война окажется скоротечной, и все продолжится так, как мы задумали. Но я считаю, что лучше готовиться к худшему.

Спарлинг остановился. «Дешевая риторика для человеческой публики, подумал он. — Насколько она подходит для такого разношерстного собрания иштарийцев? Боюсь, не слишком».

В пугающей тишине слово взяла Оваззи.

— Множество тяжких мыслей должны мы передумать снова. Несомненно, ассамблея продлится дольше, чем мы думали, и рассмотрит способы и средства для наших действий в связи с непредвиденными обстоятельствами, возникшими у наших друзей-людей.

Возможности языка позволили ей употребить суффикс для различения людей-друзей и людей-недругов. Спарлингу она сказала:

— И поскольку ты здесь вместе с Ларрекой, я хотела бы знать, что думаешь ты о защите Валеннена.

Застигнутый врасплох, Спарлинг произнес, запинаясь:

— Я? Я ведь не солдат, я не знаю, я в этом не разбираюсь…

Джерасса с места откликнулся:

— Чтица Закона говорит верно. Мы должны

подойти к решению очень ответственно. Но не кажется ли вам, что услышанное нами втройне призывает оттянуть все наши силы поближе к Бероннену?

Протесты вскипели, как волны в шторм. Никто не хотел ухода легионов из своей страны. Но — голоса были достаточно разборчивы, чтобы Спарлинг смог расслышать — лишь немногие оспаривали в принципе утверждение о том, что цивилизация в опасности должна стянуть свои силы поближе к центру, в частности оставить все свои владения к северу от экватора.

Оваззи прекратила шум, знаком призвав Ларреку на возвышение.

Когда наступила тишина, старый командир заговорил с удивительной для иштарийца монотонностью:

— Нет. Я старался вам объяснить раньше, но вы все ещё не поняли. Вопрос не в том, чтобы защитить интересы коммерции. Вопрос в том, чтобы остановить завоевателя. Я это знаю, я вам это говорил. Я понял это по военному искусству противника; по последним событиями по холодной дрожи, которую меня научила чувствовать проведенная на границе жизнь.

Если мы не можем получить помощь от людей,

то защищать Валеннен не разумно, а просто необходимо. Иначе противник сможет ударить где захочет, от Эхура до Огненного моря. Он против каждого острова сможет выставить больше, чем мы на его защиту, и, истребив гарнизон, он перейдет к следующему. И нам ничего не даст выигрыш одной или двух битв, пока у него в руках будет целый материк, куда можно отойти, а у нас там не будет войск, что могли бы его встретить. И вскоре мы потеряем эти воды. А потом он пойдет на Северный Бероннен, а его корабли пойдут на запад в Аргент и на восток в Океан Циклонов, захватывая все, что смогут, вербуя союзников и обучая воинов. Может быть, мы и сможем защитить эту часть континента, но нам придется бросить на это все, что у нас останется. А это будет концом Союза. Цивилизация, может быть, и устоит, но только в Южном Бероннене и только для Южного Бероннена. Неужто вы не видите, что самый смысл Союза в том, чтобы пережить этот цикл и войти в следующий? Да, вы можете купить себе временную безопасность, оставив Валеннен на произвол судьбы.

Но мое мнение солдата таково, что лучше отдать часть наших земель и послать легионы мне на помощь, чтобы очистить Валеннен. Голосуйте,

как вам угодно. Зера останется в Валеннене.

Глава 10

Будем пить вино всю ночь, Будем пить вино весь день. Чем ни пытайся горю помочь, Но выпьем, коли не лень.

Закончив старую песню, Джилл Конуэй стала насвистывать мотив, продолжая перебирать струны гитары. Под звездами поплыли плавные переходы и трели, ноты и аккорды, то такие высокие, что мурашки бежали по коже, то глубокие, как распев колокола. Звуки проникали в уши, шли по нервам и превращали все тело в один большой резонатор, гудящий им в тон. Как будто они будили призраки, веселые, но все же призраки.

Глаза её скользнули вверх. В эту теплую ночь они с Юрием Дежерином сидели на плоской крыше её коттеджа под открытым небом. В Примавере не было нужды в уличном освещении, а высокая живая изгородь вокруг двора скрывала окна соседей. Только светится на столе шар-светильник рядом с бутылкой коньяка, которую он принес к приготовленному ей обеду. Над темной массой сладко пахнущих деревьев неисчисли-

мыми армиями выстроились по обеим сторонам галактической реки звезды. Среди них мерцала Целестия. Но глаза Джилл смотрели мимо Эа, в сторону Крыльев. В этом созвездии лежала Земля, с которой пришли те слова и музыка, что она сейчас пропела своему гостю, где родилась вся её раса, хотя вряд ли в ней самой остался хоть один атом, принадлежавший Земле…

«Крылья, — подумала она. — А ведь для Юрия это совершенно чуждое название. Мы привыкли пользоваться звездными картами Бероннена; а он через все эти световые годы узнает некоторые из созвездий, обозначенных на земных звездных картах, хотя и видит их в странном ракурсе — так он мне говорил. Интересно, которые из них? Световые годы. Свет…» Свет играл на траве, отражался от знаков различия на форме мужчины или, как она знала, от серебра её сумочки. Может быть, слегка сиял для него в её распущенных волосах. Она перестала играть.

— Nom d'un nom! — воскликнул Дежерин. Он всплеснул руками. — Я никогда ничего подобного не слышал! Откуда это?

— Я думаю, из Америки. — Джилл положила гитару на пол, откинулась на стуле, забросив ногу на ногу, и пригубила бокал. Это земное бренди

крепкая штука. «Помедленнее, — напомнила она себе. — Но не слишком медленно. Умеренность во всем, даже в самой умеренности».

Она когда-то сказала это Иену Спарлингу, и он ответил:

— Моя дорогая, твоя идея умеренности не понравилась бы Александру Македонскому, — и сразу снова спрятался в обсуждение чего-то безличного. «Действительно ли Иен в меня влюблен? Хотела бы я знать наверняка, чтобы знать, что делать, а уж тогда будь что будет». Она продолжила, слегка улыбаясь:

— Странно, что вам пришлось так далеко забраться, чтобы послушать песню вашей родной планеты. Может быть, там её забыли. Надо сказать, что у нас тут сохраняется много странных архаизмов. Желаете с этим поспорить?

— Нет, нет, Джилл. — Дежерин покачал головой. Они стали называть друг друга по именам ещё за обедом, который он хвалил с таким знанием дела, что сомнений в его искренности возникнуть не могло. Ей это было приятно, и она была горда своим искусством. — Я имел в виду эту вашу невероятную коду. Она так подошла к песне, но ведь она не может быть человеческого происхождения, правда?

— И да и нет. Я провела пару полевых сезонов в Грозовых горах. Местные жители переговариваются на больших расстояниях посредством свиста, и у них есть основанная на этом музыка. Я её выучила и адаптировала, насколько могла, а это не много. Иштарийцы гораздо лучше нас различают и воспроизводят звуки. Их музыка, как и танец, с нашей точки зрения невероятно сложны.

— То, что вы умеете, поразительно.

— Да, у меня свое небольшое искусство. Вы бы только послушали некоторые номера, — улыбнулась Джилл. — Откровенно непристойные.

Дежерин хмыкнул и наклонился к ней. Она надеялась, что он не принял шутку за приглашение к действию. Чтобы сменить тему, она сказала:

— Кстати, об особенностях культуры. Что за выражение вы употребили? «Norn d'un nom» — не так ли? Прошу простить мое произношение. Я права, что это значит «имя имени»?

Он кивнул, расслабился, взял сигару из пепельницы на столе и затянулся.

«Он понял намек, — подумала Джилл. — Может быть, подсознательно. Он тонко чувствует».

— Французская фраза, — ответил он. — Никогда не понимал, какая в ней логика.

— А я понимаю. Что такое «имя имени»? Например, меня зовут Джилл. А мое имя зовут… — Она склонила голову набок и взялась пальцами за подбородок. — Я думаю, имя моего имени — Сьюзен. А вашего — м-м-м… Фред? Смотрите, мы открыли новую область науки!

Они вместе рассмеялись. Наступила пауза, и слышно было, как поет ночной перезвонщик.

— Какой приятный вечер, — наконец произнесла Джилл. — Мне он нравится. Вряд ли за всю жизнь случится много таких.

— Во всех смыслах приятный, — подтвердил он, — но в основном благодаря вам.

Она бросила на него быстрый взгляд, но он не двинулся с места, и тон его был скорее серьезным, чем легкомысленным. И она не отвела глаза.

— Я серьезно благодарен вам за приглашение, за вашу всеохватывающую доброту. Обосноваться здесь — тяжкая работа. И почти все здесь относятся к нам холодно, а некоторые — открыто враждебно.

— А мне это кажется неправильным. На вас та же форма, что надел мой брат. Война не вами начата, и вы выполняете свой долг с максимальной человечностью, которая при этом возможна.

— Вы знаете, что я сторонник войны. Не ради

завоеваний или славы chort poberi, нет! Просто я выбираю из двух зол меньшее. Если мы сохраним равновесие сил сегодня, нам не придется вести большую войну в ближайшие десять или двадцать лет.

— Вы мне это уже говорили. Я ведь… Юрий, вы сами мне очень нравитесь, но ведь вы наверняка сообразили, что я стараюсь на вас повлиять, чтобы вы помогли Иштар. Вы говорите о жертвах во имя большего добра. Так скажите, не большее ли добро сохранить миллионы разумных жизней? Конгломерат обществ, искусств, философий, которые мы могли бы перенять у расы, возможно, обогнавшей нас на лестнице эволюции?

Не занятая сигарой рука Юрия сжалась в кулак на подлокотнике кресла.

— Я лично хорошо понимаю, что у вас здесь есть друзья, которые сильно пострадают, если сократить ваши программы. Но если уж говорить об абстрактных вопросах — Джилл, простите меня, но спросите у себя самой: какого масштаба должен быть прогресс науки, чтобы заплатить за него жизнью вашего брата?

— Не в этом дело! — взорвалась Джилл. — Ваша сволочная база…

Она осеклась, и он воспользовался паузой:

— Джилл, база — это деталь, важная, но все же деталь. Если строительство базы отменят, вы сможете кое-что сделать. И тем не менее война отберет те ресурсы и поставки, в которых вы нуждаетесь. И направит их на нужды людей, которые, оказывается, могут страдать не меньше иштарийцев.

— Не знаю, не знаю. — Она смотрела мимо него во тьму. — Уж так ли мы должны выручать элефтерийцев? Понадобилось ли бы нам то «равновесие сил», о котором вы говорите, если бы мы не поощряли их на территориальный захват? Она покачала головой. — Я знаю только, что здесь мы упускаем шанс — чисто с эгоистической, практической точки зрения мы упускаем шанс получить знание, которое оказалось бы для нас не меньшим скачком вперед, чем молекулярная биология.

Боковым зрением она заметила, как он поморщился, но она понимала, что сейчас он так же, как и она, испытывает облегчение от того, что наконец эта партизанская война между ними пошла в открытую.

— Вы знаете, я сомневаюсь. Я верю вам на слово, что иштарийцы создали уникальные с точки зрения социологии институты. Но насколько их

опыт применим к нам?

— Пока не попробуем, не узнаем. Но я говорю о чистой биологии. Скажите, вы можете себе представить жизнь в таком мире, где люди болеют раком? Или любой из тех мерзостей, от которых мы избавились, когда поняли химию клетки? Нашу химию. А мы только начали изучать, только начали биологию внеземной жизни. Это должно произвести эйнштейновскую революцию и в земной биологии, причем самый интересный случай — как раз здесь на Иштар. Может быть, единственный во Вселенной.

— Джилл, но ведь ваши исследования не будут затронуты войной.

— Это если бы ограничиться естественной историей, да ещё на наиболее землеподобной части планеты. А я имею в виду Т-жизнь. Для того чтобы изучать Т-жизнь, нужен свободный, постоянный и безопасный доступ к любым районам Валеннена. Сейчас же Союз стоит перед угрозой его потери. Мой почтенный дядюшка Ларрека там командует, и сейчас он приходил просить помощи для удержания плацдарма. — Она посмотрела на него в упор. — И как вам это понравится, капитан Дежерин? Возможная перестройка всех наших понятий о том, как устроена жизнь, воз-

можное бессмертие человека — в руках старого мозолистоногого служаки-легионера!

— Я не совсем понял, — мягко сказал он. — Я просил бы вас мне объяснить.

Она удивилась. До сих пор у неё было впечатление, что он основательно подготовился. По его вопросам можно было заключить, что он хорошо информирован и что ему не нужны слишком подробные ответы, которые она первое время старалась давать. Откуда такое внезапное невежество?

«Уловка, чтобы снова пробудить во мне энтузиазм и хорошее настроение? А если так, то зачем: просто из добросердечия или?.. Он знает женщин не хуже, чем орбиты. Или во всяком случае не хуже, чем все, кого я до сих пор встречала. И уж точно лучше, чем я знаю мужчин. Хотя это и не так уж много».

Он сидел в свободной позе в звездных сумерках, держа в правой руке бокал, а в левой сигару, сердечный, но немножко таинственный, и какой же он был красавец, Дарвин его побери!

Ее сердце забилось чаще.

«Нет, я не влюбляюсь, нет, ни в коем случае. Хотя из чисто научной объективности я должна заметить, что это нетрудно сделать. По крайней

мере завести с ним роман. Который может стать или не стать постоянным. Да нет, что за глупости. Какая из меня жена космолетчика? Или из него поселенец Примаверы? Короткий роман…»

У неё перед глазами пролетела короткая вереница её любовных историй. Нет, не друзья молодости — мальчишки; и они, и она были только частью группы, что называла себя «Декартовы ныряльщики» и в их солидной общине считалась дикарской. На самом-то деле они просто носились вокруг на бешеной скорости, откалывали головоломные трюки, пили и курили меньше, чем орали грубые песни, а грубые песни орали меньше, чем баллады, наполнявшие их грустью, которую она теперь называла немецким словом Weltschmaltz;[2] и оглядываясь назад, она видела, что ребята-«ныряльщики» немножко перед ней робели, как и она перед ними…

Наверно, они её и подготовили к тому, чтобы швырнуть себя, как пушечное ядро, в Кимура Сенцо, когда ей было семнадцать-восемнадцать по земному счету. Он здесь был на два года в научной командировке, и это было потрясающее, захватывающее, страшное, райское, чертовское,

---

[2] Примечания: 2
Вселенская грусть. — *(нем.)*

бесстыдное, веселое, грустное, нежное-, отчаянное время, которое они украли у богов, и оно бы не было таким, если бы он не был таким, что предупредил её, перед тем как сдаться её штурму, что потом вернется к своей жене на Землю, потому что их маленькая дочка и так уже очень долго оставалась без папы, — а потом как предупреждал, так и сделал. Она ещё пару лет приходила в себя.

Трое после этого были просто так, для забавы, просто хорошие друзья, удовольствие для тела, хотя и не очень надолго — потому что Примавера и в самом деле была старомодным местом, и она не хотела настраивать против себя тех, кто ей нравился.

«Иен — ну, тут я не уверена, и к тому же бедняжка Рода… Джиллиан Ева Конуэн, — сказала она себе голосом Ларреки, — не поднимай хвост! Этот человек — враг, запомни! Может быть, хороший парень, но цель твоей игры совратить его разум».

Против её воли возник образ: мозг, страстно трущийся корой о другой мозг. Она прыснула.

— Простите? — спросил Дежерин.

— Да ничего, — отмахнулась она. — Это я своим мыслям. Шальная промелькнула.

Он испытующе на неё посмотрел.

— Если вы не хотите говорить о науке, я не против того, чтобы поговорить обо мне. Однако мне действительно интересно, что вы имели в виду, когда сказали «Т-жизнь».

— Ах да. Простите. — Она расслабилась (несколько) и отпила коньяка. Он приятно растекся по языку и нёбу. — Это сокращение от «Таммуз-индуцированная жизнь». В отличие от того, что мы называем «орто-иштарийской жизнью», которая зародилась здесь. Вы должны знать — и я уверена, что знаете, но все же повторю, чтобы мы пользовались одной и той же терминологией, — что у Ану есть планета, имеющая или имевшая земной тип, и на ней порядка миллиарда лет назад развилась разумная жизнь. Когда их солнце начало расти, они, очевидно, попытались основать колонию на Иштар.

Дежерин поднял бровь:

— Вы говорите «очевидно»? В моих источниках это считается фактом.

— Это всего лишь теория, — пожала плечами Джилл. — После миллиарда лет что за следы могли остаться? Я вам могу дать что-нибудь почитать о том, что нашли археологи на Таммузе. Увлекательное чтение, хотя и серьезное. — Она

снова увлеклась. — Мысля нашими категориями, естественно предположить, что таммузианцы создали межпланетный транспорт и попытались колонизировать Иштар. Не все перебрались, конечно, это было бы невозможно, и кто может знать, какие эпопеи разыгрывались на планете-матери, когда её солнце сжигало её дотла. Мы предполагаем, что они надеялись спасти немногих, которые могли бы возродить расу.

— Давайте посмотрим, правильно ли я понимаю, — вставил Дежерин. Поскольку на Иштар уже существовала жизнь с несовместимой биохимией, они стерилизовали целый район и заселили его жизнью своего типа. Это потребовало слишком больших усилий, либо же пространство выживания оказалось слишком узким. Как бы там ни было, а колонисты вымерли, как и привезенные ими растения и животные. Выжили только микроскопические формы, определившие новую экологию и развившиеся со временем в многоклеточные виды. Правильно?

— Это наиболее популярная теория, — ответила Джилл. — Она довольно сильно окрашена нашими местными понятиями. Бесчисленные плохие стихи, песни, фантастические пьесы в нашем любительском театре… Но все же это только

теория. Может быть, таммузианские споры были занесены метеоритом. Может быть, тамошние софонты по каким-то непонятным причинам послали эти споры ракетой. Может быть, их занесла какая-то экспедиция, и они прижились. В конце концов, таммузианская блоха несъедобна для местной микрофауны. Или софонты основали свою колонию, а потом поняли возможность использования принципа Маха, что нам стало ясно ещё задолго до того, как мы стали способны совершать межпланетные перелеты, и вся раса ушла куда-то в другое место Галактики. Может быть, они ещё где-то существуют, обогнавшие нас на миллиард лет. — Ее увлеченность угасла. Она подняла лицо к звездам, где в невообразимых далях могли — неведомые человечеству — существовать таммузианцы, и прошептала: — Теперь понимаете? Даже археологи не обязательно всегда копаются в старых костях.

По его голосу ей показалось, что космонавта тоже проняла дрожь при мысли о таммузианцах:

— Огромного масштаба идея. Ее трудно сразу воспринять. Она вернулась к обыденному тону:

— Да, теорий много. Данных, на которых их можно строить, меньше. Мало нам самой Иштар с её достаточно замечательной террестоидной

биохимией, так ещё здесь есть и Т-жизнь: тоже построенная на белке и воде, и так далее, но настолько чужеродная, что не могла здесь возникнуть. Во-первых, она использует правые аминокислоты и левые сахара, а вот орто-иштарийская жизнь, как и наша, — как раз наоборот. Я назвала только парочку различий, а сколько их еще! Во-вторых, планета Таммуз мертва, но по окаменелостям можно заключить, что на ней когда-то была Т-жизнь. В-третьих, на Иштар Т-жизнь строго ограничена Валенненом. Точнее, его северными тремя четвертями. Она проникает на остальную часть континента и на ближайшие острова, но там она сосуществует с орто-жизныо, которая доминирует. Это заставляет предположить, что Северный Валеннен, который когда-то был островом, а потом слился с другим и образовал материк, и есть её источник. Пока он был изолирован, на нем могла развиться Т-жизнь. Отсюда и наше суждение о том, что колонисты стерилизовали почву, а потом заселили своими видами. Однако нет никаких настоящих доказательств. Эта территория не исследована.

— Не исследована после ста лет пребывания человека на Иштар? - удивился он. Но раньше, чем она успела ответить, он сам сказал: — Понимаю.

Орбитальные наблюдения, разведывательные полеты, случайные посадки, образцы для коллекций. Но не более. У вас ещё много других дел.

Джилл кивнула:

— Верно. Всем хватает работы с орто-жизнью. Должны пройти ещё десятилетия. Но кое-что мы все-таки знаем по исследованиям промежуточной зоны в Южном Валеннене. Мы начинаем что-то узнавать о Т-жизни. И если удастся спасти Союз, у нас будет база для по-настоящему массированной атаки на загадки севера.

И с неожиданной для самой себя серьезностью она сказала:

— Видите теперь, как важна Иштар для Земли? Я, конечно, знаю о планетах, ещё есть аналогичная Т-жизнь. Но на них нет больше ничего! Ничего, чем мы могли бы прокормиться, никаких шансов на занятие земледелием в не слишком отличной от нашей экологической обстановке, ни достаточно цивилизованных высокоразумных существ, которые согласны помогать. В любом другом месте тот, кто захочет исследовать зеркальную биохимию, должен делать это на конце тонкой, непрочной и дорогой линии снабжения. Здесь же это вопрос одного воздушного перелета. И к тому же у нас есть промежуточная зона.

— Это вы имеете в виду местность, где перекрываются зоны распространения Т-жизни и обычной жизни?

— А что же еще? В некотором смысле она накрывает всю планету. Некоторые виды Т-микробов тероиды включают в свой симбиоз, и это само по себе стоит изучения. Но только в Южном Валеннене можно увидеть взаимодействие между высшими растениями, или даже такими созданиями, которые мы затрудняемся классифицировать.

Дежерин моргнул и рассмеялся:

— Сдаюсь.

Она улыбнулась в ответ:

— Две разные экологии, и ни одна из них не могла использовать другую. По крайней мере до тех пор, пока не появились орто-софонты. Дерево феникс ценится не только за твердую древесину. Стоит его вынести из промежуточной зоны, и оно уже не сгниет никогда. Были попытки выращивать его ближе к дому, но безуспешно. Так что несколько Т-видов и орто-видов, и к тому же наличие отдельных минералов — достаточно сильный резон для Союза утвердить свое присутствие в Валеннене. Но с другой стороны, это взаимодействие очень ограниченно. Растения

заслоняют своих конкурентов от солнца и вытесняют их с почвы, и тем ограничивают ареал распространения животных. Возможно, что лиа — основной барьер на пути распространения Т-жизни. Животные — они не могут питаться друг другом, так что, как правило, они просто друг друга не трогают.

Он озадачил её очевидной репликой:

— Как, никогда?

— Вряд ли когда-либо, — ответила она, озадачив его в свою очередь.

— На самом деле, — добавила она, — есть какое-то взаимодействие типа кооперации, насколько мы можем знать, хотя знаем мы ничтожно мало. — Она провела по пряди волос пальцами, как расческой. — Позвольте, я приведу пример. Я только заменю названия на их земные аналоги, чтобы было проще, и имейте в виду, что эти создания малы. — Вот, например, кровожадный тигр. А вот аппетитная, сочная антилопа. И что же, собирается ли тигр на неё напасть? Нет, не собирается. Он не считает, что она годится для еды. Но посмотрите на тигра — как он следит за антилопой. Следит, как она поднимает голову. Как нюхает воздух. А вот антилопа побежала. Смотрите, тигр бежит следом. Антилопа находит

стадо оленей. А тигр может съесть оленя. Тигр ест оленей. Антилопа — шпион. А вот леопард, которому нравится бифштекс из антилопы. Тигр прогоняет леопарда. Тигр — наемник. Это, деточки, и называется кооперацией.

Джилл выпила остаток бренди из своего бокала. Дежерин пошевелился, чтобы налить ей еще.

— После всего этого курса лекций, — сказала она, — мне бы, я думаю, стоило пива себе принести. Но пить пиво после такой благородной жидкости позор. Наливайте.

— Вы действительно оживляете то, о чем говорите, — он сделал едва заметный акцент на первом слове.

— Ладно, ваша очередь. Расскажите о местах, где вы бывали.

— Только если вы потом ещё споете.

— Тогда найдем такие песни, чтобы мы оба их знали. А пока, пожалуйста, ваши воспоминания. — Джилл снова поглядела в небо. Целестия ушла из виду, и звезды замерцали ещё ярче. Ею вдруг овладела грустная задумчивость. — Такое удивительное зрелище — эти звезды. А я там ни разу не была.

— А почему вы ни разу не слетали на Землю?

— Ну-у… я не знаю. Похоже, что все самое ин-

тересное на свете здесь. Да, я знаю, что на Земле есть и Большой Каньон, и другие чудеса природы, но на Иштар их тоже много — и главным образом сделанных руками разумных существ. А в наших банках данных хранятся миллионы картин, записей, и чего только нет.

— Самая лучшая голограмма не заменит реальной вещи, Джилл. В ней нет той цельности, какая, например, есть у Шартрского Собора — не только красота, но и подлинность тех камней, к которым приходили несметные толпы пилигримов. И они молились, и становились на колени, и касались тех же камней, что сейчас перед вами. А кроме того, на Земле можно и развлечься. Такая живая девушка, как вы…

Раздалась трель из открытой двери.

— Телефон. — Джилл поднялась. — Простите. — Кто бы это мог быть в такой час? Может быть, кто-то из офицеров Юрия, который его ищет?

Она включила флюоресцентную панель, и её свет показался очень резким после загадочного мерцания звезд. Комната охватила её, уютно-старомодная, слегка неряшливая. Ее однотонность нарушалась только алой драпировкой, на которой самой Джилл были нарисованы золотые завитки, и огненным языком плаща из перьев с

острова Большой Ирен. Среди прочих сувениров на стенах висели инструменты и оружие местного производства, они перемежались картинами, портретами, ландшафтами, которые она сама снимала или рисовала. На полках были сложены в пачки распечатки, с которыми она работала.

Телефон снова зажурчал.

— А, чтоб тебя, — буркнула Джилл и нажала клавишу «Прием».

На экране появился Иен Спарлинг. Он осунулся, на лице пролегли морщины, глаза в глубоких впадинах горели голубым огнем. Тронутые сединой черные волосы были в беспорядке, и явно уже два или три дня его лицо не знало прикосновения бритвы.

Пульс у Джилл забился чаще.

— Привет, — поздоровалась она машинально. — Ты что-то устало выглядишь. Дела идут плохо?

— Я думаю, тебе надо сказать. — Он слегка хрипел. — Ты ведь так близка с Ларрекой…

Она вцепилась в угол стола и покачнулась.

— Нет, с ним все в порядке, — сказал ей Спарлинг. — Только… Понимаешь, я говорю из Сехалы. Мы здесь спорили, умоляли, пытались торговаться, вот почти уже восемь дней. Без толку.

Ассамблея проголосовала за сдачу Валеннена. Мы не смогли убедить их в том, что опасность так велика, как считает Ларрека. — Он заколебался. — Я и сам должен верить ему на слово, у меня нет опыта в таких делах. И не только командир Тамбуру решил, что мы — то есть Союз — можем пережить потерю и выжить. И командир Калайна — тоже. Послал курьера из Далага с сообщением, что его сухопутные и морские силы контролируют положение, но могут принять любое подкрепление от тех сил, что заняты сейчас в менее жизненно важных регионах. Ларрека не верит, что хоть один легион согласится присоединиться к Зере. Дело уж очень похоже на проигранное.

Джилл охватила ярость.

— Идиоты! Они что, сами не могли проверить?

— Это нелегко сделать, особенно когда им так много нужно сделать дома. Я думаю, мне стоит попытаться побеседовать с ключевыми фигурами насчет того, чтобы свозить туда и осмотреться на месте. Если нам удастся получить самолет. — В голосе Спарлинга прозвучало сомнение. — Понимаешь, я тебе звоню из-за Ларреки. Ему круто придется. Ты могла бы его… ну, ободрить, что ли, как-то отвлечь, в общем, поступить так, как, по-твоему, лучше.

Его усталые глаза смотрели на нее, как бы добавляя, что не один Ларрека в ней нуждается.

Подступили слезы, и Джилл пришлось сглотнуть, чтобы спросить:

— Что он собирается делать?

— Сразу вернуться к своему легиону. Он уже отправился. Ты его можешь перехватить на ранчо Якулен. Он там остановится, чтобы собраться в дорогу и попрощаться.

— Я могу его подвезти на самолете.

— Если наш дорогой космофлотовский правитель даст тебе корабль нужной величины. Спроси его, это было бы полезно. Ларрека не просто хочет принять командование — он говорит, что новый заместитель командира слишком осторожничает, — он должен убедить свои войска стоять насмерть.

Джилл кивнула Легион выбирал командира тремя четвертями голосов старших офицеров и снимал его точно так же.

— Иен, — сказала она умоляющим голосом. — Это необходимо? Не может так случиться, что он положит себя и своих солдат ни за что?

— Он говорит, что должен не упустить шанс. Он сможет хотя бы эвакуировать выживших, если дойдет до худшего. Но он надеется на большее,

чем просто связать варваров в битве. Он надеется, что втянет их в такую битву, что станут ясны их истинные силы и намерения, а тогда он сможет получить подкрепления. По-моему, это отчаяние, а не надежда, но… Спарлинг вздохнул. — Ладно, теперь ты знаешь, так что доложу-ка я Богу.

— Ты сначала позвонил мне? — не смогла она сдержаться. — Спасибо тебе, спасибо.

Он улыбнулся той кривой улыбкой, что всегда ей нравилась.

— Ты того стоишь, — сказал он. — Я буду дома через три дня — доделаю кое-какую работу. Приходи к нам. А пока — дарейиш таули, Джилл. — Это означало и «иди с миром», и «иди с любовью». Он секунду помолчал и добавил: — Спокойной ночи.

Экран погас.

Секунду она была так же слепа, как погасший экран. Дорогой мой, нескладный Иен. Догадывался ли он, как она любовалась им, когда он колесил по всей планете, готовясь к битве с красным гигантом? И знал ли он о её детском обожании за терпение и достоинство, за то, каким он был приятным собеседником, когда его не охватывала мрачность? Иногда она думала, как бы все могло повернуться, родись она на Земле и на двадцать

лет раньше.

Она сморгнула, протерла глаза тыльной стороной ладони, снова проморгалась. Черт побери! Чего это я занялась сбором шерсти на планете без овец? У меня ведь есть работа. Только я не знаю, как её сделать.

Она стремительно вышла из комнаты. Свет из распахнутой двери выхватил профиль Дежерина на фоне ночи, в которой она не сразу смогла увидеть звезды. Он поднялся, и лицо его выразило сочувствие:

— Плохие новости, Джилл?

Она кивнула. Ее опущенные руки были сжаты в кулаки. Он подошел и взял её руки в свои. Их взгляды встретились.

— Могу я чем-нибудь помочь? — спросил он. Надежда вспыхнула в ней с новой силой.

— Уж вы-то можете!

Решительно взяв себя в руки, Джилл в нескольких деловых и спокойных словах описала ситуацию.

Его подвижное лицо вдруг застыло. Он выпустил её руки и отвел глаза.

— Боюсь, — сказал он без всякой интонации, — что это не в моих силах. Я сочувствую вашему горю. Что до правильности военного решения, я

не считаю себя компетентным судить.

А мои приказы вы знаете, и они ясны. Моим людям запрещено вмешиваться в местные дела иначе как при вынужденной самозащите.

— Но вы же можете доложить. Объясните… До этого он её не перебивал.

— Это будет бессмысленно. В силу этого — противоречит служебному долгу, отнимает время у моего начальства.

— Ладно, поговорим об этом позже. Но в данный момент Ларреке нужен быстрый транспорт. Я слышала, что вы располагаете флаерами достаточного для перевозки иштарийца класса как ресурсами Федерации.

— Да, — подтвердил он почти вызывающим тоном. — У вас есть несколько таких, и мы могли привезти немногим больше. Для строительства наземных сооружений в короткий срок потребуются все грузовые самолеты.

— И вы не можете мне позволить одолжить один из них на пару дней? Она чувствовала, как в горле застрял комок. — Ведь полномасштабное строительство ещё не началось.

— Я боялся, что вы этого попросите. — Он покачал головой. — Нет. Поверьте мне, я хотел бы, чтобы это было возможно. Но даже не говоря обо

всем прочем — каковы должны быть равноденственные бури во время периастрия? Здесь же последнее время никто не занимался метеорологией. Они должны быть непредсказуемой силы.

Джилл топнула ногой:

— Черт вас побери, меня не надо защищать от меня самой! — Она проглотила слезы и добавила: — Простите. Моя очередь просить извинения. Пусть самолет поведет кто-нибудь другой, если вы настаиваете.

Они снова встретились глазами, и на его лице мелькнула легкая сардоническая улыбка. «Он что, думает, что я думаю, что он волнуется, как бы не погубить меня, лапушку?»

Он стал серьезным, даже чуть грустным., - Я не мог бы разрешить этого никому, — сказал он. — Это означало бы рискнуть самолетом для целей, не связанных с моей задачей. И хуже того, это вмешательство, хотя и микроскопическое. После такого прецедента где провести грань для последующих просьб? Нет, мне никогда бы не оправдаться перед моим командованием.

Горе и гнев вырвались наружу:

— Так ты выговора боишься! Записи в личном деле! — зашлась Джилл. Задержки в присвоении звания! Убирайся!

Пораженный, он пролепетал:

— Mais[3]… Простите… Я не имел в виду…

— Пошел вон, ты, гонококк! Или мне тебя выбросить отсюда — вот так?

Она схватила бутылку и швырнула её на пол. Бутылка не разбилась, но содержимое плеснуло из нее, как кровь из раны. Его губы сжались, ноздри дрогнули.

Он поклонился:

— Примите мои извинения, мисс Конуэй. Спасибо за гостеприимство. Доброй ночи.

Широкими и ровными шагами он вышел и исчез в темноте.

«Глупо, да? Не лучше ли было бы… Но я не могла! Не могла!»

Она упала рядом с пролитым коньяком и зарыдала.

---

[3] Примечания: 3
Но. — *(фр.)*

Глава 11

Когда Ларрека и его эскорт подходили к ранчо Якулен, с запада принесло сильную бурю. Сквозь донимавшую их жару прорезался лезвием холод, как меч сквозь плоть, и сожженная солнцем лиа заговорила и зашелестела на много километров вокруг. Где-то вдалеке пастух дал своим во команду согнать в кучу овасов, они терялись на фоне необозримой степи. От отдельно стоящих деревьев летели навстречу низким облакам клочья красно-охряной листвы. Между землей и нависшим небом понеслись сотни стручков, они лопались, и треск вылетающих семян терялся в стонах и завываниях бури. Когда ударяли молнии цвета бронзы, облик мира менялся. На западе стоял черно-пурпурный утес, и молнии, казалось, скатывались водопадом по его груди. Шум этого потока медленно нарастал.

— Если бы я у себя дома увидел, что идет такая погода, — сказал солдат с острова Фосс, — я бы вытащил свою лодку как можно выше и привязал покрепче.

Ларрека едва его расслышал.

— Ладно, это, конечно, не смерч, но лучше бы оказаться сейчас под крышей, — согласился командир. — Рысью — марш!

Он заставил свое усталое тело удвоить скорость.

На севере уже темнели знакомые строения. Он увидел, что у ветряной мельницы убраны крылья, а флаг на согнувшемся шесте, украшенном бронзовым навершием, скользит вниз. По письмам отсюда к ним с Мероа в Валеннен он уже знал, как мало здесь надеются на то, что бури не перейдут в ураганы.

Первые капли дождя уже упали, когда Ларрека вошел в крытый двор. Тот был длинен и низок, наполовину выложен бревнами, с острой черепичной крышей, и в его замощенном прямоугольнике размещались другие строения ранчо — амбары, сараи, хлева, загоны, конуры, склады, мастерские, пекарня, пивоварня, кухня, прачечная, операционная, школа, ателье, обсерватория, библиотека — не только то, что необходимо цивилизованной общине, но и то, благодаря чему можно поддерживать обмен с соседними фермами и городами. Издательство в Якулене торговало с канатным двором в Нелеке и с металлургическим заводом в Сорку, и так по

всему Южному Бероннену и Союзу.

Туда и сюда сновали работники, закрепляя предметы от приближающейся бури. Когда один из них закрывал дверь, Ларрека увидел припаркованный под навесом небольшой флаер. «Нг-нг, у нас в гостях человек. Интересно кто».

Побелевший от града ветер танцевал по флагштокам, заставлял дрожать стены, бил по спине. Защищая глаза согнутой рукой, Ларрека вошел в холл.

Огромный холл возвышался посреди двора. Камень, кирпич, дерево феникс, много балконов, фигурные водостоки уже несколько поизносились, но мозаика ещё была яркой после десяти шестидесятичетырехлетий. Это в старейшем, восточном крыле. А за то время, что семья Якулен вырастала в богатстве, в числе, в ней прибавлялось пленников и гостей, добавлялись новые строения, каждое со своим патио. Стили менялись (последней модой был гераклит и армированное стекло из Примаверы) и сливались воедино, как утес, долина и каньон.

Кто-то видел их в окно, потому что перед Ларрекой и его солдатами, едва они вошли на террасу, сразу распахнулась дверь. За её массивной медной створкой уже был полон коридор

слуг, которые взяли у них багаж и помогли им вытереться. Ларрека не отдал своего хаэленского клинка — это была традиция. Солдаты говорили, что Одноухий даже спит с ним. Другое оружие здесь, среди своего народа, ему не было нужно. Что до героического умения пить — сегодня он выпьет столько, сколько захочет, и ни каплей больше. В конце концов, он их всех перепивал уже годами.

Во главе шести легионеров он вошел по коридору в главный зал. Он был сложен из кирпича и застелен неолоном из Примаверы, а по стенам выложен деревянными панелями разных оттенков и структур. В светильниках билось и пело пламя. Между ними висели картины, охотничьи трофеи, щиты предков. Еще выше висели знамена, побывавшие в битвах и походах. В дальнем конце комнаты, наполовину скрытом беспокойными тенями, был маленький алтарь Ее и Его. Ему служили немногие — большинство членов семьи были триадистами, но среди прислуги практиковались самые разнообразные культы. Но хотя бы только ради традиции следовало содержать алтарь. Комната была почти без мебели длинный стол, матрасы, несколько кресел для гостей из Примаверы. В воздухе витал запах тел

и дыма очага. Закрытые по случаю бури окна смягчали её шум.

В зале было примерно шестнадцать мужчин и женщин. Они разговаривали, читали, просто бездельничали, иногда некоторые пели хором. В комнате они казались карликами. Большинство обитателей холла были на работе или в своих квартирах. Жена вышла навстречу Ларреке.

Мероа была крупной женщиной — примерно одного роста со своим коренастым мужем. У неё были фамильные черты Якуленов, большие серые глаза, изящный нос, заостренный подбородок. Ее сухощавое телосложение выдавало возраст, и округлости горба и ляжек, за которые когда-то любой парень был готов луну с неба достать, опали. Но её объятие не было формальным приветствием родственников — так молодая девка обнимает солдата.

За два с половиной столетия он все ещё не привык к тому чуду, что она согласилась за него выйти. Его к ней тянуло, и им было приятно друг с другом. Однако она отвергла два его более ранних предложения (последовавших за совсем иным предложением, на которое у неё хватило ума не обидеться считалось, что легионер должен пытаться соблазнить любую привлекательную

женщину). Он никогда не осмеливался вообразить, что она найдет в нем больше, чем просто умение рассказывать истории о его пятидесятилетних приключениях до вступления в легион.

Ее «да» он считал своим единственным богатством. Он поклялся:

— Я не охотник за приданым. Поверь мне. Я почти хотел бы, чтобы ты была бедна.

Она широко раскрыла свои бесподобные глаза и придвинулась к нему так близко, что листья их грив зашелестели.

— О чем ты говоришь? Я не богата.

— Но твой род — Якулены — у них же самое большое ранчо в здешних краях…

— Чиу-чью! Понятно. — Она засмеялась. — Глупый, ты забыл, что ты не у себя в Хаэлене. Ранчо — это не тот обрубок, которым владеет одно хозяйство. Оно принадлежит семье — земля и воды. Но члены семьи работают для себя.

— Иэй, я и забыл. Я обо всем забыл, кроме тебя. — Он взял себя в руки и продолжал: — Мой срок в легионе продлится ещё три года, а на следующий год мы должны принять пост далеко за морем. Но я вернусь — и клянусь Громоносцем, — он ещё не принял религию Триады и более по привычке, нежели из-за веры, клялся богами

своей родины, — я составлю для нас состояние!

Она оторвалась от него:

— Что за глупости? Ты что, думаешь оставить меня здесь? Нет, ты запишешься ещё на один срок, а я поеду с тобой проследить за этим.

Вот тогда и вышло солнце из-за края мира.

Сейчас она прошептала ему в ухо приглашение, продиктованное страстным желанием, и добавила:

— Только нам придется немного подождать. И все равно тебе здесь придется пробыть на несколько дней дольше, чем ты рассчитывал.

— Почему?

Он решил, что она объяснит, когда захочет. Они разомкнули объятия, и он должным образом обменялся приветствиями с остальными. Потом он опустился на матрас рядом с Мероа с зажженной трубкой и кружкой горячего сидра со специями в руках. Рядом лежали несколько старейших членов семьи. Остальной народ собрался вокруг воинов в центре комнаты, потому что у них были свежие новости из Сехалы — и не такие горькие, как услышанные от Ларреки. Он по своей рации рассказал все, конечно, Мероа, а от неё узнали остальные.

(Между собой они уже все решили: когда он

вернется в Валеннен, она останется здесь. Такое случалось и раньше: они и прежде подчинялись разумным соображениям, например, когда риск был слишком велик или были трудности с транспортом, или из-за маленького ребенка. В этот раз она протестовала:

«Дети уже выросли. И если варвары тебя победят, я хочу, чтобы они знали, что им придется иметь дело со мной». Он ответил: «Я не могу быть в двух местах одновременно. Плохие годы надвигаются и на Южный Бероннен, и на ранчо нужен кто-то, хорошо знающий военное дело, которому ты научилась. Для блага семьи, во имя общего будущего, надо правильно распределить силы. Это приказ, солдат».)

— Что за человек у нас в гостях? — спросил он.

— Джилл Конуэй, — сказала Мероа. — Она очень взволнована, и они с Рафиком ушли. Их наверняка скоро пригонит домой бурей.

— Гр-м. — Ларрека приказал себе не волноваться. Его младший сын может справиться ещё и не с такой бурей, что бушует вокруг. Но вот Джилл…

Но они умирали, умирали, эти бедные звездные странники. Если уж ты привыкал к кому-нибудь из них, то следовало привыкать к целым поколениям и родам, а не к отдельным представителям.

Вот как у него с Конуэями. Однако в Джилл есть что-то такое особенное, может быть, потому что он помнил, как она топала по двору, ещё не научившись ходить, и смеялась от радости, стоило ему её позвать. Великий Хаос! Почему бы ей не размножиться и не подарить ему ещё одну девочку, которой он был бы дядюшкой?

Мероа хмыкнула и потрепала его по руке:

— Брось переживать. Твой щенок уже взрослый. Она и в худшую погоду не пропадет. — И деловым тоном добавила: — Это из-за неё ты здесь не только переночуешь, но и на несколько дней задержишься.

Ларрека затянулся дымом трубки и ждал продолжения.

— Она узнала о голосовании против тебя и позвонила мне, когда ты вышел из Сехалы. Она просто кровью обливается или дух жизни выпускает из-за тебя — я не настолько хорошо знаю людей — и очень хотела бы тебе помочь. Похоже, что новый босс, или кто он там есть в Примавере, не позволил ей отвезти тебя на север. Когда-нибудь ты мне объяснишь, почему, во имя разрушения, они слушаются подобных созданий. Но так или иначе, у меня возникла идея. Ты знаешь эти сублимированные рационы, которые

люди берут с собой в поле — та еда, которая им нужна и которая не растет на естественной почве. Я спросила, может ли она сделать такую вещь для тебя. То есть мясо. Ты сможешь запастись фуражом на весь путь, но для того, чтобы быстро двигаться и иметь Силы, нужно мясо. Если вместо охоты можно будет просто распустить порошок в миске воды… Понимаешь?

— Еще как понимаю! — Ларрека хлопнул её по крупу так, что это было почти как гром. — Почему я сам об этом не подумал?

— Ты об этом думал когда-то раньше, но никогда не было необходимости, — сказал кто-то из его зятьев. — А последнее время у тебя было много другого, о чем думать.

Едва ли Ларрека слышал. Он думал о Мероа. «Клянусь Тремя, у меня настоящая жена солдата, если вообще такие бывают». Те шестьдесят четыре женщины, с которыми он иногда имел дело в её отсутствие, как бы и не существовали. (Это всегда было случайно, больше по привычке, чем по необходимости. Младшие офицеры легиона редко бывали женаты. Мероа только мурлыкала, когда он иногда рассказывал ей о таких случаях, прибавляя, насколько она лучше.) Слов он не нашел, но, взглянув ей в глаза, отсалютовал

хвостом.

— Джилл собрала аппарат — она его выпросила у кого-то из друзей и привезла сюда, — продолжала Мероа. — Сделать на нем достаточный запас провизии займет два или три дня — так она сказала. Тебе это сбережет больше времени, чем ты на это потратишь.

«А тем временем ты будешь со мной», — говорил её взгляд.

Это было то, что люди могли бы понять, но никогда до конца: что значит, когда уходит кто-то, бывший частью тебя самого две сотни лет. Ларрека и Мероа скажут друг другу «прощай», и, хотя благословенное радио сможет их связать, когда он придет в Порт-Руа, нет никакой уверенности, что им ещё придется друг друга коснуться.

Ну что ж. Она — жена солдата, а он — солдат.

(На самом деле все было не так просто. Легионы делали все что могли для облегчения скорби. Они не допускали вступления близких родственников в один и тот же легион, кроме того, они держали полки и роты как можно дальше друг от друга, что, как заметил Хэншоу, было бы невозможно для его расы. Они не поощряли браки и согласно древним стандартам мужественности поощряли промискуитет. Но даже обозные женщины время

от времени удалялись от легиона. Каждую октаду легион менял дислокацию, и две последовательные дислокации находились как можно дальше друг от друга. И даже при всем при этом у них были тщательно разработанные ритуалы, обычаи, амулеты и все, чтобы помочь воину прийти в себя после того, как погибал его многолетний брат по оружию… Ларрека отогнал ненужные мысли. У них с Мероа была Триада и их работа. Выжившие выживут. В последние годы ему казалось, что его работа полезнее ему, чем Триада.)

— Остальное пусть лучше расскажет тебе сама Джилл, — добавила Мероа. Ее взгляд скользнул по группе. — Не примите это за оскорбление. Вы не окажетесь виноваты перед новым хозяином Примаверы, если не сообщите ему о том, чего сами не Знали. А Якулену может здорово понадобиться его добрая воля.

Прочие выразили согласие.

— Что мы можем обсудить в открытую, — Мероа обращалась к Ларреке, это Рафик. Он хочет вступить в легион — в Иссек, потому что ты считаешь, что Огненное море скоро подвергнется нападению. — И сухо добавила: — А я думаю, что из-за слухов о тропическом рае и шелковистых сладострастных девушках.

— Нет, — сказал Ларрека. — Нет, если я сумею его отговорить. Неужели он не видит, что самая главная служба сейчас здесь? Если мы удержим Валеннен, то несколько набегов на Огненные острова роли не сыграют. Если не удержим, то острова также придется отдать, а следующей линией обороны будет Бероннен.

— Чиу, вот и поговори с ним. И имей в виду, что его, может быть, не привлекает идея быть под командой своей матери.

— Еще меньше ему дела до этих островов. И Бродяга уже превратил их в противоположность рая. Иссек сейчас бьется с наводнениями и смерчами или с голодом, а не с боевыми ордами варваров. И шелковистые девушки сейчас слишком заняты спасением собственных жизней, чтобы у них оставалось хоть что-то для сладострастия.

— Я пыталась это ему объяснить, но это лишь увеличило его идеализм. Служи там, где нужна служба, и забудь о риске!

— Я ему лучше скажу, что от солдата, сознательно идущего на ненужный риск, легиону лучше избавиться сразу. Вспомни раммера, и он тут же прыгнет тебе в лодку.

Из прихожей, к огромному облегчению Ларреки, послышался шум, забегали слуги, раздался

топот ног, молодой бас Рафика и грудной чистый голос Джилл. Девушка говорила: «… Мы думали найти укрытие, но из-за молний под деревьями было опасно, так что он подхватил меня на спину и пошел таким галопом…»

Его сын ввалился, мокрый, несмотря на обтирание, поприветствовал всех и свалился на матрас. Он выдержал поистине дьявольскую гонку. Мероа родила его когда-то на корабле, который трепало в Гиблом проливе восточным ветром, и дыхание того ветра в парне осталось. «Я тобой горжусь, тобой и всеми остальными. Я ведь Якулен только по свойству. И я не считаю своей семьей октады двоюродных братьев, делящих со мной землю. Я старый хаэленец, и моя семья — это моя жена и мои дети».

Следом вошла Джилл. Свои вещи она спрятала под навес. Кожа у неё горела от растирания, а волосы были мокры, как листва у Рафика, и — на каплях воды в прямых волосах играл отсвет пламени. Ее нес Рафик, поэтому она не устала и сразу бросилась к Ларреке:

— Привет, дядюшка Сахар!

Глядя на нее, Ларрека подумал, как она красива своей странной красотой. Однажды, когда она была подростком, они пошли поплавать, и она

его спросила:

— Скажи мне, только честно, как я выгляжу в твоих глазах? Ужасно, да? Я понимаю, что ты меня любишь, но ты мне скажи, как я выгляжу? Четыре конечности, длинное тело, без горба, без усов, без хвоста, без растений, лысая, если не считать этих смешных заплаток, грудь болтается наверху, и эти… гениталии спереди, напоказ всем и каждому?

— А как выгляжу я, по-твоему? — ответил он.

— Ты красивый. Вот как кот бывает красивый.

— Ладно, а ты мне напоминаешь сару в полете, или мечелиста в сильный ветер, или что угодно еще. А теперь заткнись и пойдем завтракать.

Прометавшись с темноты, она пошла через комнату, а он в это время думал, что хорошо бы с часок побыть человеком — её любовником. Заглянуть в эти забавные наполовину белые глаза, потереться клювом о клюв и почувствовать вкус толстых розовых губ, пустить пальцы вдоль горла с голубыми венами и через эту мякоть к верхушечкам цвета заката и по этой искривленной крутизне, пока они не окажутся меж её бедрами… Интересно, у людей есть такие мысли по поводу иштарийцев? Непохоже, люди слишком хрупки. Он ощутил мимолетное дуновение грусти от того,

что никогда не будет к ней ближе, чем сейчас. Черт её побери! Когда она наконец найдет себе партнера и займется размножением?

Она бросилась на подстилку рядом с ним и запустила пальцы в его гриву.

Ларрека потребовал ещё сидра. Джилл он тоже нравился.

— Я тебе привезла кило табака, — сообщила она.

— Ты привезла гораздо больше, я слыхал. Замороженные высушенные рационы — это здорово.

Она перешла на английский. Он видел и чувствовал охватившую её тревогу.

— Ты знаешь о нашем запрете на транспорт? Так я, чем биться головой в эту стенку, сидела тихо, а тем временем собрала кое-какое оружие и боеприпасы. В Валеннене у вас их мало. Я не могла действовать очень уж нагло, чтобы этот паразит Дежерин не пронюхал. Но я покупала, выпрашивала, одалживала, пару раз воровала — и теперь есть около двадцати винтовок и пистолетов и несколько тысяч обойм.

— Джилл, ты просто клад!

— Это самое меньшее, что я могла сделать. Однако вернемся к реальности. Прежде всего тебе надо организовать носильщиков для переправки

всего этого на побережье.

— А ты не сможешь закинуть все это в Порт-Руа прямо на маленькой машине?

— Хм. Слишком очевидно. Дежерин может поинтересоваться, зачем это мисс Конуэй взяла корзинку для пикника. Он проверит и конфискует все, что найдет. А если я выехала в поле, а оружия не хватятся ещё неделями понимаешь? И ещё одно. Несколько тысяч обойм — этого очень мало. Ты знаешь, что девяносто девять процентов их теряется впустую, каким бы искусным ни был снайпер, а ведь снайперов в Валеннене не так уж много, правда? Тебе понадобится инструктор, который при минимуме затраченных патронов даст максимальную тренировку. И это сработает, если в сражении инструктор будет стоять в строю и посылать пули точно в цель.

Он понял раньше, чем она договорила.

— Ты что, хочешь сказать, что собираешься уйти со мной?

Она кивнула. Подтянув к себе колени, она обхватила их руками, концы мокрых волос оставили сверкающий след на коже.

— Именно это, дядя, я и имела в виду.

Глава 12

Дежерин обнаружил, что приобрести место под наземные сооружения на удивление трудно. Ему нужен был участок не очень далеко от Примаверы, и он нашел один в двухстах километрах, о котором его планетологическая команда сообщила как о подходящем. Эта земля была ни на что другое не пригодна: каменистая, пыльная, если не было дождя, обращавшего ее в грязь, покрытая кожистыми кустами, покинутая туземцами. Это явно было следствием повторяющихся периастров, когда вслед за губящей все живое засухой налетала буря за бурей и смывала обнаженный верхний слой почвы. Таких регионов много было на планете. Но оставалось достаточно подпочвенной воды, в основании лежала твердая скала, а в окрестных холмах можно было добыть строительные материалы.

Он ожидал, что семья Таесса, владевшая этой пустыней, будет рада её продать. Конечно, они поднимут цену как только смогут высоко, но у него было достаточно золота и разрешение на печатание песо, если потребуется валюта Феде-

рации. Он был озадачен, когда после переговоров владельцы отказались.

Пользуясь своими ксенологическими познаниями, он ответил их представительнице:

— Я понимаю, что этой землей владеет не один индивидуум, а вся семья Таесса, и вам следует учесть права нерожденных поколений. Однако право собственности по тем или иным причинам переходит из рук в руки. Вправе ли вы отказать ещё не рожденным в том, что они могли бы купить на мое золото?

— А что оно может? — спросила она через переводчика, которого предоставил Хэншоу. — Красное солнце уже здесь. Кто может есть золото или скрыться в нем?

— Я могу уплатить деньгами своего народа.

— А как мы их потратим, если не будет, поставок с Земли?

В конце концов они сошлись на контракте, который обязывал Космофлот присылать определенные товары в течение указанного периода. Его командование должно было сделать ему за эго колоссальный втык, но на другие условия не пошел бы ни один иштариец. Альтернативой было либо строиться у антиподов, где жили только гоблины — а это была бы сложнейшая

работа, которой не видно конца, — либо плюнуть и захватить место силой (ай-я-яй! империализм!). При написании рапорта, отправляемого домой со следующим посыльным кораблем, он тактично, но без недомолвок дал понять, что, если Космофлот не будет выполнять договор, он подаст в отставку со своего поста; и стал думать о том, как бы довести это до сведения Джилл Конуэй.

Получив землю, он сразу же бросил туда своих людей и устроил лагерь. Потом он позвонил в Примаверу и попросил Иена Спарлинга прибыть с визитом. Инженер мог дать ему много полезных советов, если бы удалось его уговорить.

Флаер Спарлинга появился на следующий день. Оба солнца, ещё ближе друг к другу, высоко сияли в безоблачном небе.

Красная глина потрескалась и покоробилась от Солнца, холмы вокруг посерели и казались призрачными. На границе территории сгрудились уродливые разборные бараки в форме полуцилиндров, а на остальных пятидесяти квадратных километрах скрежетали машины, ползая, как динозавры, среди покрытых потом людей. Дежерин, который как раз производил осмотр стройки, провел его в офис, тесный и пустой, зато с кондиционером.

— Кофе или чай? — спросил он, когда они оба сели. — Сигару не хотите ли?

— Спасибо, нет. — В голосе Спарлинга было не меньше холода, чем на Южном полюсе. Он вытянулся в кресле во всю длину, достал трубку и табак и занялся делом.

— Я не рассчитываю задержаться здесь надолго.

— Я надеялся, что вы задержитесь.

— С какой стати?

— Я говорил о гонораре консультанта. Поскольку ваш проект приостановлен, у вас сейчас нет другой работы, верно? — Дежерин созерцал ястребиное лицо своего собеседника. — Я не буду сотрясать воздух насчет патриотизма. Будем откровенны: вы относитесь к моей задаче враждебно. Но чем быстрее я её, выполню, тем быстрее освободятся ресурсы для вас. Может быть, с этой точки зрения имеет смысл помочь? — Он остановился и продолжил: — Далее, я прошу вас понять: это не угроза и не подкуп — я хотел бы, чтобы снова начались регулярные поставки с Земли. Мои рекомендации будут иметь больший вес, если я сделаю свою работу быстро.

Спарлинг в свою очередь стал рассматривать своего собеседника. После долгой паузы он ска-

зал:

— Ладно. Похоже, что вы из правильной породы. Насколько она среди нас, скверных людишек, возможна.

Дежерин затянулся сигарой. Такое потепление, как бы ни было незначительно, обнадеживало. К тому же этот инженер был близким другом Джилл. Надо воспользоваться возможностью узнать побольше об этих людях.

— Можно вам задать личный вопрос? Спарлинг скупо улыбнулся:

— Попробуйте. Ответить не обещаю.

— Откуда у вас, постоянных жителей, такой комплекс неполноценности по отношению к иштарийцам? Спарлинг взглянул на него озадаченно:

— В самом деле? Кто вам такое сказал?

— Может быть, я плохо сформулировал. Но я много раз слышал, как мне объясняли, что иштарийцы превосходят нас и в том, и в этом, и ещё в чем-нибудь как физически, так и умственно. И все же — у них тоже есть войны, правда?

— Не каждая война так бессмысленна, как ваша, — отрезал Спарлинг. Несколько секунд он помолчал, потом добавил: — Нет. Простите меня. Я не должен был этого говорить, как бы это ни

соответствовало действительности. Но вот в том, каково поведение в бою, может быть, проявляется механизм выживания. Согласно имеющейся у меня информации, ни один иштариец не будет сражаться без сугубо практических причин. — И после ещё одной паузы: — Не совсем точно. Мотивом может быть гордость или месть, особенно у молодых. Но мотив всегда должен быть индивидуальным. Ни один иштариец не будет пытаться подчинить своей нации или идеологии кого-то другого. При всех обстоятельствах убийство выглядит как достойное сожаления следствие крайней необходимости.

— Но ведь у них есть идеологии? И разные религии — тоже?

— Есть, но нет фанатиков. — По мере развития разговора Спарлинг оживлялся. — Я не думаю, что иштариец может быть, как мы бы сказали, болезненно религиозным. И уж точно на этой планете никогда не было прозелитической религии.

— И даже эта — триадическая — как они её называют? — Дежерин улыбнулся. — Я ведь читал об этом, как видите. Как тогда приходят в церковь новообращенные?

— Когда находят в ней больше смысла, чем в

язычестве. И в неё нелегко вступить. Сначала надо пройти через годы трудного учения, через экзамены, а потом — через довольно-таки финансово ощутимые жертвы. Но знаете ли, если бы у меня был религиозный склад ума, я бы подумал о том, как бы в неё вступить.

— Ну, вы шутите. Обожествлять три солнца…

— Всего лишь символ. Вы можете, но не обязаны подразумевать под ним любых богов в прямом смысле слова. Вы можете считать его аллегорией, отражением реальности. — Спарлинг задумчиво смотрел, как вьется дым из его трубки. — И вся мифология содержит достаточно большую долю правды о жизни, и с помощью поэзии и обрядов вы просто это чувствуете. Бел — Истинное Солнце — даритель жизни, но он может быть и ужасным. Эа — Янтарная звезда диадема Тьмы, которая есть зима и смерть, но и та и другая в мире необходимы. Ану — Бродяга, приносит и Хаос, и шанс на обновление. Знаете, мне это кажется несколько разумнее, чем Бог христиан, который одновременно и одно лицо, и три, которого зовут милостивым и который благословил нас такими своими созданиями, как рак и инсульт.

Дежерин, считавший себя христианином, сдержался и спросил только:

— А есть обращенные среди людей?

— Нет, — ответил Спарлинг. — И не будет, как я думаю.

Кроме всего прочего, если мы не умеем видеть правильных снов, то мы половины не поймем. Мы будем вроде католика, который навек отлучен от мессы или от причастия. И даже хуже, потому что он может читать требник.

— Правильные сны? — поморщился Дежерин. — Вроде целительных снов примитивных гуманоидов?

— Ничего подобного. Вы не знаете? Ну, для нас эта идея настолько трудна и тонка, что, я подозреваю, о ней мало кому из нас на этой планете известно. Иштарийцы спят, как мы, и основная причина та же самая: мозгу надо отключиться от внешней информации и обработать накопившиеся данные. Но передний мозг иштарийца не отключается начисто, как у нас. Он до некоторой степени сохраняет сознание и даже может направлять сны.

— У меня бывало такое ощущение в полудреме.

— У всех у нас бывало. Но для нас это бесполезный рудимент. А для иштарийцев — норма. Он может выбирать тему для своего сна. Это

становится нормальной частью эмоциональной жизни — и может быть, поэтому иштарийцы, употребляя некоторые наркотики, никогда не становятся наркоманами. Конечно, одни более способны, другие менее. Есть фактически профессиональные сновидцы. Они используют эту смесь сна и бодрствования для созерцания прекраснейших видений и с помощью целого искусства разработанных способов общения передают их аудитории. Слова, интонация, жесты, музыка, танец, огромный свод древних условностей, — все участвует. — Спарлинг вздохнул. Мы никогда не сможем этого испытать, — я или вы. И поскольку я не могу видеть снов о Триаде, для меня она всегда останется только философским понятием.

Дежерин вдохнул дым.

— Да, — медленно произнес он, — я вижу, почему иштарийцы производят такое… такое ошеломляющее впечатление. Но я не испытываю по отношению к ним наследственного чувства неполноценности — разве что в нескольких областях.

— И я не испытываю, и ни один нормальный человек, — ответил Спарлинг. — Например, насколько мы можем разделить культуру и наследственность которые не очень далеко друг от

друга отстоят — похоже, что они хуже воспринимают трехмерную геометрию, чем мы. Может быть, из-за отсутствия древолазающих предков? Многие из них до ужаса боятся летать, хотя они знают, что наши машины безопасны. И так далее. Нет, насчет комплекса неполноценности вы не правы. Мы просто считаем их своими друзьями, от которых мы бы могли многому научиться, если бы стряхнуть с нашей шеи земных politicos.

— Вы мне поверите, что у меня были друзья из негуманоидов? — мягко спросил Дежерин.

Спарлинг кивнул.

У Дежерина мелькнула мысль: «Мне удалось его к себе расположить. Не отнесет ли он оливковую ветвь Джилл?»

Я что, влюблен в нее, что ли? Или это просто очарование, наложенное на долгое воздержание — как сталь с кремнем? Не знаю. Я только знаю, что хочу её видеть. И часто.

Он заговорил, тщательно подбирая слова:

— Вы не смогли бы сообщить об этом мисс Кону эй, если представится случай? Я боюсь, что она сердится на меня за то, что я не мог помочь её близкому другу. Она мне даже не дала шанса объяснить, как мне жаль.

Спарлинг вдруг снова стал ледяным:

— А как я это сделаю?

Как будто чья-то рука схватила сердце Дежерина и стиснула.

— С ней что-нибудь случилось?

— Не могу сказать, — отрезал Спарлинг. — Она ушла с Ларрекой на север. Они уже несколько дней в пути.

— Как? Это же сумасшествие!

— А как можно было бы её остановить? Если она решила провести исследование в Валеннене, пока он не стал нам недоступен, кто мог бы ей запретить? И она послала записку своим родителям и мне через посыльного, который должен был нам их передать после её ухода. Я пролетел над маршрутом, но ничего не увидел. Я и не надеялся обнаружить маленький отряд в таком огромном и пестром ландшафте. Я их вызывал, но они, конечно, отключили рации, когда отошли от релейных линий.

— Зачем, ради всего Космоса, она так по-сумасшедшему поступила?

— Потому что она — Джилл, и она хочет помочь. Да, это вмешательство. Но она называет это исследованием, и вы долго будете искать разницу, Дежерин. Она позвонит из Порт-Руа, и вполне вероятно, что я организую там себе проект для

исследования примерно в то же время. И хватит с вас. Мало вы ещё вреда принесли?

Глава 13

И вечно девы будут сидеть, Возлюбленных будут ждать, И волны морские будут им петь, А ветер — пряди трепать.

От Абердура за сорок миль Пятьдесят сажен в глубину Могилу нашел сэр Патрик Спенс И взятые им на войну.

Допев древние слова, переведенные ею на сеханланский — потому что иштарийцы, не знавшие английского, охотно слушали музыку Земли, Джилл, продолжая звенеть струнами, засвистела, подражая свисту ветра над холодной гладью моря. В её сознании промелькнуло, что она всегда считала такое исполнение правильным, но вот что сказал бы автор песни, встань он из могилы и перенесись сюда за тысячу световых лет?

В этот вечер отряд Ларреки стоял лагерем на северном склоне Красных холмов. Им предстояло ещё пройти Плохие земли — Далаг и потом выйти к берегу и сесть на корабль легиона. В этой открытой тропической стране, большую часть дня под двумя солнцами, они двигались после заката, стараясь пройти как можно больше. Но здесь был

лес, который давал тень, а когда с неба светили только луны и звезды, идти оказывалось просто темно. Поэтому они остановились на отдых.

Отблески пламени догорающего костра выхватывали из темноты лица, гривы, профили товарищей Джилл по походу. Они расположились вокруг неё на отдых. Неподалеку от лагеря время от времени сверкали копья часовых, и лишь самый отчаянный древесный лев осмелился бы напасть на легионеров. Рядом лежали вьюки с продовольствием, на случай внезапного шторма натянута палатка. Но похоже, он не ожидался. Лес огораживал поляну непроницаемой тьмой, мерцали звезды, дул теплый, напитанный запахами ветер. Джилл намеревалась сложить одежду под навесом и заночевать снаружи, подложив под голову мешок. Но никогда нельзя знать, какую погоду принесет Ану.

Ее голос затих. Какое-то время легионеры и носильщики лежали неподвижно и лишь шевелили хвостами — мужской жест, означающий «спасибо».

Наконец молодой солдат спросил:

— А что делали эти женщины?

— А? — переспросила Джилл. «Просто думая о том, что это все значит жизнь и смерть, звезды и

планеты, понимаешь, что такие вопросы будут задаваться снова и снова, но вряд ли на них найдутся ответы». Человеческие женщины, в песне? Они горевали.

— Понятно, но как?

— А, понимаю. Обычно, когда умирает любимый человек, любящие всхлипывают и — как бы это сказать — источают воду из глаз. Потом стараются жить, как могут.

— А кто им помогает через это пройти?

— У нас нет, как у вас, таких традиций помощи потерявшему. Есть только молитвы да некоторые церемонии, но их не все используют. Нужда в этом меньше. — И Джилл быстро добавила: — Не думаю, что мы дорожим друг другом меньше вас. Как такое измерить? — Она представила образ долориметра приборчик для измерения печали — в изящном корпусе для привлечения покупателей и со шкалой, откалиброванной по Международной Стандартной Змее, прикосновение чьего брюха люди ощущают как минимальную неприятность (таким образом, единица горя приобретала физический смысл). Но на самом деле она была серьезна. — И кроме того, во времена, когда была создана эта песня, люди верили во встречу в новой жизни после

смерти.

— Как варвары Валеннена, — заметил солдат. — Я думаю, что это и дает им возможность идти вперед. Похоже, что у них ничего другого нет, кроме обычая съедать своих мертвых, коль подворачивается возможность.

Ларрека сел на задние ноги и внезапно оказался выше Джилл, опиравшейся спиной о кожистый ствол дерева.

— Ты им это лыко в строку не ставь, сынок, — протянул он. В голосе иштарийца было столько оттенков, что можно было бы вместо этого просто высказать слова презрения в открытую. — Отдать свое тело — это последняя твоя служба в голодной стране. А другие считают, что оказывают услугу тебе, освобождая твою душу быстрее, чем разложится тело. — И задумчиво добавил: Я думаю, что это, как и многие другие религиозные концепции, возникло в Далаге. А их, религий, много — не забывай. Кто мы такие, чтобы утверждать, что какая-нибудь система, в том числе и созданная людьми, лучше остальных?

— Да, сэр, несколько я видел сам, а слышал о многих, — ответил солдат. — В большинстве есть смысл. Но разве можно принимать всерьез некоторые из них? Вроде той, на острове Малый

Ирен, где они сами себя мучают после чьей-то смерти? Я сам видел, как одна старуха совала руку в кипящую воду.

— У некоторых людей был обычай увечить себя в горе. Не так сильно, но ведь у нас тела не умеют восстанавливаться быстро и полностью, как у вас. Телесная боль, а в вашем случае — усилие для её контроля, заглушает боль души. Но я не это пробовала сама, поймите меня правильно.

Ларрека вытащил кисет и принялся набивать трубку.

— Правильно то, что тебе помогает, — произнес он, — и никогда одно и то же не действует одинаково на двоих. Что хорошо в Союзе и, быть может, лучше всего прочего — это то, что у тебя есть возможность осмотреться и выбрать тот образ жизни, который тебе больше всего подходит; или вообще установить новый — если наберешь несколько последователей.

Его тон, хотя и лишенный намека на проповедь, был очень серьезен. Джилл подумала: «Я тебя знаю, дядя. Ты хочешь поддержать веру в этих воинах. Они молоды, у них нет твоего видения цивилизации. Всю свою жизнь они знали, что когда-нибудь наступит время, которое пришло сейчас. В таком случае легионер первой или вто-

рой октады службы может задуматься, стоит ли стоять крепко и умирать за то, за что стоишь. Особенно если это „то“ оставило тебя без помощи в критическую минуту. И ты, дядя, хочешь использовать каждый случай, чтобы им объяснить».

Она уверилась в своих предположениях, когда он сказал:

— Вот возьмем меня. Если бы не Союз, я стал бы бандитом или просто влачил бы довольно жалкое существование. А вместо этого жизнь поставила меня на правильную дорогу, малость пообтесала там и тут, но не более, чем было необходимо. Зато что я от этого получил!

Солдаты насторожили уши. Джилл тоже так сделала бы, если бы могла. Ларрека рассказывал ей истории из своей карьеры, но никогда с самого начала.

— Хотите послушать? — спросил Ларрека. — Я что-то сегодня в настроении повспоминать…

«Милый ты мой старый обманщик, — подумала Джилл, — Даже если тебя и в самом деле потянуло на воспоминания, то их наверняка подпирает какой-то здоровенный практический мотив».

— …а все это было так давно и далеко, что никого мой рассказ не обидит. — Раздалось согласное бормотание. — О'кей, — сказал Ларрека. (Это

слово уже перешло в сехаланский диалект.) Он сделал паузу, раскуривая трубку.

Из костра посыпались искры. Один из носильщиков подбросил в него дров, и красные с желтым языки пламени заплясали веселей. Звезды озаряли пепельным светом поднимавшийся к ним дым. Где-то протрубил какой-то зверь, и лес затих.

— Вы знаете, что я — уроженец Хаэлена, — сказал Ларрека между двумя затяжками. — Я там провел первые пятьдесят с чем-то лет своей жизни. Песня Джилл разбудила воспоминания, потому что Хаэлен похож на то, что рассказывают о земной Шотландии, только там все ещё выраженной, потому что он на полюсе. Даже летом, когда солнце — настоящее солнце — никогда не заходит за горизонт, даже тогда там облака, туманы, дожди, бури, болота и голые горы, коварный прибой бьется о берег… да вы про это слыхали. И не удивительно, что хаэленцев называют «кремневыми шкурами», и многие из них становятся солдатами или моряками. В общем, выбирают любую дорогу, чтобы уйти оттуда.

Но я не был непоседой. Клан Кераззи, к которому я принадлежу, считается богатым. Вы знаете, что хаэленцы объединены в кланы. Моему клану

принадлежали первоклассные районы рыболовства и морской охоты, а на суше приличный кусок земли, где водилась дичь, хотя, по меркам Бероннена, это не так уж и много. Но моя семья отнюдь не бедствовала. У отца имелся шлюп, которым он командовал, и ещё пай в трех других судах. Мы жили в достатке в большом доме на побережье, куда течением выбрасывало плавник. Нам не нужно было покупать уголь, и мы меняли добычу на другие вещи. Иаи-аи, хорошая была жизнь.

Хаэленцы женятся рано, где-то около двадцати четырех, только-только из отрочества. — Там так надо, потому что в этом климате много детей умирает рано, и нужно использовать весь репродуктивный возраст целиком. Кроме того, жениться нужно за пределами своего клана, и каждый озабочен установлением связей. В этом, наверное, и кроется смысл того закона о моногамии и теоретического запрета на внебрачные связи. Браки устраивают родители, но сверяются с желаниями молодых — если от партнера может зависеть жизнь, то лучше выбирать того, кому ты нравишься.

Ларрека замолк и только затягивался трубкой. Когда он снова заговорил, его взгляд был устрем-

лен поверх голов в ночной лес.

— Мы с Арен были счастливы. Мы могли бы попросить наши семьи построить нам дом рядом с домом моих родителей, и я бы стал работать с отцом. Но мы желали независимости. Так что Кераззи выделили нам кусок Бухты Северного Ветра — скупой, словно ростовщик, и бесплодной, как его жена, но с нг-нг-нг — возможностями. Понимаете, рыбу ловить там было неплохо, а штормы часто загоняли в бухту и больших тварей, охота на которых стоила затраченного труда и риска. А на холмах за бухтой заложили оловянную шахту. Шахтеры переправляли добычу по берегу, но я сообразил, что, когда они станут добывать больше, морской транспорт окажется лучше, а любой входящий в бухту корабль станет нуждаться в лоцмане. В конце концов так оной вышло, и мы ещё открыли маленькую таверну. Арен умела готовить, моряки после долгих рейсов бывали очень довольны, а из меня вышел отличный бармен, не боюсь похвастать. И у нас было четверо выживших детей, три мальчика и девочка, отличные детки.

Так что у меня имелся повод приносить жертвы богам. Я уже видел много чужестранцев и знал, что наши боги не правят Вселенной. Я, честно

говоря, сомневался, есть ли они на самом деле. Однако мы страдали меньше других, и я играл честно. Кроме того, полезно иметь респектабельность. Отчего же не чтить ритуалы?

Так все и шло, пока после двадцати девяти лет такой жизни мы не поехали на Дэйстед…

Ларрека прервал свой рассказ. Джилл потрепала его по гриве, и он улыбнулся ей… с благодарностью?

— Дэйстед, сэр? — переспросил солдат с Огненного моря.

— Место сбора, — пояснил Ларрека. — Вы про это не знаете? Дело в том, что большая часть Хаэлена зимой солнца не видит, а растения на шкуре вымрут, если надолго останутся в темноте. Солнце бывает на нескольких полуостровах, выходящих к северу за Полярный круг, там зимой все и собираются. Этими собраниями правит закон и обычай. Кланы строят и содержат дома, запасы еды и организуют все необходимое, в том числе стараются, чтобы никто не затенял другого и каждый получил свою порцию солнца.

Моя семья имела свое место в Дэйстеде. Мы всегда приезжали и возвращались на лодке, потому что по суше приходилось переходить горную гряду, где зимой обычно держалась удивительно

подлая погода. А на этот раз непогода застала нас на море. Мы потеряли мачту, нахлебались воды и попали в водок ворот. До берега добрался я один. Я схватил дочку за гриву, но лианы оборвались… ладно. Я влез на льдину, дрейфовавшую к берегу, и прихромал в Дэйстед — в основном чтобы дать знать нашему народу.

Он снова затянулся и помолчал, глядя на угасающее пламя в трубке. Темнота сгустилась, и очень медленно, почти незаметно над деревьями поднялся, посеребрив верхушки деревьев, серп Урании — единственное, что оказалось холодным этой ночью, кроме воспоминаний о зиме в Хаэлене.

— Я это вам рассказал не для того, чтобы вы меня пожалели, а чтобы описать ситуацию. Вам следует знать ещё кое-что. Помните, у разных народов разные способы поминания усопших.

Что делают кланы? Они дают ему или ей компаньона, который не отходит ни днем ни ночью, пока страдающий не исцелится. Рядом с горюющим всегда кто-то есть, готовый протянуть руку, поговорить или сделать что-нибудь еще, что понадобится. Обычно таких компаньонов несколько. Для многих это хорошо. По крайней мере, так лучше, чем бродить одному по стране,

где часто бывает до ужаса пусто. Кроме того, в обычаях Хаэлена помогать соседу без ограничения, а жадность и скупость оставлять для чужаков, потому что никогда не знаешь, что и когда понадобится тебе самому от соседа. Так что родичи хотели мне добра. Но на протяжении трех октад моя семья жила более или менее сама по себе. В доме все время были гости, но то были охотники, шахтеры, моряки, рыбаки, торговцы — друзья, но не близкие, если вы меня понимаете. Я привык находиться в основном с женой и детьми. Мы страшно не любили толпы в Дэйстеде и держались отдельно — насколько это никого не обижало. А тут я внезапно оказался лишен частной жизни. И… ну ладно, Джилл поймет. Мне было чертовски больно, но не следовало обращаться со мной как с тем, кто потерял семью после двух или трех гипероктад совместной жизни. А они именно так и поступали. Таков обычай. И кроме того, нужно было что-то делать, чем-то заняться в эти долгие черные полосы между появлениями солнца. И от меня ждали почитания богов! «После того, что они со мной сделали?» — отвечал я сородичам. Это шокировало мой клан сильнее, чем что-либо другое: середина зимы — такое время, когда у всех жизнь висит на волоске.

А я вызвал богов спуститься вниз и сразиться, как подобает мужчинам. Много тут рассказывать нечего. Вы понимаете, как надо мной сгущались тучи, и в основном по моей вине.

«Но никто не предположил, что у него временное помешательство, и не стал ждать выздоровления, — подумала Джилл, — потому что иштарийцы не знают, что такое сумасшествие».

— В конце концов я ушел, — продолжал Ларрека. — К тому времени солнце поднялось уже достаточно высоко, чтобы прожить вне дома, хотя то была бы достаточно жалкая жизнь — собирать ракушки и морскую траву на берегу и есть тех мелких зверюшек, которых можно подшибить камнем. Однако мои плохой характер меня же и выручил. Вскоре Дэйстед посетил поздний буран, по-настоящему злой. Нескольким он принес смерть, а остальным, когда кончилось топливо, — многие беды. Сейчас-то большинство хаэленцев невеждами не назовешь. Большинство из них, в отличие от моих родственников, не увидели в моем вызове Согам святотатства, но некоторые ужаснулись. Я не виню их за приверженность к старым суевериям. Вы, северяне, не знаете, как влияют на душу времена года, холод, мгла и зори, которые зовутся «мертвый огонь».

Так вот, среди большинства соплеменников я не пользовался популярностью. Я затруднил им очень важное дело — пережить зиму, так что мне вряд ли предложили бы новую жену. А холостяк не может рассчитывать на большее, чем низкооплачиваемая работа по найму, — если он не займется грабежами, что я в своем отчаянном положении всерьез рассматривал. Да, но был ещё и Союз. И торговля, которую он сделал возможной. Весной в наши гавани опять стали заходить купеческие корабли и искупать руду, соленых ихтиоидов, консервированные яйца бипена. Выглядел я тогда неприглядно, но сумел уговорить капитана взять меня в палубную команду. И за следующие сорок восемь с чем-то лет я объехал полмира. До тех пор я не знал, насколько он велик и удивителен. В конце концов я вступил в Зеру, а потом нашел и женщину, которая до сих пор со мной. И все, что у меня есть, я получил от Союза. Ребята, это далеко ещё не вся цивилизация — дальше броска копья. Но очень важная её часть. Попробуйте вообразить, как бы вы жили, не будь Союза. И спросите себя, не обязаны ли мы дать своим детям шансы не хуже собственных.

Ларрека согнул задние ноги и улегся. Все поняли это как намек на то, что рассказ окончен, и

приготовились отдыхать. Джилл пристроилась около старого командира и обняла его рукой за шею. Грива сухо зашелестела. Она почуяла его запах, мужской запах горячего железа и табачного дыма, ощутила под кожей налитые, словно резиновые, мышцы.

— Ты мне никогда этого не рассказывал, дядя, — сказала она по-английски.

— Случая не было. — Он не произнес: «Как тебе рассказать о жизни вчетверо длиннее той, на какую ты можешь рассчитывать?»

— Как насчет поспать? — тут же перевел он разговор на другую тему. Ану выставит свое раскаленное брюхо, а нам предстоит пересечь суровую страну. Не упускай случая дать костям покой, солдат.

— Есть, сэр! Спокойной ночи.

Она провела пальцами по его мохнатой щеке. Кошачьи усы щекотнули ладонь. Вытянувшись на спальном мешке и прикрыв глаза согнутой рукой, она подумала о том, какой сон выберет себе Ларрека. И что приснится ей.

Или кто? Если выбирать, кого бы она выбрала?

Глава 14

В середине лета Истинное Солнце всегда начинало настигать Красного. Тем временем Злая звезда все росла и росла в небе. Как говорилось в старых рассказах, приблизившись вплотную, она превзойдет своего соперника по величине. Валеннен страдал от засух, а Огненное море исхлестывали штормы.

Не отставали от неё и тассуры. Последние несколько октад оверлинги строили флоты, разоряли покидаемые легионерами острова и разбойничали на торговых путях. Арнанак был слишком занят на берегу, чтобы самому всерьез пиратствовать. Однако на верфи в Улу для него трудилось столько рабочих рук, сколько он мог собрать. Несколько кораблей он одолжил рейдерам, которых направил к восточному побережью и архипелагу Эхур. Они отвлекали внимание и силы противника от той сухопутной кампании, которую планировал Арнанак. Несколько вымпелов он держал в резерве, и теперь, кажется, настало время сомкнуть кольцо.

Легион Зера теперь сидел только в Порт-Руа, со-

вершая безуспешные вылазки в те прибрежные районы, которые меньше года назад цивилизация считала своими. Объединенные Арнанаком, воины Валеннена отбивали такие набеги либо скрывались с глаз, предоставляя противнику атаковать пустоту.

Арнанак не был этим доволен. Пока у Союза имелась здесь база с морским снабжением, его фланги и тыл оказывались в слишком большой опасности для планируемого им движения дальше на юг. Надо было спешить. Разведчики и шпионы докладывали со всего Союза, что движения подкреплений не наблюдается, но все могло перемениться. И пока этого не случилось, нужно осадить Порт-Руа с суши и заблокировать с моря, чтобы ни один солдат не подошел к городу перед последней битвой.

И для того Арнанак возглавил флотилию. Они подошли к острову Замок, опрокинули слабую охрану, всласть пограбили и снесли каменные строения, возведенные агентами Союза, чтобы их не превратили в крепости. Арнанак желал, чтобы тассуры остались хозяевами на островах, а ещё лучше — сменили тамошних жителей. Кроме того, он хотел узнать, как станет действовать его флот, организованный по образцу флота

легионеров. Надо было потренировать молодых мужчин и отвертеться от скучных обязанностей Оверлинга оверлингов.

Когда флот возвращался на северо-запад, корабли разметало тайфуном. Он не боялся гибели кораблей — его люди привыкли к сильным ветрам. Но у него оказалось всего два корабля, когда он заметил судно из Бероннена.

— О-хой! Парус!

Крик впередсмотрящего будто выдернул Арнанака на корму. Море катило высокие волны, по их серо-зеленым телам ползли кружева пены. Ослепляли и жалили срываемые ветром с гребней соленые брызги. Неслись нависшие серые тучи, и высокие облака клубились в их промоинах. Сквозь разрывы туч прорывались двойные солнечные столбы, окрашивая воду и небо в два цвета, от волн летели радуги. Ветер был почти холодный. Журчала и рокотала вода, палуба уходила из-под ног.

Арнанак заметил вдалеке странный корабль. За ним на фоне туманного горизонта возвышался пик вулкана Черного острова. Из жерла горы поднимался дым. Арнанак навел купленную когда-то у торговца подзорную трубу. Резче выступили обводы корабля — не узкий низкобортный корабль

валенненцев, а высокобортное двухмачтовое судно, какие строят в Бероннене.

«Транспорт Союза идет в Порт-Руа», — решил Арнанак и протянул трубу своему помощнику Юсайюку.

— Он явно один. Пойдем на перехват и дадим «Ненасытному» сигнал подойти.

— По-моему, это легионер, а не купец, — осторожно заметил Юсайюк. Похоже, у них там охрана на борту, и баллисты уже взведены.

— Тем больше причин посмотреть на них поближе. И не страшись. Мы можем юлить вокруг них, как клыкач-рыба вокруг морского толстяка.

Лицо Юсайюка окаменело.

— Я не говорил, что боюсь. Арнанак скупо улыбнулся:

— Я тоже этого не сказал. Честно говоря, мне немного не по себе. Не знаю, зачем сюда заявился этот корабль.

«Потому что если противник решил наконец любой ценой удержаться к северу от экватора… Нет, не так. Почему тогда одинокое судно? А может быть, это конвой, и его, как и нас, разметало бурей? Или оно везет что-то из того, что люди придумали для битвы…»

Арнанак отогнал мысли. Нет резона беспоко-

иться, пока он не знает намерений чужаков и их возможностей. А потому — смело вперед! Его судьба рождается в танце Трех, в мощных ритмах Истинного Солнца и Янтарной звезды, и в хаосе, что несет Бродяга, чья свободная воля может дать начало новому циклу судеб.

На палубе «Прыгуна» раздались команды — судно меняло галс. Для перехвата чужого судна надо было идти почти по ветру. В громовом шелесте парусины повернулись реи грот-мачты. Арнанак приказал поставить грот, но по совету помощника убрал кливера и стаксели. «Ненасытный» поступил так же. Оба судна рванулись вперед.

Матросы рассыпались по местам. Палубная команда бросилась к абордажным крючьям. Лучники полезли на мачты. Часть стала наготове у весел. Остальные отвязывали бревна и скрепляли их «ласточкиным хвостом», собирая платформу, ведущую от мачты. На ней уже приготовились к прыжку на чужой корабль несколько воинов, следующая партия стояла рядом. Арнанак был среди первых. На нем не было доспехов, кроме шлема и наплечников — они утянули бы его на дно, упади он за борт, — а из оружия имелись только щит, копье и меч.

Платформа нависла над водой. Он стоял на её

краю, балансируя при качке и рыскании корабля. Попутный ветер шелестел одеждой и трепал листья гривы. Пахло солью и простором. К нему подошел его сын, Игини, и спросил:

— Можно ли мне возглавить группу вторжения, когда мы нападем?

— Нет, это моя работа, — сказал Арнанак. — Но ты можешь идти сразу за мной. — К нему тотчас вернулась прежняя мысль: насколько глупо вождю возглавлять каждую стычку. Но ему, пожалуй, не увидеть, как тассуры станут цивилизованным и трезво рассчитывающим народом. — К тому же, если они достаточно сильны, нет смысла рисковать потерями, тем более что мы и так с добычей.

— Как это? Они же нападут на наших братьев на берегу!

— Лучше сказать, что они попадут в расставленную нами западню. Честно говоря, я бы с ними не связывался, но мне хочется заглянуть к ним на палубу и понять, насколько всерьез Сехала хочет удержать Порт-Руа.

Арнанак снова поднял подзорную трубу.

На корабле южан готовились к бою. Среди матросов он заметил немногочисленных легионеров. Возможно, их много внизу, готовых неожидан-

но выпрыгнуть на палубу, но Арнанак в это не верил: они вряд ли рассчитывали на такую встречу. Когда приходила Огненная пора, торговые экипажи тоже умели сражаться. И тем не менее корабль не походил на военный транспорт. Это могло оказаться посыльное судно, отдельный рейс снабжения или корабль, везущий персону со специальной миссией.

Так подходить или нет? Они встретят тассуров как следует. Два удачных попадания из носовой и кормовой баллист могут разнести в щепки его корабли. Его самого могут убить, и выкованный им Союз рассыплется… Но в деле нельзя без риска. А выиграть он мог сокровище или неоценимой важности сведения…

А что это за фигура вышла из рубки? Две ноги, горизонтального тела вообще нет, завернуто в материю, на голове пряди, перехваченные лентой…

— Сражаемся! — проревел Арнанак. И пока вокруг него слышались крики и бряцание оружия, он наклонился с платформы и сказал Юсайюку:

— Слушай, у них на борту человек. Если мы его захватим, то кто знает, что он может рассказать, какой мы сможем за него получить выкуп или какую заключить сделку? Так что давай к ним поближе и быстро на абордаж. Я поведу штурмовую

группу. Но нам нужен только человек. Едва он окажется на борту, отдавай швартовы — и вперед. Дай «Ненасытному» сигнал, чтобы штурмовали с правого борта, пока мы нападаем с левого.

— Человек? — с сомнением произнес Юсайюк. Как большинство тассуров, он об этих чужаках слышал только слухи, но те, кто слухи передавал, шептали о чародействе.

— Я не знаю, что он может против нас применить, — признал Арнанак. Ву-ва, худшее, что может случиться, — нас убьют. А уж Союз никогда не дал бы нам по собственной воле доступа к одному из этих. — Гордо вскинув голову, он добавил: — А кроме того, я ведь в союзе с даурами.

Юсайюк и другие, кто слышал эти слова, сделали знак от сглаза. И все же Арнанак смог их воодушевить. Хотя никто точно не знал, какой силой обладают дауры, они жили гораздо ближе людей.

Луч Поджигателя выхватил из дымки беронненское судно, и оно будто вспыхнуло огнем.

С верхушек мачт на палубу посыпались стрелы. Камень из баллисты поднял фонтан на расстоянии полета копья от «Прыгуна». Оба варварских судна спустили паруса и пошли на веслах. Они так удачно приблизились к южанину, что паруса

— его единственный движитель — понесли его прямо между кораблями противника.

Арнанак видел, как человек с помощником передавали солдатам какие-то трубы с ложами, похожими на арбалетные. Солдаты и матросы неумело прицелились. Он увидел, как один из его лучников согнулся, упал с мачты и разбился о палубу. Но чем это хуже смерти от стрелы? Да и времени бояться уже не было.

Еще раз ударили весла, и корабли соприкоснулись. Абордажные крючья впились в борт беронненского корабля.

Более быстрые и маневренные, корабли северян уступали южанам в высоте бортов. Благодаря одному этому преимуществу в дни расцвета Союза пираты часто не рисковали нападать на его корабли. Но Арнанак придумал свою абордажную платформу и широко развернул их строительство.

И та, на которой он сейчас стоял, возвышалась над пушечной палубой противника. Он спрыгнул вниз. Его меч зазвенел, столкнувшись со сталью врага.

Беронненцы навалились на него скопом. Он отскочил от опускающегося клинка, перехватил щитом удар топора, врубился в мясо и кость.

Кто-то вскрикнул. Слышалось хриплое, тяжелое дыхание, в холодном воздухе поднимался пар от разгоряченных шкур. Все новые и новые тассуры спрыгивали на палубу. Им удалось захватить плацдарм.

Поверх шлемов и голов Арнанак увидел человека. Тот стоял на фордеке рядом с легионером, И держал в руках чародейское оружие. Но в водовороте схватки оно было бесполезным — выстрел одинаково мог достаться и врагу, и другу. «Как бы там ни было — вперед!» Он испустил боевой клич народа Улу и рванулся в бой.

И с ним его войны. Противники не ждали массированного прорыва в одном месте — это не было в обычаях пиратов, пытающихся захватить судно. Арнанак с товарищами прорубился сквозь их массу и рванулся к трапу.

Игини опередил отца и первым вскочил на трап. Человек поднял свое оружие и нажал на крючок. Голова Игини взорвалась кровавым пузырем, и он свалился на палубу бесформенной красной грудой. Арнанак метнул топор. Он мог бы убить, но хотел только оглушить. Обух топора попал человеку в диафрагму. Он согнулся пополам и осел на палубу. Арнанак дотянулся до этой твари и схватил в охапку. Легионер, стоявший

рядом с человеком, дрался с остервенением. Явно превосходящие силы противника загнали его на ростры.

Южане яростно нападали на маленький отряд, прижимая его к борту. Бойцы Арнанака пока ещё удерживали трап. Он сам подскочил к фальшборту, под левой рукой у него болтался человек, а правой он махнул Юсайюку. Помощник дал команду убрать абордажные крючья, и «Прыгун», движимый веслами внешней стороны, прошел вперед так, чтобы его фордек оказался под Арнанаком. Арнанак прыгнул. Гребцы Юсайюка удерживали корабль на месте, пока за ним не последовали остальные.

Вернулись не все. Одни, блокированные в середине корабля, могли теперь полагаться только на милость противника. Другие легли мертвыми, и среди них — Игини, полный жизни и радости. Но мужчина может гордиться потерей сына или жизни ради такого трофея, как пленник-человек.

— Отходим! — крикнул Юсайюк.

Из-за носа транспорта показался «Ненасытный». Только его нападение с правого борта и сделало возможным успех дерзкого рейда Арнанака. Оба тассурских корабля снова подняли паруса, и те сразу наполнились ветром. Теперь

бероннецам их не догнать.

Человек встал, шатаясь, и что-то выкрикнул. Легионер, который пытался его защитить, появился у фальшборта. Он тащил коробку, которую явно в спешке принес из каюты. Хотя корабли разделяла широкая полоса воды, он обвязал коробку тросом, раскрутил и бросил. Этот отчаянный бросок оказался успешным — коробка ударилась о рубку и упала на палубу.

— Выбросить за борт! — крикнул Юсайюк, ибо коробка могла содержать смертельную угрозу.

Человек не понимал по-тассурски, но увидел, как матросы бросились выполнять приказ.

— Нет! — завопил он по-сехалански. — Я без этого умру…

— Отставить! — скомандовал Арнанак. — Этот сундук мы сохраним. — И добавил по-сехалански для человека (голос его был резок из-за Игини): — Я хочу, чтобы ты ещё пожил. По крайней мере какое-то время.

Глава 15

Младший лейтенант Конуэй прибыл на Мундомар в составе большой группы летчиков. Старый войсковой транспорт был переполнен. Все приходилось делать по очереди, по номерам. Залезать в нишу, где до тебя уже кто-то спал, как в ячейку огромных сот, и лежать там, слушая храп братьев по оружию и ощущая издаваемый ими запах. Это как-то не очень гармонировало с идеей крестового похода на выручку благородным пионерам, осаждаемым ордами чудовищ, или спасения человечества в звездных битвах. Конечно, Конуэй не был настолько наивен — старый дядя Ларрека бывал довольно-таки откровенным в своих воспоминаниях, — но все же он воображал себя кем-то вроде легионера. Но не пришлось ли ему стать просто винтиком военной машины?

Зато он торжествовал при игре в покер, за что должен быть благодарен суровой школе сестрицы Джилл. Он начал вспоминать и представлять себе, что она там делает, и как там мать с отцом, и Алиса с мужем и ребятишками. Он скучал по ним гораздо больше, чем по кому-нибудь на Земле.

Чем ближе становилась цель, тем сильнее росло напряжение в конвое. В межпланетном пространстве их наверняка уже засекли наксанцы, чей флот тоже крутился возле этой звезды. Если они решат напасть…

Напряжение перерастало в страх. Наксанцы атаковали. И военным летчикам ничего не оставалось, как сидеть и ждать, подобно сардинам в консервной банке. Если бы им досталось прямое попадание, они бы об этом даже и не узнали. Конуэй на своей шкуре понял, до чего удачно американское выражение «страх вышел потом». По запаху собственного пота он мог бы заключить, что весь яд, который только вырабатывается его телом, выходит через кожу.

После многих часов, наполненных маневрами и расчетами, кратких вспышек боевой оборонительной активности и многих часов ожидания противник, очевидно, решил, что цена победы окажется слишком велика, и отозвал свои силы. Конвой подсчитал свои потери. Погиб рейнджер, в непосредственной близости от которого взорвался снаряд. Половину корпуса разворотило. Команда находилась в скафандрах, но некоторые оказались пробитыми, а люди получили контузии различной степени, термические и

радиационные ожоги. Конвой подобрал тех, кого удалось спасти, и распределил их по оставшимся кораблям.

Летчикам с транспортного корабля нашлось занятие по уходу за ранеными на протяжении всего конца перелета. Дон Конуэй узнал, как выглядят перемолотые кости, сваренные заживо лица и выжженные глаза, что такое понос и рвота и как люди теряют волосы, кожу, мясо и разум. Он и раньше видел смерть — смерть животных и нескольких софонтов, но то была мирная кончина. Теперь он понял, почему ещё год после гибели тети Эллен в Далаге Джилл снились кошмары. Он даже думал, что из-за этого она так сильно привязалась к Ларреке.

Но тетя Эллен стала жертвой слепого случая. Эти же люди умерли, умирают, останутся калеками — если не удастся клонирование — ради великой цели. Верно ведь?

Поначалу их часть разместили возле Бартона — столицы Элефтерии, самого большого поселения людей на Мундомаре. Военные действия по всей планете шли вяло. Фронт стабилизировался, что Конуэй про себя считал патовой ситуацией. В небе, на суше и на море происходили отдельные стычки.

— Ты подожди, — предупреждал его Эйно Салминен. — Это затишье из-за недостатка снабжения с обеих сторон. Сейчас Земля и Накса вольют свежую кровь, и скоро будет весело.

— Почему нам их не блокировать? — спросил Конуэй.

— Они бы попытались блокировать нас. Битва с тяжелым ядерным оружием началась бы на спутниковой высоте, а может быть, и в атмосфере. Такое сражение напрочь разрушило бы ту самую планету, за которую мы, как предполагается, воюем. А того хуже, могла бы начаться тотальная война между материнскими планетами.

Конуэй понял, насколько это было мудро. Ни элефтерийцы, ни тсейякканцы не обстреливали города противника. Последние, стремясь вернуть себе Сигурдссонию, оккупировали некоторые поселения элефтерийцев, но он научился презрительно улыбаться (про себя) тем леденящим кровь историям, которые ему довелось услышать. Если проверить, то всегда оказывалось, что все ужасы сводились к неизбежным в бою случайностям вроде попавшего под шальную пулю ребенка. А военные власти тсейякканцев обращались с пленными людьми настолько же гуманно, насколько люди с тсейякканцами. Это походило

на правду — тем более что военная цензура не пропускала сообщений на подобную тему.

Он был рад выбраться наконец из звездолета и свободно пройтись по открытому и безопасному месту. Однако оказалось, что на свободе делать особо нечего. В Бартоне почти не было ночных клубов, действующих театров и тому подобного. На Земле они показались бы скучными, переполненными и дорогими — уж лучше торчать на базе и смотреть стереовизор. Некоторые благотворительные организации пытались поближе познакомить граждан Элефтерии и их новых союзников, устраивая танцы и приглашения в дома. Но в общем и целом успеха они не достигали. Местные, несомненно, были приятным народом, смелость и преданность своему делу оказались у них просто фантастические, но не были ли они — как бы это сказать — малость зациклены?

Одна девушка спросила его во время танца:

— Почему вас так мало приехало? Другая девушка, которую он пригласил было провести вместе вечер отказалась:

— Я работаю на военном заводе, и работа каждый день, так что уж извините. Нет, не надо меня жалеть. Я делаю то, что хочу — служу своему делу. Вам этого не понять, вы всегда жили в довольстве

и покое.

Хозяин, у которого они обедали и малость перепили, сказал:

— Да, я одного сына уже потерял. И там у меня ещё двое. Земля поставляет оружие, а мы — пушечное мясо.

Когда Конуэй заметил, что то же верно насчет Наксы и тсейякканцев, хозяин обиделся.

За городом были дороги, прогулки по которым могли бы и понравиться. Но Конуэя они не привлекали. Как тщательно ни пытались переделать местность на земной лад, она оставалась однообразной, жаркой, влажной и почти всегда уныло заорганизованной. Среди посаженных по ранжиру деревьев и распланированных полей ему не хватало дикого иштарийского пурпура и золота, ему не хватало солнца, лун, звезд. Конечно, элефтерийцы были горды своей планетой. Но он не был обязан делить с ними это чувство.

Его часть послали на фронт. Действия разворачивались. Но слово «фронт» обернулось почти что пустым звуком. Тсейякканцы удерживали часть Южной Сигурдссонии. Иногда они отступали, а элефтерийцы наступали — или наоборот: то ли в результате стычки, то ли в ходе выполнения какого-то большого плана. Точно так же люди

имели плацдарм в западной части Хатхары и на островах этого континента. Вне этих районов случались отдельные схватки в воздухе.

Эскадрилья Конуэя шла в свое первое патрулирование. Когда из наушников донеслось сообщение, что им наперехват идут воздушные силы противника, ему показалось, что он сходит с ума. Это бред, никто ведь не хочет убить его его, которого все так любят. А тем временем его пальцы сами делали все, чему их обучили, и вот так находиться пассажиром в собственном теле тоже было странно. И тут появились тсейякканские самолеты и началась драка, как между двумя роями ос. Времени бояться не осталось.

Он понял, что испытывает радостное возбуждение — как при игре в покер, когда ставка больше, чем можешь позволить себе проиграть…

…И вдруг у тебя на руках оказываются четыре дамы. Самолеты противника летели, как капельки между свинцовым небом и ртутным морем, но были не лучше, чем его «Акула», а их пилоты явно не прошли его учебной тренировки. Один атаковал его самолет. Конуэй сманеврировал в сторону от трассирующей дорожки, перевернулся через крыло и поймал бандита в свой прицел. Остальное доделала автоматика — вспышка

фейерверка и долгая, дымная спираль уходящего вниз горящего самолета. От перегрузок Дональд почувствовал головокружение, словно слегка опьянел. Он что-то кричал от радости, пока не увидел второго противника, и тут он стал так занят, что было не до крика.

Дональд не смог бы поклясться, что второй самолет сбил тоже он. Он знал только, что его эскадрилья выиграла бой и со славой возвращалась на ничем другим не знаменитую базу в джунглях. Ценой малых потерь они почти начисто уничтожили целую эскадрилью противника.

Вот только в эти «малые потери» входил Эйно Салминен, лучший друг Конуэя по службе, который женился как раз перед отлетом с Земли. Дважды Конуэй пытался написать в Финляндию, но так и не смог. Каждый раз, когда он брался за письмо, у него всплывала мысль: был ли женат тот летчик, который тогда попал под огонь его пушек? «Я не чувствую себя убийцей. Это война или я, или он. Я просто интересуюсь».

По крыше барака стучал дождь. Кондиционера не было, и влажную духоту барака наполняли испарения болот. Люди, собравшиеся возле стереовизора, разделись до трусов. Ходить совсем голым не решался никто. Конуэй подозревал — по

крайней мере сам он не разделся бы из опасения быть неправильно понятым — его друзья могли бы принять это за предложение или провокацию, — а может быть, он сам уже заразился их предрассудками? Непривычная обстановка и одновременно отсутствие женщин приводят к сдвигам в уме. В конце концов, садиться на стул голой задницей просто неприятно.

Из Бартона передавали запись последних новостей. В основном сообщалось о праздновании на Земле Рождества и Хануки — в этом году особенно пышном из-за роста популярности Общества Всемирной Любви. Но была там и история о находке полного скелета неандертальца в Северной Африке, и почти полное изложение сообщения о том, как повернул назад «Аполлон», чтобы спасти маленького мальчика в сломанном моношаттле, и отчет об открытии новой термоядерной электростанции в Лиме, информация об острой предвыборной борьбе в России и сообщение о том, что король моды из Бангкока повелел носить треугольные плащи… Где-то ближе к концу промелькнула сводка о стычке межзвездных сил Земли и Каксы в секторе Веги. На Мундомаре без перемен.

Майор Сэмюэль Мак-Доуэлл, элефтерийский

офицер связи, выругался.

— Вы заметили, от какого числа лента? В этот день убили мужа моей сестры.

— Да? — переспросил кто-то. — Примите мои соболезнования.

— И не только сто, — добавил Мак-Доуэлл, — Враг вышел из джунглей и перестрелял всех в той деревне, где побывал его взвод. Террористы, гады.

— Своих людей в Хат'харе вы называете партизанами, — не смог промолчать Конуэй.

Мак-Доуэлл уставился на него тяжелым взглядом:

— Вы-то сами за кого болеете, младший лейтенант?

В духоте барака Конуэй почувствовал, как кровь прилила к лицу.

— Я не болельщик, а боевой летчик, майор! — отрезал он. — «Я ведь не обязан вытягиваться по стойке „смирно“ перед старшим по званию иностранным офицером?» — Он чуть не добавил, что на Земле есть поговорка о зубах дареного коня, но сдержался. Если Мак-Доуэлл настучит капитану Якубовичу, младшего лейтенанта Конуэя могут вызвать на ковер. А кроме того, этот бедняга искренне горюет, и для него эта война

— вопрос жизни и смерти. — Не имел в виду вас обидеть, сэр.

Майор уже несколько остыл:

— Я ведь не фанатик. Если бы эти жабы вели себя разумно… да ладно, я не про то. Для Земли все это — мелочь, шуршание за кадром или того меньше. Они там не видят, что мы кровью истекаем.

Серией быстрых и блестящих действий летчики очистили небо. Тсейякканцы не смогли им ничего противопоставить. После этого перерезать коммуникации и отрезать силы вторжения от их баз оказалось нетрудно. Лично Дон Конуэй пустил на дно один надводный корабль и, возможно, одну субмарину. Но в следующий вылет его зацепило ракетой — такое стало вдруг неожиданно часто случаться с самолетами его полка. Он катапультировался и болтался в океане, пока его не подобрал спасатель.

Этим он заработал неделю отдыха для восстановления сил в Бартоне. Ему в отель позвонил вежливый джентльмен с Земли, попросил о встрече и угостил таким обедом, о самой возможности которого на Мундомаре Конуэй не подозревал. После многих теплых слов джентльмен в конце концов перешел к делу.

— Я слыхал, что вы были на Шканском побережье. Об этом месте дьявольски трудно получить достоверную информацию. Элефтерийские власти все держат в секрете и, вообще говоря — извините, лейтенант, но ведь вы не элефтериец? Вы — э-э — находитесь под юрисдикцией Мировой Федерации, что можно сейчас рассматривать как ваше подданство, — если говорить о том, кому вы должны быть лояльны. А в Федерации имеются люди — важные люди, — которые хотели бы точно знать, насколько обоснованны подозрения о наличии нефти в Шканском регионе.

— Как? — удивился Конуэй.

— Именно так. Я сам не геолог, но все очень похоже. На Мундомаре шла необычная эволюция, которая началась ещё в пылевом облаке и создала крайне необычную планетологию и биохимию. И здешняя нефть содержит некоторые настолько необычные компоненты, такое исходное сырье для органического синтеза, например, лекарств, что… Мы, конечно, могли бы сами синтезировать такие вещества, но выкачать их отсюда и доставить туда в тысячи раз дешевле… Еще по одной? Официант, будьте добры!.. Вопрос в том, что после заключения мира и раздела планеты эти районы должны оказаться в дружественных руках, а не

в руках неблагодарных сукиных сынов, которые вздуют цену до небес, или вообще в руках этих квакушек. Если бы на Земле могли точно и конфиденциально знать, о каких точно территориях идет речь, то и военную кампанию можно было бы спланировать получше, и политические цели стали бы яснее. Я понимаю, что у вас нет полной информации, но каждая крупица может помочь. Я имею в виду помощь Федерации.

Конуэй чуть было не сказал, что ничего не знает, а если бы и знал, то не стал бы помогать спекулянтам, наживающимся на чужой крови. Но он вовремя овладел собой и сказал то, что следовало сказать согласно моментально разработанному им плану. Он говорил слово за словом, а землянин ставил выпивку за выпивкой, и Дональд закончил вечер в компании такой девушки, которую только могло нарисовать его воображение.

Он не думал, что этого топтуна очень уж смутит счет, который ему придется оплатить в обмен на всю эту туфту. В конце концов, его отпуск подходил к концу, и надо было возвращаться на войну.

На некоторое время война превратилась в полеты над глухоманью. Он обстреливал указанные

районы и не получал ответов в виде пуль или ракет. Но беспокоило то, что такой работе не было видно конца.

— Они не уходят, скользкие вонючки, — сказал один капитан из бронепехоты. Однажды у Конуэя перегорел генератор, и он сел на вынужденную около элефтерийского аванпоста в недавно отбитой деревне. Руины мокли под дождем, стлался сладковатый запах гниения. Люди редко давали себе труд хоронить наксанцев, потому что их трупы не заражали людей. Капитан плюнул на один из них.

— Им тут легче выживать, чем нам. А родной мир их снабжает… — Он перевел глаза на загородку, за которой сгрудились пленные. С ними обращались без жестокости, но никто не знал их языка, а врачей, которые умели бы лечить инопланетян, не хватало. Огромные, бесформенные, сургучного цвета твари старались помочь друг другу чем могли.

— Их ещё много будет, — сказал капитан. — Горячее дело близится. Без работы не соскучишься, лейтенант.

Конуэй летел высоко над облаками, в стратосфере. Под ним сияла белизна, вокруг темно-синее небо и его боевые товарищи. Наверху светило

солнце и несколько самых ярких звезд. Но он видел только Иштар.

И чувствовал её, слышал, чуял её запах и вкус. Как бесконечно высок им казался отец рядом с маленьким Доном, какая красивая была мама. И без Джилл и Алисы тоже трудно было жить. Когда появился Ларрека, Дон страшно ревновал его к Джилл, которой старик явно оказывал предпочтение. Зато именно его отец взял с собой в путешествие по Джайину, и только они вдвоем встречали туманный рассвет. Он вспоминал леса и моря, и как он впервые открыл для себя искусство Земли, и этот тройной рассвет на восхождении в Грозовых горах…

В наушниках пискнуло. Что? Неужто ещё остались эти бандиты?

Скорость их приближения была просто пугающей. Таких они ещё не видали. Зрелище острых стреловидных крыльев и эмблемы в виде колеса бичом хлестнуло по нервам. Накса. Сама Лига. Местные пилоты были любителями, полуобученными колонистами на случайных машинах. Теперь Накса последовала примеру Земли и прислала регулярные летные полки.

— За скальпами, парни! — крикнул командир Конуэя. Эскадрильи сцепились.

Когда он пришел в себя, шел дождь. Обломки самолета был почти скрыты джунглями. Он не помнил, как его сбили, не помнил жесткой посадки.

Он осознавал только боль. Вокруг все было в крови. Левая нога превратилась в мешок боли, набитый осколками костей. Сквозь дурман в мозгу он подумал, не сломал ли он и ребра, потому что дышать даже неглубоко было очень больно. На фоне мира виднелась царапина. Она была на правом глазу.

Он попробовал включить рацию. Безрезультатно. Люк кабины был сорван. По нему хлестал и стекал дождь. Где аптечка?

Где эта, мать её так, аптечка?

Наконец он отыскал её и попытался нанести аэрозольную повязку, унять боль хотя бы настолько, чтобы можно было думать. Баллончик выпал из дрожащей руки. Он попытался дотянуться до него, но мешали привязные ремни и невыносимая боль.

Потом стало теплее, пришло беспамятство. Трещина в мироздании потускнела, а следом и весь мир. «Уходи, смерть, — подумал кто-то вне его. — Тебя сюда не звали».

— А почему нет? — спросила ласковая тьма.

«Потому что… Я занят, вот почему».

— Хорошо. Я подожду.

ПОГИБЛИ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ: Ст. лейт. Джан Г. Барнвельд, мл. лейт. Дональд Р. Конуэй, мл. лейт. Джеймс Л. Камикона…

ОПЛАКИВАЮТСЯ: Кех'твиз-а-Сак Дзуакский, Вхиккр Храбрый, сын Нова Раккари…

Глава 16

Теоретически Дежерин мог сноситься с Примаверой по любому поводу прямо со своего рабочего места. Практически же ему нужен был отпуск из этой пустыни не меньше, чем всем его людям. И к тому же электронный образ не заменял живого присутствия. По отношению к первому гораздо легче оставаться холодным и безличным. И потому он довольно часто ездил в город для консультаций, да и просто для отдыха. Те, кто сильнее всего возражали против его миссии, видели перед собой живого человека, понимали, что не он это придумал, видели, что он болеет за интересы Иштар и что он может попытаться повлиять на правительство, чтобы изменить его политику.

Проведя пару часов за решением технических проблем в конторе у Спарлинга — наиболее естественное место для распоряжения ресурсами, которых требовал проект, — он вдруг услышал от инженера:

— Вот что я вам скажу. Сегодня в Стеббс-парке выступает Аниеф — лучшая сновидица. Что, если

вы пойдете ко мне обедать, а потом мы вместе пойдем на представление?

— Вы очень любезны, — удивленно ответил Дежерин.

— Так и вы оказались не таким уж плохим человеком. И потом, чем лучше вы будете знать местную культуру, тем больше надежды, что вы попытаетесь помочь её спасти.

— Я пытался разобрать некоторые записи таких выступлений из ваших архивов. Это не просто.

— Еще бы. Они не просто на иностранном языке. Здесь музыка, танец и драма имеют гораздо больше оттенков, чем мы, люди, можем даже себе вообразить. Но во время представления Аниеф я вам буду комментировать происходящее.

— А наш разговор не помешает другим?

— У меня в браслете микропередатчик, а вам я дам микроприемник вставите в ухо. Так что мы не станем шуметь и никого не побеспокоим. Я думаю, что сегодняшнее представление её сна, каково бы оно ни было, будет включать ветер как один из элементов языка… Зазвонил телефон.

— Извините.

Спарлинг ткнул рычажок.

На экране проявились резкие черты Боггарта Хэншоу. Он был как-то зловеще серьезен — похо-

же, ненамеренно.

— Плохие новости, Иен. Я подумал, что тебе, как её близкому другу, надо бы узнать сразу.

Мундштук трубки в зубах Спарлинга треснул и переломился. Автоматически подхватив чашечку, он с преувеличенной осторожностью положил её в пепельницу. Пепельницей служила радужная раковина шелозавра…

— Ларрека позвонил из Порт-Руа. Джилл Конуэй захвачена варварами.

…которую она ему подарила. Дежерин вскочил со стула.

— Qu'est-ce que vous elites?[4]

Спарлинг махнул ему рукой: сядьте на место.

— Поподробнее, пожалуйста, — попросил он.

— Они одолжили корабль у легионеров Калэйна Славного на побережье Далага, но тамошний комендант дал им в сопровождение лишь малочисленную охрану. Он божился, что ему нужен каждый меч для обороны Северного Валеннена, — говорил Хэншоу. — Это могло быть правдой. Однако вышло так, что их встретила пара валенненских галер, несомненно, пиратских, и атаковала в Огненном море. Их взяли на абордаж,

---

[4] Примечания: 4
Что вы сказали? — *(фр.)*

и часть пиратов была перебита и захвачена в плен, а часть ретировалась после захвата Джилл. По результатам допроса пленных — Ларрека не сказал, как их допрашивали, — он считает, что именно похищение и было целью нападения. Когда их предводитель увидел, что человек уже у него на борту, они отступили. Это дает надежду. Если она им нужна как заложница или аргумент в переговорах, они не будут причинять ей вреда — по крайней мере намеренно. Их корабли намного быстрее, и преследование не дало бы результата, так что Ларрека пошел своим курсом. Это случилось дня три назад. Он вызвал меня сразу же по прибытии.

Спарлинг ощутил тошноту.

— Что вы имеете в виду — «не причинят ей вреда»? На чистой иштарийской пище…

— Ларрека — сообразительный старый черт. Как только он увидел, что её похитили, он тут же кинулся за её питанием и перебросил коробку к ним на палубу.

Спарлинг осел на стуле. «Хотел бы я, чтобы Бог для меня был не только прозвищем нашего мэра. Я бы его возблагодарил».

И потом: «Но в этой адской стране они просто могут не сообразить, что она не выдержит того,

что им кажется естественным. Да ещё и неизвестно, какое суеверие может ими овладеть».

Спарлинг взял себя в руки.

— Я отправлюсь туда. Проверьте, чтобы для меня нашелся быстрый экипаж с хорошим радиусом действия. Хотя сначала я посмотрю, что могу сделать отсюда. Потом позвоню.

— Ладно. А мне… мне надо ещё её семье сообщить…

Изображение Хэншоу на экране померкло.

Спарлинг обернулся к Дежерину. Загорелое лицо офицера стало пепельно-серым, и на нем двумя яблочками мишени выделялись черные глаза.

— Вы слышали, — сказал Спарлинг. — Что бы вы предложили?

Дежерин пошевелил губами, прежде чем ответить.

— А что у вас на уме?

— Не волнуйтесь, ничего опрометчивого. Я попробую поторговаться за её освобождение. Но если они не пойдут на контакт или выставят невыполнимые условия, я им покажу, что в их же интересах вернуть её целой и невредимой.

— Вы станете угрожать?

— А что делать? Силу они понимают. Когда

мы начнем топить их корабли, разрушать дома, рассеивать любую вооруженную банду, которую только увидим, до них дойдет. «А если Джилл умрет…»

— Коллективная ответственность, — медленно кивнул Дежерин. — А мой отряд должен предоставить средства.

— У вас они есть. А у нас — ни одной боевой машины. Мы не рассчитывали, что они понадобятся. — Злость поднималась, как ртуть в термометре. — Ладно, долго вы ещё собираетесь вот так сидеть? До сих пор боевые самолеты, что вы привезли с собой, не были вам нужны. Теперь вы можете наконец оправдать свое присутствие на Иштар!

Дежерин собрал свою волю в кулак.

— С моей стороны это было бы неподчинением приказу. Ни при каких обстоятельствах, кроме прямого нападения, ни один человек — и ни одна машина не могут принять участия в боевых действиях против туземцев. И в основе этой политики лежит не идеализм. Если мы вмешаемся в локальные стычки…

Левая рука Спарлинга стиснула подлокотник кресла, правый кулак со стуком ударил по левому. Иен заговорил, сам удивляясь, насколько ему

удается владеть собой:

— Вы не думаете, что в гораздо большей степени провалите свою миссию, если спровоцируете полный её бойкот плюс бойкот всего вашего персонала? Если вы откажетесь её спасать, случится именно так. И об этом позабочусь я сам. Дежерин наклонился к нему, как через пропасть.

— Как вы не понимаете? — почти умоляюще произнес он, — Я сразу пошлю запрос на разрешение. Мне самому она дорога.

— И сколько времени ваш посыльный корабль будет добираться до Земли? Сколько времени эти заплывшие жиром штабные мозги будут думать — перед тем как отказать?

Тон Дежерина стал более жестким.

— Если я ослушаюсь, меня снимут. После всех хлопот, что вы причинили Космофлоту, мой преемник окажется гораздо менее симпатичным. Я выдержу наложенный вами бойкот, хотя это поведет к конфискациям и арестам, а также к уголовным наказаниям за попытку отказать нам в помощи. — Он поднялся, Спарлинг тоже встал. — Сэр, я вынужден вас покинуть. Покорнейше прошу заметить, что я не отдавал никому приказов воздержаться от помощи мисс Конуэй. Прошу вас также не делать того, что вы будете

делать, столь демонстративно, чтобы это вынудило меня вмешаться. И… Я надеюсь, у вас хватит мудрости информировать меня о ходе событий… и моя благодарность может оказаться больше, чем вы можете предположить. — Он поклонился: Разрешите откланяться, сэр.

Спарлинг ещё минуту смотрел на закрытую дверь. «Он, несомненно, прав, — с отвращением подумал он. — Ладно, мне бы лучше поехать домой и собрать вещички».

Выйдя наружу, он попал в горячий, свистящий вдоль улицы вихрь, гнувший верхушки деревьев. Сиял Бел, и Ану горел красным; окрашенные в золото и пурпур облака мчались по безжалостной голубизне неба. В воздухе пахло пылью. Вокруг были какие-то люди. Он не помнил, здоровались они с ним или нет. Меряя путь широкими шагами, он строил планы, пытаясь найти хоть сколько-нибудь реальный.

Только бы Джилл была жива. Если её смех ушел навеки, все остальное не имеет значения.

Жену он застал в гостиной. Из-за приостановки большинства проектов отделу снабжения Примаверы не нужно было много сотрудников.

— Хелло! — сказала она. — Что так рано сегодня? Он повернулся к ней, и счастливое выражение у

неё на лице исчезло.

— Случилось что-то страшное? — спросила она шепотом.

Он кивнул и кратко рассказал, в чем дело.

— Нет. Nao permita Deus.[5] — Рода закрыла глаза, пошатнулась, но взяла себя в руки. Потом шагнула ближе и взяла его за запястья: — Что ты будешь делать?

— Отправлюсь туда.

— Один?

— Похоже на то, поскольку Космофлот не собирается защищать налогоплательщиков. — Бесенком мелькнула мысль, что сотрудники инопланетных предприятий не платят налогов. — Там, где дело пойдет о драке, воины Ларреки получше нас, штатских. А если нам понадобится помощь людей, её можно вызвать за несколько часов, даже если нам разрешат воспользоваться только небольшой пассажирской машиной. И к тому же, пока у нас нет информации, зачем держать людей в Порт-Руа?

— Ты должен ехать сам? И немедленно?

— Нам лучше иметь человека там, на месте. — Он не в силах был больше смотреть ей в глаза

---

[5] Примечания: 5
Господь этого не допустит. — *(португал.)*

и перевел взгляд на картину Бекки на стене. — Здесь мне сейчас делать нечего, Космофлоту мои советы уже не нужны. Про Иштар и иштарийцев я знаю не меньше всякого другого. Я к тому же и неплохой костоправ на тот случай, если она… ну ладно, ей в любом случае несладко пришлось.

Рода вдруг выпрямилась.

— А главная причина в том, — спокойно сказала она, — что ты её любишь.

— Я? — воскликнул он. — Конечно, я к ней хорошо отношусь… Но это смешно! Мы друзья, но… Она покачала головой:

— Не надо, дорогой. — Она давно уже не употребляла этого ласкательного обращения. Ей не удалось сдержать слез. — Я тебя знаю. Я знала все с самого начала, и знала, что вы оба передо мной чисты. Ты всегда ко мне хорошо относился, Иен. И я думаю, просто потому, что ты едешь туда, где опасно… Я хочу сказать, что благословляю тебя. Привези её домой невредимую.

Он прижал её к себе, начал возражать:

— Ты не права. Я даже и вообразить не мог, что тебе в голову придет такая дикая идея… — Он чувствовал, что это единственное, что он ещё может сделать.

— Ну, может быть, я ошиблась, — она тоже

прижалась к его груди. — Мы поговорим потом. Давай я тебе помогу собраться. А потом я позвоню Конуэям и спрошу, можем ли мы… могу ли я чем-нибудь им помочь.

«Должен ли я чувствовать себя виноватым оттого, что только испытываю неловкость? Или оттого, что некоторые мои планы опасны для жизни?»

Эта мысль пронзила его, как удар тока. Она почувствовала, как напряглось его тело.

— Что случилось? — робко спросила она.

— Ничего. Ничего особенного. — Он говорил автоматически, разум его где-то блуждал. — Мне пришла в голову мысль. Придется дня на два-три задержаться.

Глава 17

Порт-Руа — это казармы легионеров, их пристройки, мастерские, фактории, склады, таверны, дома местных жителей; все это сгрудилось вокруг узких и прямых улиц, чтобы прикрыться высокой стеной с башнями. За стену выползают палатки, киоски и навесы, где можно укрыться от дождя, но не от нападения. Еще дальше — фермы и пастбища, которые кормят город. Но большинство из них сейчас опустели и выжжены жарой. Некоторые разорены набегами тассуров. Легионеры рассылали отряды как на охоту и сбор провизии, так и для того, чтобы карать врагов.

С вершины горы, где стоял он во главе своих воинов, Арнанаку плохо был виден город. Гораздо лучше была видна длинная излучина реки Эзали, протекавшей через выжженное коричневое поле на пути к заливу Руа, да ещё хорошо было видно, как блестит за скалами Эхурское море. В подзорную трубу он видел несколько рыбацких лодок — далеко они не уходили, чтобы не попасться военным судам туземцев. Возле пристани виднелись бесчисленные мачты судов — линия

снабжения и путь отхода Зеры Победоносного.

Два солнца, казалось, добела раскалили небо. Воздух был неподвижен, а шкуры и гривы трескались от сухости, и все же, казалось, воздух кипел. Арнанак и его шестьдесят четыре воина не надели на себя ничего, кроме щитов и оружия, и не прикасались к его металлическим частям, и все же им было жарко. Каково же должно быть тем шестидесяти четырем из холодного Хаэлена и мягкого Бероннена, — там, на склоне, да ещё в полном убранстве и вооружении?

Они подошли спокойной рысью, от которой вздрогнула потрескавшаяся почва на склоне холма да полетели ошметки выгоревшей лиа, и укрепили свое знамя. Они тоже выстроились в боевой порядок. Отряд разбит на взводы (три воина в тяжелой броне и оруженосец, четыре пары лучников и стрелоносцев с большим щитом для обоих у каждой пары, восемь легковооруженных воинов, разведчики или бойцы встречного боя, как придется, и трое из катапультной команды — носильщик, наводчик и заряжающий). Оставался ещё один — командир, чтобы не превысить оговоренное число.

А оно было превышено, но Арнанак не стал беспокоиться. Потому что лишним был человек!

Облаченный в белое, с отчетливо вырисовывающейся на фоне неба головой, со своими загадочными повадками. Среди тассуров пробежал взволнованный говор.

— Стойте спокойно! — ободрил их Арнанак. — Это то, чего я ждал. Помните, что они смертны. Разве я не взял в плен одного из них?

Вновь прибывший был гораздо выше и шире, чем Джилл Конуэй, и без сомнения, мужчина. Арнанак подумал, не сотрет ли тот весь его отряд своим смертельным оружием, но решил, что нет. Как он тогда узнает, где женщина его народа? Он ведь наверняка прибыл на летающей лодке уже после того, как командир Зеры выпустил двух пленников с посланием, что хочет переговоров. Арнанак вышел из Улу в тот день, как известие до него дошло, и послал вперед курьера с сообщением о месте и условиях переговоров. Он только что прибыл и поставил лагерь. Поэтому он ничего не слышал о вновь прибывшем.

Легионеры остановились в двух полетах копья от него. Их знамя трижды наклонилось — знак мира. Арнанак вонзил меч в землю. Он и предводитель легионеров пошли навстречу друг другу.

Он с удивлением узнал не кого иного, как Ларреку. Про старого Одноухого знали все. Арнанак

видел его несколько раз мельком, когда заходил в Порт-Руа ещё до войны. Так он вернулся с Юга-за-Морем и рискует свой жизнью в расчете на благородство врагов? «А почему бы и нет, — подумал тассур. — Я-то здесь, а я для своих людей такой же источник силы, как и он — для своих».

— Приветствую тебя, могучий! — сказал Ларрека на тассурском. Он не добавил обычное пожелание удачи.

— Честь и счастье тебе, командир, и сотрудничество меж нами! — ответил по-сехалански Арнанак.

Ларрека спокойно стоял, вглядываясь голубыми глазами в зеленые глаза собеседника. Тот бессознательно принял позу солдата: руки и торс прямо, ноги квадратом, хвост отведен назад. Ларрека подошел ближе и протянул левую руку. Они обменялись рукопожатием посвященных в тайну Триады и сказали условные фразы. Потом расцепили руки.

— Где ты служил? — спросил Ларрека.

— Скороходы Тамбуру, — ответил ему Арнанак. — Корпус военных инженеров, в основном на островах Ирен. Но это было давно.

— Да, должно быть. Ты оверлинг Улу? Боги знают, как много я о тебе слышал. — Ларрека по-

молчал. — Но мы встречались раньше. Ты меня не узнал в шлеме. Но я тебя узнал бы и в Последней Тьме. Ты похитил человека с моего корабля.

Я перебросил её еду тебе на палубу.

Сердца Арнанака дрогнули. Была ли это судьба, посланная Солнцем или Янтарной звездой, или сам Бродяга, что меняет судьбы народов, — или это просто совпадение?

Но Ларрека стоял неподвижно, и он перешел к своей цели:

— Тогда хорошо, что мы встретились снова. Да поклянемся мы в мире на два дня, и нашим воинам не нужно будет остерегаться друг друга. — Он махнул рукой, показывая на установленные в его лагере навесы. — Мы принесли пива для наших гостей.

— У тебя, у меня и у этого человека есть работа, которую надо сделать.

— Есть.

Тем временем воины давали клятву, каждый на свой лад, ряды смешались, бойцы разоружались, южане охотнее северян. Ларрека представил посехалански Иена Спарлинга, Арнанак вежливо ответил и пригласил их к себе в шатер. Это была обычная палатка, хотя два её крыла были убраны, чтобы легче дышалось, и она стояла на пятачке,

покрытом голубыми мечевидными листьями. Семена старклендской жизни в Огненную пору прорастали лучше тех растений, что кормили иштарийцев.

Под пологом была тень, помосты для отдыха, пиво, мехи с водой и бокалы. Иштарийцы подогнули ноги, а человек резко сел, охватив руками колени, лицо опущено вниз, но его выражение можно разобрать. Арнанак сказал ему:

— Та из твоего народа, что зовет себя Джилл Кону эй, в добром здравии. Ей не причинили вреда, и я не собираюсь отдавать такого приказа.

— Это… рад это слышать, — хрипло произнес Иен Спарлинг.

— Я похитил её, когда представился случай, для того, чтобы получить возможность такой встречи, а не для чего-нибудь другого. Мы хотели бы мира. Но мы не получали ответа…

— Ты и не посылал нам слов, — перебил Ларрека, и голос его был суше земли. — Ты только сказал, чтобы легионы ушли и не возвращались.

— Это наша страна, — сказал Арнанак, чтобы человек услышал эти слова.

— Не вся! — отрубил Ларрека. — Наши места мы октады и октады назад выкупили у владельцев, хотевших стать цивилизованными торговцами.

И нам часто приходилось бороться с бандитами. А кто из вас, вооруженных варваров, имеет право на наши города?

Арнанак обратился к Иену Спарлингу:

— Мы, тассуры, охотно встречались бы и вели дела с твоим народом. Вы никогда не открывали нам дверь.

— Мы посылали сюда исследователей, — ответил человек. Его речь была очень похожа на речь Джилл Конуэй, но Арнанак уловил в его голосе напряжение. — Но это было задолго до того, как у здешних жителей появилась единая цель или что-то похожее на руководство. Потом у нас начались собственные хлопоты. — Он наклонился вперед. — А сейчас я пришел её освободить. Если ты воистину жаждешь дружбы её друзей, вели привести её ко мне.

— А потом мы поговорим?

— Чего ты хотел бы от нас?

— Помощи. Я слыхал, что вы собираетесь помогать Союзу ближайшие шестьдесят четыре года. Неужели мой народ менее заслуживает права на жизнь?

— Я не знаю… не знаю, что мы могли бы для вас сделать…

— Ага, — угрюмо ответил Арнанак. — Будто я

не слышал ничего о работе всемогущих машин в Союзе и даже про обещанные чудеса.

Иен Спарлинг секунду помедлил, и у тассура мелькнуло уважение, когда он услышал ответ:

— Я мог бы тебе пообещать все что угодно, но зачем? Ты слишком умен. Лучше вместо этого сегодня, сейчас, мы обсудим выкуп этой женщины. Попроси невозможного — и ты не получишь ничего. Даже хуже, чем ничего: ты получишь нападение на свою страну и крушение твоих планов. Попроси чего-то разумного — и я сделаю все, чтобы ты это получил.

И тем не менее Арнанак продолжал нападать:

— Если вы можете разорить весь Южный Валеннен, почему вы до сих пор не ударили? Ведь мы же приносим беды Союзу, тому Союзу, который вы хотите спасти. Почему же вы не помогли ему военной силой? Может быть, потому, что у вас её нет?

— Мы… мы просто не вмешиваемся в местные ссоры… — Спарлинг взял себя в руки. — Сейчас ещё не время для угроз.

Назови выкуп.

— Что вы можете предложить?

— Нашу добрую волю, прежде всего и больше всего. Кроме того, инструменты, материалы, со-

веты, которые помогут вам пройти через плохие годы. Вот, например, вместо этой тяжелой ткани для палатки ты мог бы получить ткань во много раз легче и крепче, которая не пропускает воды и не боится огня. С такой палаткой гораздо легче искать еду.

— Нг-нг, я бы предпочел то оружие, которое оказалось у нескольких солдат. — Арнанак взглянул на Ларреку. — И ещё — чтобы вы перестали помогать Союзу.

Командир легиона что-то неопределенно буркнул и отпил на два пальца из своей кружки.

— И это тоже не слишком хорошего вкуса.

— Я знаю, что вы двое переговорили сначала. — Арнанак сидел, сохраняя стальное спокойствие. — Я не думаю на самом деле, что люди были бы согласны — и даже могли бы — отказаться от своей давней цели ради одного из своих. И конечно, та, что у меня в плену, мне об этом сказала. Да будет почтенна её гордость.

— Если так, — сказал Спарлинг, — давайте говорить о том, что можно сделать реально.

— Хорошо, — согласился Арнанак. — Давай, Ларрека. Оставит ли Зера Валеннен по собственной воле и с нашей доброй волей, или нам придется вас истребить? Здесь кости мертвых

чтут и получают от них предсказания, но мало от них пользы в Бероннене. Не поздно ещё поторговаться о том, какие острова Огненного моря вы можете себе оставить, — пока мы вас оттуда не вышвырнем, — и лучше для вашего дела будет, если вы вернетесь домой невредимыми.

— Кончай тратить время, — отрезал легионер. — Я думал, мы могли бы поторговаться о мелочах, имеющих кое-какое значение. Если вы оставите в покое наших охотников и рыбаков, они будут ходить малыми группами и не станут пускать пал там, где находятся ваши стоянки. Вот так.

— Об этом можно договориться, — ответил Арнанак. Это тоже не было неожиданным.

— Постойте! — воскликнул человек. — А как же Джилл? Арнанак вздохнул:

— Ты не предложил ничего такого, что отвечало бы её цене как заложницы, не гарантировал, что ты и твои не встанут на сторону Зеры. Ты можешь что-либо такое назвать? Если нет, то мы будем держать её до нашей победы, а время от времени вести разговоры о её цене. И о многом другом. Понимаешь ли ты меня, Иен Спарлинг? Моя цель — да выживут тассуры! И не их обглоданные кости, а весь народ в силе и

богатстве. Ты не думал, что мы можем стать теми, кто даст вам большую цену? Даже если позабыть об остальном, у нас сейчас первый настоящий шанс обменяться знанием, которое может стоить больше, чем целый флот товаров. И потому не страшись за нее. Лучше подумай, как передать ей все, что может понадобиться для её здоровья, пока она среди моего народа.

Иен Спарлинг смотрел прямо перед собой. Издалека доносился говор солдат и воинов, бродивших по лагерю. Воздух под пологом сгустился и почти обжигал.

Молчание прервал Ларрека:

— Я знал, что вождь Валеннена должен быть столь же проницателен, сколь и силен. Но до сего дня я не знал, что он ещё и мудр. Очень жаль, что мы должны будем убить тебя, Арнанак. Лучше бы ты остался в своем легионе.

— Мне очень жаль, что ты не сдаешься, — не уступил в вежливости оверлинг.

Иен Спарлинг пошевелился.

— Отлично. Я был готов к такому исходу. Тогда возьмите меня к ней.

— Как? — удивленно переспросил Арнанак.

— Она одна среди чужого ей народа. У вас могут быть лучшие намерения, но вы не её рода и не

знаете, как с ней обращаться, а потому можете случайно принести ей вред. Пусти меня к ней. Что ты имеешь против? У тебя будут два заложника.

Арнанак смотрел не на его лицо, столь же непроницаемое и чужое, как лицо даура, а в глаза Ларреки. Командир застыл. Для него это предложение тоже было новостью.

Решение пришло. Что такое жизнь, если не сплошная цепь риска?

— Обещать я не могу, — предупредил Арнанак. — Чтобы добраться к ней потребуется много дней трудной дороги. Да и там тоже не будет легко.

— Тем больше причин идти, — ответил Спарлинг.

— Сначала я хочу просмотреть все, что ты берешь с собой, каждую вещь, в том числе еду. Я все перещупаю сам, и ты мне про все объяснишь, для чего это нужно, пока я не буду уверен, что ты не замыслил предательства.

— Согласен.

Глава 18

Джилл только-только прибыла в Улу, как Арнанак получил сообщение, снова позвавшее его в дорогу.

— Они предлагают переговоры в Порт-Руа, — сказал он ей. — Не сомневаюсь, что это из-за тебя. Но не особенно надейся. Тебе, скорее всего, придется остаться здесь. До осени или начала зимы.

Она поняла, что его совет был продиктован самыми лучшими намерениями. И вообще этот чернокожий варвар ни в коей мере не был злым. В глазах своего народа он был героем, а мог оказаться спасителем.

Они много разговаривали и очень сблизились. Сначала на борту его галеры, а потом в сухопутном путешествии от фиорда, где галеру оставили. Он очень старался облегчить ей переход через высокие горы. Она часто ехала на нем или на ком-нибудь из его воинов, как когда-то верхом на Ларреке. И это несмотря на то, что от её руки погиб его сын, от которого даже косточки не осталось, чтобы вызывать в снах его душу.

Когда он отбыл, оказалось, что плен очень легко

переносить. У неё была своя комната, в которую никто не мог войти без её позволения. Она была свободна в своих передвижениях. Однако возможности бежать у неё не было, потому что запас витаминов и аминокислот в перерывах между едой у неё отбирали.

— Ты бы лучше не ходила туда, где тебя никто не видит, — говорила ей Иннукрат. — Можешь потеряться.

— Я умею ходить по лесу, — отвечала Джилл, — и не думаю, что в Валеннене есть опасные звери. Иннукрат поколебалась, потом решила:

— Ты сначала дважды или трижды сходи с компанией и посмотри, найдешь ли дорогу домой.

Когда Джилл это проделала, других возражений не последовало.

Иннукрат была женой Арнанака, а после его отбытия — единственной из обитателей поселка, кто знал сехаланский. Дело в том, что раньше она занималась торговлей и, пока не началась война, доходила в своих странствиях даже до долины Эзали. В большинстве иштарийских сообществ соблюдались равенство полов — исключения бывали в сторону как матриархата, так и патриархата, — но в суровых и примитивных условиях требовалось большее разделение

ролей. Заграничной торговлей, как правило, занимались мужчины, а женщины среди прочих работ вели торговлю товарами внутри страны. Они не боялись нападения. Пока они не сходили с размеченных маршрутов, они сами и их груз считались священными. Джилл спросила, что будет, если это правило окажется нарушено.

— Редко когда приходилось мне слышать о таком, — ответила Иннукрат. Соседи выследили злодеев, убили их и засолили тела.

Поначалу Джилл до того захватило её новое окружение, что ей даже нравилось здесь, но её мучила мысль о том, как волнуются все, кому она дорога, и что она оказалась козырной картой в руках противника Ларреки. Но одна только усадьба стоила целых дней исследовательской работы. По расположению она напоминала южные усадьбы, но все остальное было совсем по-другому. Одну сторону мощеного двора образовывал зал — огромное одноэтажное здание из неоштукатуренных камней, массивных бревен, дерновой кровли. Половина его была комнатой, где семья собиралась за едой, другая половина поделена на службы и личные помещения. Привыкнув со временем к их угловатому стилю, она даже сочла, что столь красивой резной балюстрады крыши

и таких искусных деревянных стенных панелей она раньше не видала. Остаток усадьбы занимали строения попроще: навесы, сараи, мастерские, помещения для слуг и немногих домашних животных. Здесь всегда кипела жизнь, сотни слуг и работников сновали с места на место в трудах или забавах, а малыши были просто неотразимы. Но, не зная языка, Джилл могла только наблюдать. Валенненцы скоро научились не обращать на неё внимания.

Улу было расположено на восточных склонах холмов Стены Мира. Окрестный лес давал какую-то защиту от солнц, хотя многие деревья стояли голыми, и их красный или желтый наряд в этом году пожух, сморщился и опал. Попадающиеся тут и там голубые стебли Т-растений выглядели получше, а местами величественно расцветал феникс. В доме часто репетировали пожарную тревогу, и Джилл узнала; откуда феникс получил свое имя, переведенное с местного диалекта. Суть состояла в том, что его воспроизведение зависело от периодов огненного опустошения, настигавшего эти места каждое тысячелетие.

В своих лесных странствиях она однажды набрела на какое-то здание. Два вооруженных стражника преградили ей путь. Она спросила

у Иннукрат, в чем тут дело, и та ответила: «Об этом лучше не говорить. Дождемся оверлинга, и он расскажет, если захочет». Джилл решила, что это святилище или просто место, считающееся заколдованным. Хотя никто не мешал ей осматривать фамильные дольмены, из которых, как предполагалось, исходят вещие сны.

Но это стало единственным ограничением свободы её передвижений. По любой другой дороге она могла заходить настолько далеко, насколько позволяли голод и усталость. В десяти километрах к юго-востоку лес подходил к обрыву, и она любовалась видом, открывавшимся с горного пика на запад, поверх умбрийных холмов на выжженную двумя солнцами степь.

Время от времени попадались фермы. Здешняя общественная система остановилась на чем-то вроде добровольного феодализма. Районом правил оверлинг, он вел в бой своих воинов или на работу — работников, в случае необходимости разрешал тяжбы, вел главные религиозные обряды. Семьи поменьше могли сохранять независимость, если хотели, но чаще считали выгодней стать «клятвенниками» — вассалами, обязанными сюзерену определенной службой в обмен на защиту своих владений и доступ к его

продуктовым складам в лихую годину. Любая сторона имела право на расторжение контракта, и он никак не связывал следующие поколения — как только их представители проходили свой шестидесятичетырехлетний рубеж, до которого находились под абсолютной властью родителей.

Иннукрат говорила об убийствах, по большей части среди молодежи. Дети обоего пола росли воинственными и заносчивыми. «Они должны быть готовы к битве и уметь биться, когда на нас будет набег или мы сами пойдем в набег ты же видишь, как скудна наша земля». Но оверлинги и отцы всегда держали кровопролитие под контролем и гасили огонь вражды. «Да, — думала Джилл, иштарийцы действительно не люди».

Одиночество начинало её тяготить. Она брала уроки языка у Иннукрат, и женщина старалась помочь ей, чем могла. Но возможностей для этого было у нее не очень много, поскольку обязанности хозяйки были многочисленны и разнообразны. Джилл предложила помочь, но вскоре поняла, что только путается под ногами. Кроме того что у неё недоставало силы, работа требовала ещё и умения.

Она стала проводить большую часть дня вне дома. Открытые места были опасны солнечным

ударом, к тому же в лесах было интереснее изучать природу. Она мало походила на природу южного полушария, но, чуть освоившись, Джилл так увлеклась, что часто возвращалась поздно.

Вот так и произошла эта встреча.

Она возвращалась домой, когда оба солнца (теперь близко сошедшиеся) уже сели. В тропиках сумерки коротки. Однако через скудную листву пробивался свет лун, и его было достаточно. Часто её путь пролегал через то, что можно было бы назвать лугами, если бы они не были так иссушены. В начале одного из них тропа резко поворачивала около тростника, и она одним широким шагом вышла на открытое место.

Вокруг темными тенями стояли низкие искривленные деревья. За ними, справа от нее, серели в черно-пурпурном небе бастионы Стены Мира, а звезд виднелось меньше обычного, потому что Целестия выходила из-за горизонта почти полная, и рядом с ней уже сияла Урания. У них сейчас уже не было чистых фаз, и обе луны, если не считать золотого краешка, пылали бледно-красным. От их сияния над мертвой лиа и высохшими стеблями кустов воздух казался горячее, чем был. Над природой тяготело молчание.

Джилл заметила его и замерла. Только пульс

её участился, молоточками постукивая в горле и висках. Они застыли друг напротив друга. Существо пересекало луг, когда внезапно заметило её.

«Этого не может быть — игра лунного света, — я просто проголодалась и устала от жары, вот воображение и отправилось в свободный полет…»

Тень стала удаляться.

— Подожди, — крикнула она и неловко побежала вслед. Но существо уже исчезло между деревьями.

В мгновенном ужасе она стиснула рукоять кинжала, полученного от Арнанака. «Нет, оно убежало, а не… И все же мне лучше вернуться».

И удаляясь быстрее и быстрее от места встречи, она пыталась вспомнить контуры той фигуры, что показалась ей в красных лучах. Несомненно, Т-зверь. Каков бы ни был путь эволюции на Тамузе миллиард лет назад, он, возобновившись с микроорганизмов на Иштар, не совпал с путем иштарийской орто-жизни или земной эволюции. Полов было три. Не было развитых симбиозов, не было ни шерсти, ни молока, а гомеотермные животные регулировали свой теплообмен не химией или испарением, а, как многие растения, сменой цвета. Были среди них и своего рода позвоночные, но они происходили не от древнего

червя, а скорее от морской звезды: ни головы, ни нормальных конечностей просто пять членов, один из которых выполняет роль головы со ртом и органами чувств. Было среди них и несколько двуногих…

…но все они были малы. Это же было среди своей породы гигантом. Лепестки его верхней ветви доходили ей до груди. Ей показалось, что в области живота она успела заметить три глаза вокруг валика генитальной впадины. Длинные для его роста ноги были хорошо развиты, и существо скорее прыгало, чем ходило. Да и выглядевшие бескостными руки тоже были достаточно развиты, каждая кончалась звездообразной кистью с пятью пальцами. Руки? Пальцы? Именно так, если она не сошла с ума. Она видела поднятую правую руку с расставленными пальцами, и на ней остановила свой удивленный взгляд. В руке было нечто, похожее на нож.

«Иллюзия. Ничего другого, Я действительно сделала открытие — нашла никогда не виданного Т-зверя. Наверное, пришел с севера из-за изменившихся условий. Но всего лишь зверь!»

Впереди неё зажелтели окна. Она вбежала в холл, протолкалась через толпу его обитателей и одним духом выложила Иннукрат, что слу-

чилось.

Женщина сделала какой-то знак.

— Ты встретила даура, — сказала она с беспокойством.

— Кого? — переспросила Джилл.

— Подождем Арнанака, тогда и поговорим.

— Но ведь… — и тут во взволнованной памяти всплыли данные ксенологического изучения обитателей Валеннена, данные, полученные по большей части из вторых рук, от обитателей Союза, но внесенные в книги, которые ей довелось читать. «Даур. Дауры. Кажется, я вспоминаю, они верят во что-то вроде эльфов или духов или малых демонов…» — Это те, кто… э-э… живет в чаще и обладает волшебной силой?

— Я же тебе сказала — дождись Арнанака, — ответила жена вождя.

Он вернулся через несколько дней. Джилл не знала, через сколько точно, она уже потеряла им счет.

Она случайно была дома, когда он прибыл. Чтобы поберечь человеческую одежду, она выпросила кусок грубой материи, которую туземцы делали из растительных волокон, и сшила себе несколько балахонов по колено, чтобы их можно было носить с веревочным поясом. Она же не

была иштарийкой, у которой жизнь зависит от обилия солнечного света; наоборот, Бел мог сжечь ей кожу. Лицо, руки и ноги у неё достаточно загорели, чтобы о них почти не беспокоиться. И ещё ей потребовалась обувь — ботинки уже износились.

Большая часть того, что потреблялось в хозяйстве, в нем же и производилась. Иногда и валенненцы нуждались в обуви. Женщина, которая лучше других умела делать кожаные вещи, выразила желание сшить для Джилл две или три пары — то ли потому, что это было отдыхом от обычной рутины, то ли раззадоренная трудностью задачи, то ли из простого сочувствия, а может быть, по всем этим причинам. Ей требовалось, чтобы девушка все время была под рукой — и как живой манекен, и для того, чтобы объяснить с помощью жестов и небольшого запаса тассурских слов, подходит ли обувь.

Джилл стояла в мастерской, держа зонтик, который смастерила себе от жары и солнца. Вдруг раздались крики, топот ног, бряцание железа. Во двор влетел Арнанак и его свита. Джилл уронила зонтик. У неё на секунду закружилась голова. Потом с криком «Иен!» она сломя голову бросилась через двор, обжигавший её подошвы.

— Иен, милый!

И в его объятия — она ткнулась лицом в его грудь, прижалась к телу сильного мужчины, ощутила твердость человеческого тела, запах человека. Оторвавшись от него на секунду, она впилась взглядом в его лицо с крючковатым носом и снова поцеловала его с трепетной нежностью, как любовника.

Наконец они смогли чуть отодвинуться друг от друга, сцепив руки и не отводя глаз. И им не было дела до всей толпы иштарийцев, толкавшихся вокруг в слепящем бело-багровом сиянии.

— Иен, — пролепетала она наконец, — ты приехал меня увезти?

С его лица исчезла радость, и кости скул выступили резче, как рифы в отлив.

— Прости, дорогая, — сказал он потухшим голосом, — пока ещё нет.

Прежде всего она несказанно удивилась:

— Как? Тогда зачем ты здесь?

— Ну не мог же я оставить тебя здесь одну? — Он взял себя в руки и быстро заговорил: — Ты не бойся. Я здесь по соглашению. Арнанак не готов отпустить нас — они с Ларрекой смогли договориться только по мелочам, которые не касаются ничьих основных целей. Но он согласился на

хорошие отношения с нами, людьми. В конце концов, он совершенно правильно считает, что два заложника лучше, чем один. Основная идея — отпустить нас на соответствующих условиях, которые могут быть не чем иным, как дипломатическим признанием его королевства; а для этого лучше с нами обращаться хорошо. Мы много с ним беседовали по дороге. Он по-своему неплохой парень. А пока что я принес еду, лекарства, одежду и вообще все барахло, которое мог для тебя захватить. И ещё — твои любимые книги. Она смотрела в его зеленые глаза и думала: «Он меня любит. Как я могла не понимать?»

— Ты не должен был…

— Черта с два! Я тебе объясню ситуацию — у меня куча новостей для тебя — но давай по порядку. Как ты здесь?

— Все хорошо.

— Ты хорошо выглядишь. Немножко похудела, но выгоревшие волосы при загорелом лице — ты теперь просто платиновая блондинка. — И сразу же быстро: — Дома все о'кей, по крайней мере когда я последний раз говорил с ними из Порт Руа. Тебе привет. Все ждут твоего возвращения.

— Чиу, — вмешался по-сехалански в их английский разговор Арнанак, — не хотите ли войти

в дом? Вы оба — мои гости, и комната вас ждет. Ваш багаж принесут. А вечером будет пир. Но до того вам, наверное, есть о чем поговорить.

Им было о чем поговорить. Спарлинг понимал, что для Джилл не надо смягчать правду.

— Ничего реального, никакого компромисса. Пара мелких соглашений, чтобы смягчить последствия войны для обеих сторон — такие соглашения на результате не скажутся. Тассуры не остановятся, пока последний легионер не покинет Валеннен или не умрет. Зера будет держаться до последнего легионера в ожидании подкреплений. Я не могу обвинять варваров. Как объяснил Арнанак, если они останутся там, где живут сейчас, Огненная пора — так они её называют — убьет почти всех. Это мы, люди, должны были бы о них раньше подумать, наметить программу для спасения и этой страны. Если бы эта свинья Дежерин не заставил нас все бросить.

— Юрий не негодяй, — возразила Джилл. От её слов Спарлинг помрачнел и скривился, словно от боли, — ей пришлось погладить его по щеке и прильнуть к нему теснее. Они сидели бок о бок на соломенных матрасах, служивших ей постелью, вытянув ноги на глиняном полу. Единственное окно прикрывал войлочный козырек, и в комна-

те было даже прохладно. Вместо двери — такой же занавес отделял комнату от коридора, и через него слышался радостный шум подготовки к пиру.

— И Арнанак тоже, — ответил он, размягчаясь от её ласки. — Но у каждого — своя миссия, и да поможет Господь тому, кто станет у них на пути. Арнанак хочет завоевать для своего народа территорию, не так поражаемую периастром, и выжить. А это, разумеется, влечет крушение Союза. Союз же не может смотреть и бездействовать, дожидаясь, пока входящие в него сообщества не будут разорены, выселены, опустошены или порабощены. А когда падет Союз, Бероннен останется беззащитным. И снова придет конец цивилизации на Иштар. Арнанак не оставил у меня сомнений по этому поводу.

— У меня тоже, — сказала Джилл. — Хотя он считает, что его потомки её унаследуют и восстановят.

— В свое время. Учитывая продолжительность жизни иштарийцев, очень нескоро. А какой ужас будет твориться тем временем, и сколько окажется потеряно безвозвратно?

— Знаю, Иен.

— Нам остается очень мало времени на помощь

Ларреке. Арнанак мне сказал, что рассылает гонцов собирать силы. Я думаю, что у Порт-Руа есть ещё месяц, а потом Арнанак спустит дьяволов с цепи.

Джилл ненадолго затихла. Голос Спарлинга звучал не так, как должен был бы звучать голос человека в безнадежном положении. Наконец она сказала:

— Ты говоришь так, как будто бы мы что-то можем сделать. Он кивнул. Качнулся вихор в его черных с проседью волосах.

— Мы можем попробовать. Джилл, я все равно пришел бы к тебе на помощь, но у меня был повод. — Он отогнул рукав на левой руке, на которой она так уютно устроилась. В часы был вделан микропередатчик. — Арнанак проверял мою кладь предмет за предметом, и только после этого разрешал мне его взять. Но, как я и надеялся, это он пропустил. Поверил моим объяснениям, что это талисман.

Она поморщилась:

— К чему это ты? Мы в трехстах километрах от Порт-Руа, если не дальше. Даже в идеальных условиях высокочувствительный приемник уловит этот сигнал не больше, чем на расстоянии километров в десять.

— Ага! — он погрозил ей пальцем. — Ты недооцениваешь мое низкое коварство.

Полная надежды от озарившей её догадки, Джилл ответила:

— Если оно низкое, то я, пожалуй, готова пересмотреть оценку.

— Как тебе больше нравится — усмехнулся он. — Но вот что: Ларрека помог мне продумать детали. По одному из условий соглашения туземцы дают возможность легионерам свободно охотиться, а солдаты за это не будут поджигать леса и саванны. Ну, я и дал им несколько этих релейных станций с солнечной батареей — те самые, пятой модели, которые ставят в Южном Бероннене в тех местах, где неудобно устанавливать стационарные. Так вот, некоторые из охотничьих партий поставят их там, где никто не увидит — на вершинах холмов, в группах деревьев и так далее.

— Иен, но как же они подберутся достаточно близко к нам?

— Они и не смогут, тем более что им неизвестно, где мы. Как Ларрека тебе наверняка говорил, он не знает, где находится Улу — главная ставка его противника. Арнанак оказался на этот счет очень хитер и предусмотрителен. Но ведь хотя

бы одно из этих реле окажется не дальше ста километров отсюда. — Спарлинг перевел дыхание. Она про себя отметила, как ей приятно видеть его радость. — Так вот, я прихватил несколько пластиковых контейнеров с белковыми порошками, да ещё и разной величины, чтобы запутать Арнанака. Он из каждого содержимое высыпал и засыпал обратно, как я и ожидал. Но двойного дна он не заметил. А в одной из банок контрабандой провезен передатчик чуть побольше и помощнее — как раз на этот случай. Он включается сигналом от моего микропередатчика. От него срабатывает релейная станция у же на частоте пониже, не ограниченной пределами прямой видимости — а её сигнал уже примут и дальше чем в ста километрах!

— О-о-о! — она смотрела на него в упор, тело её возбужденно напряглось.

— Только не надо спешить, — предостерег Спарлинг, — наша схема зависит от каждого звена цепи. Сначала надо подождать, пока все остальные части попадут на место. Тогда мы установим радиоконтакт с Порт-Руа. Да, они могут связаться с Примаверой, но все же… И наконец, с тем незначительным оборудованием, которое я смог пронести, мне нужно чуть больше времени для

достаточно точных наблюдений местности.

— Наблюдений?

— Конечно. Я думаю, что можно будет определиться по звездам и по таким наземным ориентирам, как горные пики, чтобы привязать местность к карте. И тут мы уже сможем выбрать точку рандеву, куда за нами прилетит флаер. — Он застенчиво улыбнулся: — Ничего другого я за такой короткий срок не придумал.

«Короткий, — подумала она. — Я никогда раньше не замечала этих смешных коротких складочек в углах твоих губ».

«Черт его побери! Я не хочу быть несчастной пленницей, тоскующей по своему рыцарю».

До неё дошло, каков может быть её вклад.

Арнанак был в невероятно хорошем настроении. Пока он ел и пил и горделиво рассказывал, стоя на почетном месте у стола в зале, она не могла им не любоваться. Она не пыталась сделать вид, что перешла на его сторону для этого он её слишком хорошо знал. Но она ясно дала понять, что у неё сложилось благоприятное мнение о его народе и что она будет рада ходатайствовать за них перед людьми. «И это не ложь. Мы должны помочь — и им, и Союзу. Моя ложь — лишь только сокрытие правды о том, что наша жестокая

и идиотская война делает это невозможным». Но чувство вины поубавилось, когда Арнанак ответил:

— Мы поговорим подробнее, когда я сокрушу их в Валеннене. Это я должен сделать хотя бы для того, чтобы сохранить поддержку тассуров. Я снова и снова предупреждал легион: если не уйдете, погибнете. И теперь, когда мои воины собираются вместе, они должны увидеть, как держит свое слово Арнанак.

Спарлинг, послушавшись Джилл, оставался немногословным и не проявлял заинтересованности. Оверлинг уже имел представление о людских жестах и выражениях лица, а Иен лучше умел сдерживаться, чем притворяться.

Под конец пира Джилл стала серьезной и сказала:

— Я хотела тебя спросить кое о чем. Мы можем выйти все втроем?

Арнанак согласился. Выйдя со двора, Джилл тронула его за локоть и показала:

— Сюда. Он напрягся:

— Этот путь ведет к запретному месту.

— Знаю. Пройдем чуть-чуть.

Он уступил. Они остановились, когда дом скрылся из виду. Оба солнца зашли за Стену

Мира, но ещё не спрятались в океане. Между низкими деревьями и сухими кустами лежали густые тени. Голубое небо темнело, белели на нем планеты и красным сияла Эа. Бриз принес призрак прохлады, зашелестели стебли лиа.

Глаза Арнанака зелеными фонарями светили из тени, отбрасываемой его гривой. Глубоким и звонким голосом он сказал:

— Говорите, но кратко, у меня у самого здесь есть дело.

Джилл сжала руку Спарлинга, ощущая его поддержку. У неё чаще забилось сердце.

— Кто такие дауры, и какие у тебя с ними дела?

Он бросил руку к рукояти меча:

— Зачем тебе это?

— Кажется, я встретила одного из них. — Джилл описала свою встречу. Иннукрат ничего мне не сказала — только велела дождаться тебя. Но я уверена, что о них все знают. Я вспоминаю, как я тоже что-то слышала. Напряжение отпустило Арнанака.

— Да. Они — существа, создания, но не смертные. Наш народ верит, что у них есть волшебная сила, и многие приносят небольшие жертвы — вроде миски с едой — там, где видели даура. Но

такие встречи редки.

— Но ведь дауру эта еда без пользы, правда?

— Что ты имеешь в виду?

— Полагаю, ты знаешь, о чем я. Помнишь, моя работа — изучать животных. И в дауре, которого я видела, не было ничего волшебного. Он был такой же смертный, как я или ты — просто это создание принадлежит к тому же виду жизни, что феникс или прыгонор, к тому виду, что полностью господствует в Старкленде. Но у него был нож. Я видела металл. — «А видела ли?» — Арнанак, если бы дауры так развились, что умели бы копать шахты или выплавлять металлы, мы, люди, это обнаружили бы. Я думаю, что нож они получили от тебя — по условиям сделки.

«Прыжок в темноту. Но Господи, иначе ведь и быть не может!»

Спарлинг добавил:

— Я тебе говорил, мы пришли сюда исследовать эти страны, понять, что они такое. И мои товарищи будут очень благодарны любому, кто внесет новый важный вклад в их работу, принеся новое знание.

Арнанак стоял неподвижно. Вскоре он принял решение.

— Ладно! — сказал он. — Это не такая уж тайна,

в конце-то концов. Я кое-что говорил об этом другим тассурам. А вы двое останетесь здесь до завоевания Валеннена. Идите за мной.

Он повернулся и пошел по тропе. В конце короткого пути Спарлинг наклонился и сказал на ухо Джилл:

— Ты была права. Целая разумная раса — и ты первая об этом догадалась.

— Ш-ш, — предостерегла она. — Не говори по-английски. Он подумает, что мы сговариваемся.

Они дошли до хижины. Часовые подняли копья, приветствуя вождя, и отступили в стороны. Арнанак открыл дверь, пропустил людей вперед и тут же закрыл дверь, чтобы часовые, снова занявшие свой пост, не могли заглянуть внутрь.

Внутри хижины лили тусклый свет, рождая причудливые тени, два глиняных светильника. Единственная комната была обставлена примитивной миниатюрной мебелью. На полках стояли голуболистные растения, лежали странной формы куски мяса: еда для Т-жизни. Задняя дверь с защелкой изнутри давала возможность свободно входить и выходить тем, кто здесь жил.

У Спарлинга перехватило дыхание. Джилл стиснула его руку. Но сама этого не заметила — она смотрела на существа, напоминающие

морских звезд. Они попятились, испуская тоненькие свисты и журчания.

Иштариец — орто-иштариец — успокоил их несколькими тассурскими словами, и они сгрудились около пришельцев, которые должны были казаться им невероятно странными.

— Вот история моих приключений, — сказал Арнанак.

И пока он рассказывал, Джилл смотрела и смотрела. Подобно большинству софонтов, дауры имели неспециализированное тело. Джилл нашла некоторые, слегка измененные черты, характерные для Т-существ. Внутри этих отдаленно напоминающих шар торсов находится скелет из сцепленных колец, с шарнирными соединениями для пяти конечностей. Верхняя ветвь заканчивается пятью лепестками, которые служат как хеморецепторы и как языки, проталкивающие пищу в пятиугольный рот. Под каждым лепестком осязательный усик и натянутые волокна слуховых мембран. На концах рук пять симметричных пальцев, которые не могли бы обхватить рукоять ножа так хорошо, как пальцы человека или иштарийца, но гораздо лучше держали бы что-либо вроде топора. Да, Джилл теперь увидела, как сделаны их ножи, и пора-

зилась изобретательности Арнанака, который, очевидно, это и придумал. Там, где руки переходили в туловище, находились хорошо развитые глаза, хотя и странного вида, потому что вся сфера глаза самозатемнялась в зависимости от яркости света. Под веткой-головой находился более примитивный третий глаз для координации неперекрывающихся полей зрения первых двух. Рудименты ещё двух глаз превратились в выступы над ногами, по форме, цвету и запаху которых можно было сказать, что здесь представлены все три пола. Остальная часть тела в этом освещении казалась темно-пурпурной. При ярком дневном свете она блестела бы белым металлом — не очень редкое явление на этой планете, где многие растения приспосабливались именно так.

Да, замечательно, но вполне понятно, как всякая Т-жизнь — если бы не разум.

А когда Арнанак закончил свой рассказ и достал из ящика Дар, принесенный из Старкленда…

Оба человека вскрикнули. Хрустальный куб, со стороной около тридцати сантиметров, был наполнен чернотой с мерцающими всеми цветами точками. Когда Арнанак пошевелил предмет, видение изменилось, и рядом то с одной, то с другой искрой стали появляться какие-то символы.

— Смотрите хорошо, — сказал оверлинг из Улу. — Вы не скоро увидите его снова, если увидите вообще. И он, и эти дауры уйдут со мной через пару дней, дабы воодушевить моих воинов на ратный труд.

В их комнате уже горела лампа, а Спарлингу приготовили матрас, зашуршавший под ногами, когда они вошли. От горящего масла шел сосновый аромат, комнату наполнял теплый воздух, окно пропускало свет ярких звезд.

— Господи, Иен, что за чудо! — Джилл давно уже не испытывала такого радостного восхищения.

Черты его лица заострились сильнее обычного.

— Да. Но что толку? Как бы там ни было, мы передадим информацию.

— Мы. — Она снова схватила его за руки. — Как хорошо, что ты там был и видел это вместе со мной. Ты хоть понимаешь, что это значит?

— Я? Я очень рад, что мне посчастливилось там быть.

Охваченная внезапным порывом, она сказала:

— Иен, сейчас впервые предоставляется случай тебя отблагодарить. На самом деле это просто невозможно, но я уж сделаю, что смогу.

— Ну, вообще-то… — уголок губ у него припод-

нялся, но видно было, что ему неловко. — Слушай, я должен был бы настоять на двух отдельных комнатах. Если у них нет свободной, — а похоже, что нет, — я бы… ладно, я найду свой спальник, куда бы они его ни засунули. Спокойной ночи, Джилл.

— Что? Спокойной ночи? Не смеши меня!

Он попятился, но она обхватила его руками за шею и стала целовать. Через секунду он ответил на её поцелуй.

— Перестань быть таким ужасно честным, — прошептала она наконец. — Я сама очень люблю Роду, и… тебе не надо говорить, что ты не ждал награды. Но я так хочу!

«Я хочу, хочу. Слишком долгим казалось воздержание. И потом, я не знаю, способствует ли открытие телесному возбуждению? Как бы там ни было, кому будет хуже от взаимной нежности двух людей, которые могут и не вернуться?»

Какой-то беспокойный внутренний голос успел подсказать, что у неё кончился срок действия последней противозачаточной прививки. «Да пошел ты», — ответила она ему. Мелькнула ещё мысль, что Спарлинги всегда хотели ещё ребенка, но в Примавере некого было усыновить.

— Мне кажется, что я тебя люблю, Иен, — ска-

зала она.

Глава 19

Когда в Улу праздновали середину лета, солнцестояние Бел, и вовсю шли песнопения, пляски; бой барабанов и жертвоприношения, желтое солнце догнало красное в беге по небу. Теперь уже Ану стала гнаться за Бел. Жара плыла над материком, ревели сухие бури, днями длились степные пожары, и горький дымок курился над холмами. Белые груды облаков взлетали на Стену Мира, но ни одно не хотело пролить свою влагу над иссушенной страной.

Спарлингу на все неудобства было наплевать, Джилл говорила, что ей тоже. Он ей верил хотя бы потому, что она была самым откровенным человеком из всех, кого он знал. При почти нулевой влажности выносить жару легче надо только расслабиться и дать телу действовать самому. Еда была спартанской, но её хватало. Если не считать строгого контроля за диетой, туземцы очень дружелюбно относились к заложникам, всегда готовые помочь или предоставить их самим себе. Чаще всего им требовалось последнее, потому что мужчина и женщина брали от дней и ночей

все, что могли.

Он никогда не был так счастлив, как теперь. Правда, для него это чувство переплеталось с чувством неловкости и вины не столько даже перед Родой, сколько за то, что он не посвящает свое время работе. Но, как он сам заметил, счастье никогда прямой дорогой не ходит — это свойственно только страху и боли.

О своем будущем они с Джилл не говорили никогда. Такие разговоры быстро оканчиваются тем, что любовь уходит. Он тоже, как и она, бросил считать дни — пусть себе идут своим чередом. Потом уже он вспомнил, что их прошло сорок три, и пожалел, что они не были земными по длительности. У них было чем заняться, кроме выяснения отношений. Они сидели у пересыхающего ручья, чуть облизывавшего подошвы ранее скрытых камней. Над высоким кустарником, сохранившим ещё достаточно листвы для тени, белело выгорающее небо, а солнца разбрасывали пятна золота и рубина. По ветке ковылял птероид, синий, словно зимородок, высматривая ихтиоидов, которые уже вряд ли появятся. Он устало перебирал четырьмя ногами по ветке, как будто жара и голод успели наполовину высосать из него жизнь.

— Попробуем ещё раз, — сказал Спарлинг, поворачивая рукоятку передатчика. Джилл теснее прильнула к его руке.

Чистый запах её волос обдал его волной.

— Вызываю Порт-Руа. Прошу ответить на этой частоте.

— Подразделение армейской разведки Х-13 вызывает Порт-Руа, торжественно добавила она. — Секретно и срочно. Нужны новые маски. Фальшивые бороды провоняли луком — носить невозможно.

«Хотел бы я иметь такое чувство юмора, как у нее, — подумал Спарлинг. — Не из-за него ли она так великолепна в постели? Не то чтобы мне было много с кем сравнивать. Я раньше даже не знал, что бывает разница».

— Честно говоря, я уже волнуюсь, — сказал он. — У Ларреки должен быть кто-то возле приемника круглосуточно.

Либо наша идея не сработала, либо…

Его прервал тихий, как писк насекомого, но все же отчетливый в наступившей тишине звук:

— Говорит Порт-Руа. Вы — пленники-люди?

Джилл вскочила и заплясала от радости.

— Да, — ответил Спарлинг, тоже испытывая облегчение, но не так остро, как она. — У нас все

в порядке, А у вас?

— Тихо. Слишком тихо, по-моему.

— Ага. Это ненадолго. Связать нас с командиром можете?

— Не так сразу. Он инспектирует систему сигнализации. Ждем к завтрашнему утру. Могу связать вас с Примаверой.

— Не надо. Лишний расход батарей. Я не смог протащить контрабандой достаточный запас. — «Да и с Родой я сейчас не хотел бы говорить». Свяжитесь с ними и сообщите, что с нами очень хорошо обращаются. Я вызову вас снова — скажем, послезавтра, около полудня. А пока — до свидания. Удачи вам.

— Да снизойдет к тебе доброта Двоих, и да не причинит тебе зла Бродяга.

Спарлинг отключил рацию.

— Ну вот, — сказал он, — мы сделали большой шаг в нужном направлении.

— Ты сделал! — воскликнула она, бросаясь к нему нашею.

Они шли под звездами и лунами. Свет, падающий меж вершинами гор на безлесную гряду холмов, окрашивал её лавандой, переходящей вдали в пурпур там, где сливалось небо с землей на закрытом дымкой горизонте. Мягкий теплый

воздух был напитан запахами. Пели какие-то создания, напоминающие канторов Южного Бероннена.

— Я даже не думал, что Огненной порой возможны такие ночи, а ты? - спросил он. И взглянув на нее, добавил: — Это как у нас с тобой — все вокруг рассыпается и гибнет, а мы упиваемся радостью.

Они шли, сплетя пальцы, и она чуть-чуть их сжала:

— У людей всегда, наверное, так было. Иначе они бы вымерли.

Он поднял глаза к звездам:

— Я вот думаю, не древнее ли иштарийское небо мы видели?

— Ты имеешь в виду тот Дар, что показывал Арнанак?

— Именно его. Я бы хотел, чтобы мы могли на него взглянуть получше. Я думаю, что это была модель неба, заключенная в микрокомпьютере на основе кристалла с питанием от солнечных батарей или долгоживущих изотопов. То ли для космической навигации, то ли для обучения, то ли… — он вздохнул. «Я здесь со своей возлюбленной, а занудствую, как профессор». — Кто может знать, что было на уме у покойника? Тем более у

вымершего народа.

— Если они вымерли, — подхватывая эту тему не менее охотно, чем разговор о них самих, ответила Джилл. — Они могли уйти ещё куда-нибудь. Посмотри, они же смогли создать предмет, который сопротивляется разрушительному влиянию времени более миллиарда лет. А где-то на севере лежат остатки их колонии — выветренные, полузасыпанные, и если мы их найдем, то посчитаем руинами. Но если они смогли сделать такое, может быть, они смогли и выжить?

— Если, если и если! — воскликнул он, ощутив, как кратковременна жизнь человека.

— Мне часто кажется, что это самое замечательное слово в человеческом языке, — заметила Джилл.

— Конечно, мы — то есть ты — сделали открытие, подобных которому не случалось с…

— Нет, милый. Мы сделали.

— Я много бы дал за то, чтобы знать, как передать эту информацию. Как бы сделать так, чтобы она не умерла с нами, если такое случится?

— А почему не сказать Ларреке? Что ещё можно придумать? Он сообщит в Примаверу. И смотри, — Джилл поднялась, захваченная собственной мыслью. Правда становится известна.

Арнанак использует мифы и предрассудки в политических целях. Если тассуры поймут, что дауры смертны, что он просто договорился с представителями других видов и что они ему помогают в обмен на обещание лучших земель после гибели цивилизации — ты себе представляешь, какой это удар для боевого духа?

Он покачал головой:

— Нет, милая. Я об этом уже думал. Если слово разойдется, значит, его секрет выдали, а кто мог это сделать, кроме нас? Он там, в хижине, рассказал нам историю своего путешествия, и другим он тоже о нем рассказывал, но о своих политических целях не — говорил — от этого исчезла бы его власть над их душами.

— Именно, — подтвердила она.

— И ему не надо будет знать технологию радиосвязи, чтобы понять, кто это разболтал секрет. А тогда…

— Не могу себе вообразить, чтобы он был мстителен.

— Может быть, да, может быть, нет. Он может убить нас из предосторожности. Так рисковать тобой я не могу.

— Да-а, я тебя понимаю. Я у себя одна. — Она остановилась, и ему пришлось остановиться

тоже. В нежном свете он увидел, как она сморщила нос в улыбке. — Что ещё важнее, ты у меня тоже один.

Он притянул её к себе. Дерн был из Т-трав, пушистый и мягкий.

Позже он приподнялся на локте и глянул на это чудо — на нее.

Подняв руку, она взъерошила его волосы.

— Беру обратно свои слова, — промурлыкала она.

— Какие?

— Насчет того, что «если» — самое чудесное слово. Ему — только второе место. А первое — хорошему английскому возвратному глаголу, произнесенному тобой после слова «давай-ка».

Некоторое время они могли прожить без своих дополнительных рационов. Но когда они объявили о своем желании уйти с ночевкой, Иннукрат выдала им небольшой паек.

— На западе крутые горы, — сказала она. — Вам лучше быть в хорошей форме.

— Ты хорошая женщина, — сказал Спарлинг. Его мучила совесть.

— Если ты говоришь, что думаешь, то, когда ты вернешься домой и снова обретешь силу, не забудь — не меня, а моих детей.

Покинув ферму, люди ускорили шаг. Спарлинг нес карманный компас, разрешенный ему, потому что тассуры видели подобия таких у легионеров, Джилл записывала наблюдения под его диктовку. Арнанак, не видя вреда в том, чтобы они вели записи того, что видят, не возражал против бумаги, карандашей и планшета.

— Ты действительно можешь так точно измерять расстояние шагами? - спросила Джилл.

— Довольно точно, — ответил он. — Конечно, я предпочел бы лазерный теодолит и переносной интегратор, но мне трудно было бы объяснить их назначение.

В результате они сделали наблюдения, которые дали возможность привязать Улу к карте с точностью до метров.

На следующий день, когда они возвращались, спускаясь серпантином по раскаленным каменистым склонам, рация вдруг ожила, Спарлинг, пробормотав «Что за черт», нажал кнопку приема.

— Техник Адисса из Порт-Руа, — сказал тонкий голос. Вам сообщение из Примаверы.

— Святой Хануман! — он разозлился до красного каления, столь же яростного, как бешеный свет вокруг него. — Идиот ты этакий, мы могли

бы быть среди тюремщиков!

— Ка-а, — сказал извиняющийся голос.

— Полегче, милый, — успокоила его Джилл. — Ничего плохого не случилось. Наверное, недавно нанят, прошел обучение у людей и рвется к службе. — Она наклонилась к браслету: — Как говорят у нас на сцене: не зови нас, мы тебя сами позовем.

— Прошу вашего извинения, — ответил смущенный иштариец.

— Считай, что ты его получил. Мы не расскажем Ларреке, — пообещала Джилл. — Поскольку сейчас прием безопасен, в чем состоит сообщение?

— Прежде всего, что делается в легионе? — спросил Спарлинг, несколько смягчившись. Он прислонился к дереву, ища намек на тень от шуршащей сухой листвы.

— Оружие пока в ножнах, — ответил Адисса. — Но от огня пострадали ближайшие охотничьи угодья, и командир больше не посылает охотничьих групп. Корабль, на котором я прибыл, привез припасы и несколько солдат. Мне сказали, что это последнее, что может выделить наш легион — то есть те его части, которые не здесь, — и что больше солдат не будет.

Двое людей уселись под утесом. Адисса вклю-

чил запись — раздался голос Боггарта Хэншоу.

— Привет, вы двое. Думаю, вы захотите услышать новости, хотя, честно говоря, мало что хорошего могу сказать. Спешу сообщить, что лично у нас все хорошо. Но в остальном у нас полное затишье, или, точнее, застой. А вы тут стали символом, целью, не знаю как вас ещё назвать. Обычная ситуация. Люди живут как живется, но тем временем у них растет гнев, и наконец из пересыщенного раствора выпадают его кристаллы — охи твердые. Что до данного случая, я могу сказать только вот что. Новости с фронта: снова патовая ситуация, только уже не затишье, а мясорубка. А сверх всего этого двое членов нашей общины стали пешками в руках варваров из-за той же идиотской войны. И вот вдруг в Примавере началась забастовка. Все постоянные жители и даже контрактники полностью отказались сотрудничать со строителями базы. Они даже разговаривать не хотят ни с человеком в форме, ни с «коллаборационистом». Те, кто предпочли бы вести себя по-другому, не считают, что это стоит того, чтобы стать предателем в глазах своих друзей. Как сами понимаете, от этого масса неприятностей. Капитан Дежерин взывает ко мне чуть не каждый день. По молчаливому

согласию, я — единственный житель Примаверы, который может иметь дело с его людьми и остаться кошерным — все понимают, что кто-то должен. Он произвел несколько арестов, но быть арестованным рассматривается как высокая честь, и он выпустил арестованных и снял обвинения. Он не глуп и не зол, как вы знаете. Мне его жалко. Он очень трогательно просил сообщить ему, как только от вас что-нибудь будет. Но об этой связи мы ему не сказали. Между нами говоря, я не уверен, что община поступает разумно. Я понятия не имею, к чему может привести такое сопротивление. Может быть, к отмене проекта Космофлота, а может быть, к урезанию последних наших фондов — кто знает? Я считал, что вы должны знать, как обстоят дела, на тот случай, если вы будете пытаться договориться со своими тюремщиками. Я и дальше буду вам сообщать, что происходит. Вы о нас пока не волнуйтесь. Как говорит пословица, положение отчаянное, но не серьезное. До свидания. Теперь Рода.

— Добрый день, дорогой, — произнес женский голос и продолжал говорить какие-то ласковые слова по-португальски. Спарлинг сжал руки в кулаки и стиснул зубы.

— Джилл, — закончила Рода по-английски, —

твои родители, твоя сестра и её семья передают тебе привет и поцелуй. — В самом ли деле в её голосе слышались слезы? Она продолжала: — Я тебя тоже люблю и целую. Не болей. Спасибо тебе за то, какая ты есть, и за все, что ты делаешь. Я молюсь о твоем благополучном возвращении. До свидания.

Голос умолк.

— Это все, — сообщил Адисса.

— О'кей, — машинально ответил Спарлинг. — Отключаемся.

Он молча сидел, глядя на выжженные горы. Джилл обняла его за талию.

— Твоя жена заслуживает лучшего, чем я, — сказала она.

— Да нет, — вяло ответил он. — Я хочу сказать, что ты чистая, и храбрая и… слушай, мы же ничего ни с чем поделать не можем, правда? «Трусливая уловка». — Вопреки моим собственным чувствам, — продолжал он, я разделяю опасения Бога. Всеобщая забастовка против Космофлота — против Органов охраны мира — черт возьми, эти люди подставят нас всех!

— Не умирай раньше смерти, — ответила она. — Хотя…

Когда её голос прервался, он повернулся и

посмотрел на её чистый профиль на фоне пылающих скал и горячего воздуха, обрамленный прядями, спадающими из-под головного обруча, что подарил ей один из солдат легиона.

— Я вот не понимаю, почему ни отец, ни мать, ни Алиса, ни даже Билл ничего не сказали сами? — спросила она, глядя в пространство. — Может быть, я слишком хорошо их знаю?

Она встряхнулась и расправила плечи.

— Теперь я стала генерировать беспокойство, — сказала она. — Черт с ним со всем. Потопали. Только поцелуй меня сначала.

И скоро кончилось время, что принадлежало только им.

Глава 20

С самой восточной сторожевой башни Ларрека, прищурясь, смотрел на доки Порт-Руа, на несколько кораблей легиона и на флот противника, вошедший в бухту. Он насчитал пятьдесят девять судов — пятьдесят девять гротов, окрашенных в красное восходом Бродяги. Невысоко ещё поднявшийся шар обжигал глаза лучами, отраженными от аметистовых гребней волн. Ларреке с трудом удалось закончить счет, и сомнительно было, что наводчики гарнизонной артиллерии смогут хорошо нацелить камень или огненную стрелу против такого сияния. У варваров этих проблем не было, и к тому же ветер был для них попутным. Этот ветер трепал и рвал сейчас знамя над Ларрекой.

— Ка-а, — сказал Серода, его адъютант, — ты предполагал, что их будет столько?

— Их вождь — хитрая бестия, — ответил Ларрека. — Он их вел разными путями и малыми группами, пробираясь между островами и вдоль берегов. И потому мы не знали, сколько их на самом деле. Он просто сказал шкиперам, где и

когда будет встреча — я думаю, в ночь летнего солнцестояния возле пролива Лемеха — и там отдал приказ. — Он шевельнул усами. — Грр-м, это вряд ли весь флот, далеко не весь. Добрая часть осталась держать блокаду на тот случай, если нам кто-то пошлет помощь.

— А зачем они тогда здесь?

— Отрезать нас. Если бы мы смогли сесть на корабли и ускользнуть от них в море, мы могли бы вернуться домой, чтобы усилить оборону там.

Взгляд Ларреки скользнул по городу, по низким скученным зданиям из необожженного кирпича, покрашенным в яркие цвета, по мелеющей день ото дня реке, к которой выходила западная стена и в которой блестели, как обсыхающие чудовища, обломки скал, по коричневой и черной земле, замыкавшей мир в круг. Пыльные смерчи кружились, как танцоры, передающие какой-то боевой сон.

— Да, — сказал он. — Вот и началась кампания. Скоро появится пехота.

И через минуту добавил:

— Их предводитель, все-таки одну глупость сделал. Он забыл старое доброе военное правило: всегда оставь противнику, куда отступить.

— Они наверняка ждут, что в конце концов мы

сдадимся.

— Тоже способ отступления, иай? Только он, видишь ли, нереален. Вон те корабли ему противоречат. В эти дни в Валеннене не прокормишь кучу пленных. Они нас или перебьют, или обратят в рабство — рассеют по всей стране, по шахтам и пашням прикованными к тачкам и плугам или к мельничным колесам. Я предпочитаю смерть. — И Ларрека выругался, потому что понял, что неплохо было бы собрать войска и это все им изложить. Но он терпеть не мог держать речь.

Серода, прослужив в легионе уже вторые шестьдесят четыре года, мог не бояться обвинений в трусости или недостатке преданности. Он мог позволить себе сказать:

— Ну ведь можно было бы договориться. В конце концов, взятие этой крепости им обойдется дорого. Может быть, они по-прежнему предпочли бы наш уход.

— Потому-то мы и остаемся, — ответил Ларрека. Те варвары, которых перебьет Зера Победоносный в свой последний час, уже не смогут напасть на Мероа и её детей.

Силы тассуров достигли Порт-Руа, когда двойной полдень уже горел. Они расположились

лагерем в километре от стен, и от их поступи дрожала земля. Лагерь выгнулся дугой между рекой и морем. Гротескные штандарты варваров воздетые на шест черепа животных-тотемов или предков, хвосты поверженных врагов — вставали лесом, и в нем наконечники копий блестели, как спелые фрукты меж ветвей. Трещали барабаны, трубили горны, под крики и песни галопом носились воины, поднимая пыль.

Земляные стены города заканчивались наверху частоколом заостренных бревен феникса. С углов они были защищены сторожевыми башнями и бастионами. В каждом из бастионов стояла катапульта, бросающая сразу несколько копий, или баллиста с запасом метательных снарядов. Под стеной был выкопан ров, его дно щетинилось кольями. По стенам выстроились солдаты, сверкали кольчуги и щиты, плюмажи развевались подобно реявшим в высоте знаменам. Среди лучников было рассеяно несколько стрелков с огнестрельным оружием.

По возвращении Ларрека эвакуировал большинство гражданского населения. Остались только жены и слуги, местные уроженцы — те, кто фактически входил в легион. Их помощь в уходе за ранеными и в обеспечении повседнев-

ных потребностей будет очень ценной. «Не так уж нам плохо, — подумал Ларрека. Пока».

Трижды протрубил горн, и из высокого шатра вышли двое. Первым шел знаменосец с флагом, зовущим на переговоры. Второй был массивен и увешан золотом. «Арнанак собственной персоной! — Ларрека задумался. — Говорить ли мне с ним? Их этика смотрит сквозь пальцы на коварство. Впрочем, он же брат по ложе».

Не обращая внимания на протесты своих офицеров, Ларрека приказал открыть северные ворота и спустить мост. Он пошел в одиночку. Броню он не надел — зачем париться? — и был при нем лишь хаэленский клинок, сумка да красный плащ. Плащ был ненужной обузой, но Серода настоял, что не должен командир выглядеть убого, встречаясь с гордым соперником.

Арнанак сказал что-то своему спутнику, и тот взмахнул флагом, приветствуя противника. Сам же он воткнул свой меч в землю. Они с Ларрекой обменялись рукопожатиями и таинственными словами их веры.

— Силы и здоровья тебе, господин! — сказал Арнанак.

Как я был бы рад, если бы мы могли отложить свои смертоносные копья.

— Хорошая мысль, — ответил Ларрека, — и легко сделать. Просто вернись домой.

— И ты поступишь так же?

— Я дома.

— Мы все равно не могли бы отпустить вас на свободу, — вздохнул Арнанак. — Такой шанс был у вас раньше. А теперь я должен положить конец легиону Зера.

— Вперед, сынок, и за дело. Только зачем тогда мы тут стоим на солнцепеке, когда могли бы спокойно пить пиво в тени?

— Вы храбрые воины, и я хочу предложить вам выход. Сдавайтесь. Мы отрубим каждому правую руку, прокормим, пока вы поправитесь, и отпустим на корабли. Солдатами вы уже не будете, но вернетесь домой.

— Нг-нг. — Ларрека улыбнулся навстречу серьезному взгляду зеленых глаз. — Я бы мог сделать встречное предложение, только насчет других органов. Но зачем зря языком трепать?

— Я бы хотел сохранить тебе жизнь, — с нажимом сказал Арнанак. — Мы оставим невредимыми тех, кто к нам присоединится.

— Ты думаешь, такая жизнь стоит того, чтобы жить? — «С их точки зрения, да».

— Иначе — смерть всем, кроме тех несчастных,

что попадут в рабство. Арнанак развел большими черными руками, и зазвенели, сверкнув, его золотые браслеты. — У вас нет надежды. Мы могли бы просто уморить вас голодом.

— Мы запаслись, и наши колодцы глубже тех, что вы можете выкопать в устье. А эта земля — последний невыжженный кусочек. Посмотрим, кто первый оголодает?

— Верно. — Арнанак не казался смущенным этим блефом. — И позиция у вас хороша для защиты. Но ведь именно для защиты. Вы загнаны в угол, и у нас восьмикратное численное превосходство. Ты ждешь подмоги из Бероннена? Пусть попробуют, мои моряки с удовольствием развлекутся пиратством. На людей рассчитываешь? Они же даже не попробовали выручить двух своих заложников.

— Не надо их недооценивать, друг. Я видал, что они могут.

— Неужели ты думаешь, что я работал, сражался, строил планы на годы и годы, не узнав о них как можно больше и не взяв это в расчет? Мои заложники лишь подтвердили то, что я знал. Они пришли за знанием, они торгуют с тем, кто лучше утолит эту их жажду, и они не будут сражаться без провокации, которой не будет, уж за этим я

прослежу.

Арнанак помолчал. И добавил:

— Ты прав, мы не будем держать осаду, Одноухий. Мы возьмем вас штурмом. Если ты не примешь мои условия. Неужто ты ради своей чести отвергнешь их, губя свой народ?

— Так и сделаю, — ответил Ларрека. Арнанак грустно улыбнулся:

— Я так и знал заранее. Но я должен был попытаться, верно? Ну, что ж теперь… Брат во Троих, желаю тебе смело войти во Тьму.

— И да будут Они к тебе милостивы, — ответил древними словами Ларрека. И двое обнялись, объединенные верой, и разошлись своими путями.

К вечеру ветер сменил направление и усилился, так что пыль поднялась и закрыла звезды толстой темной завесой, и даже луны не пробивались сквозь нее. Под её покровом варвары подтащили стенобитные орудия. Среди них были и те, что захватили у войск, шедших на север отбивать Тарханну. На рассвете начался обстрел стен из этих орудий, из луков и арбалетов. И когда поднялось Истинное Солнце, такое же красное, как Бродяга, оно увидело разгар битвы.

Небо было темно от пролетавших стрел, с тяжким вздохом слетали с пращей камни и со

свистом летели, прикрывая воинов от снайперов легиона. Под этим прикрытием валенненцы заряжали катапульты и требушеты для метания тяжелых камней в стену, и каждые несколько минут вздрагивали тяжелые бревна стен, и откалывались от них щепки. Вопли, вскрики, рев горнов и бой барабанов доносились от орды, осадившей дальний край рва. Солнца взбирались вверх, тени становились короче, росла жара. Ветер нес каменную крошку, она порошила глаза и скрипела на зубах.

Ларрека успевал надзирать за всем. За ним шел знаменосец с его личным знаменем, воздетым высоко на шест. Такая эмблема была у каждого командира легиона. Кроме всего прочего, она сообщала, где он, для тех, кому он был нужен, хотя, разумеется, привлекала и огонь противника. Ларрека к этому уже привык. Его девиз многих озадачивал: значение руки, поднявшей меч в небо, было понятным, но не все знали английские слова «Ответь Мечом».

Надо было отдавать приказы — «Собрать эти сувенирчики и отправить обратно», и ободрять легионеров, особенно раненых — «Хорошая работа, солдат!», и наблюдать за битвой, и иногда что-то делать самому.

Пока что лучники хорошо стреляли из башен: удавалось отбить все попытки перебросить мосты через ров. Голые варвары откатывались назад, вспоротые копьями и стрелами, или падали вниз со стен, и жизнь вытекала из них пурпуром. Но один требушет им удалось подтащить поближе, и он бил в одно и то же место раз за разом, пока не разрушил одну сторожевую башню, а потом и другую. Это место было прикрыто только бастионом меж ними, и градом стрел его защитники были перебиты.

Ларрека видел это. Второе укрепление вышло из строя к концу дня. С воплями радости расступились варвары, пропуская носильщиков с длинными, тяжелыми досками — штурмовать брешь.

— Отлично! — сказал Ларрека. У него были свои доводы в этом споре: свежая команда с катапультой, каждый номер со своим щитоносцем, прикрывавшим и себя, и его. Они протрусили тяжелой рысью, взводя оружие. Их никто не заметил, пока Ларрека не скомандовал выпустить пару больших камней вдоль рядов наступающих. Плохо организованные туземцы не смогли выстроить правильной защиты и отступили в беспорядке. Тем временем атакующие подвели

к бреши помост, показался отряд хорошо вооруженных воинов. Третьим и четвертым выстрелом Ларрека пустил зажигательные снаряды. Кувшины с горящей нефтью ударили в цель, взорвались огнем и далеко разбрызнули его языки. Удар был силен, и помост охватило пламя.

— Лучше бы укрыться, командир, — посоветовал легионер: дождь стрел стал куда гуще.

— Рано еще, — ответил Ларрека. «Здесь весело. Как в старые дни». — Нам бы надо ещё достать вон тот требушет.

Для этого потребовалось три выстрела, и двое из его команды были смертельно ранены, но недаром: орудие противника, пораженное защитниками Порт-Руа, превратилось в сноп красного и желтого огня. Других потерь не было — Ларреке самому досталась царапина над бабкой, которую просто перевязали.

Ему недолго пришлось любоваться результатами. Он только увел свою группу в укрытие и говорил: «хорошая работа, солдат» умирающему юноше, как прибежал гонец с известием, что шесть галер приближаются к устью. Арнанак, очевидно, собирался напасть с воды, предприняв одновременно новый штурм с берега.

Ларрека оглядел своих офицеров:

— Кто возьмется за по-настоящему отчаянную работу? После мгновенной паузы вперед вышел молодой многообещающий командир когорты:

— Я возьмусь.

— Хорошо, — сказал Ларрека. — Набери добровольцев, столько, чтобы хватило поставить парус на корабле. Течение и прилив какие надо — ты войдешь сразу за этими гадами. Они могли бы высадиться на берег, но воспользуются причалом — я рад, что мы его не разрушили, — так будет куда удобнее. Подожги корабль, и пусть он врежется в них. Отходите на лодке или вплавь. Мы сделаем вылазку, перебьем экипажи и подберем вас.

— Пожертвовать целым кораблем? — удивился адъютант Серода.

— А мы никуда не собираемся плыть, — напомнил ему Ларрека. — Все равно придется поджигать остальные, чтобы не достались пиратам. Я только подождал с этим вот для такого случая.

Он внимательно смотрел на молодого офицера. Их глаза встретились, и сразу стали незаметны жара и пыль, ветер и крики битвы за стенами. Они оба знали, каковы шансы на успех. По лицу стоящего перед ним легионера Ларрека понял, что тот уже начал формировать сон, тот сон, что

будет последним в его жизни и с которым он хочет перейти в смерть. Командир стиснул его руку в солдатском пожатии.

— Иди с любовью, легионер, — сказал он. — Это прощание пережило несколько циклов цивилизации.

В битве наступило затишье. Сухопутные силы тассуров отошли назад бесформенной и беспорядочной массой, чтобы отдохнуть и начать снова со свежими силами. Ларрека посчитал, что галеры останутся на рейде до темноты. А тогда моряки для под хода к берегу и установки штурмовых платформ подождут лунного света. Без этого они вряд ли считают себя способными перебраться через частокол. Хорошо бы, чтобы их оказалось на галерах побольше: отражение атаки с воды потребует жизней защитников, которых скоро будет очень не хватать на стенах.

«А мне бы самому лучше сейчас отдохнуть, пока есть возможность, подумал Ларрека. По всем костям разливалась усталость. В сопровождении Сероды он тяжело прошел по свободным теперь улицам в здание штаба. Наверху скелетом на фоне неба виднелась радиомачта. Солнце закатилось, и Бродяга стоял низко: свет был цвета крови землянина, тень — иштарийца. — По крайней

мере в следующем раунде будет прохладнее».

Иразен, заместитель командира после поражения экспедиции Волуа, встретил его при входе. Старый, массивный, покрытый шрамами ветеран, с недостатком воображения, но из тех, победа над кем дорого обходится врагу.

— Ты вовремя, — сказал он. — У нас на связи заложники-люди. Узнав, что происходит, они — по крайней мере женщина — требуют разговора с тобой.

«На то она и Джилл. И Иен почти настолько же хочет поговорить, но он терпеливее. Вот приятный сюрприз». Перед внутренним взором возникло лицо, обрамленное прямыми прядями из-под узкой ленты, светло-светло-желтые волосы, глаза голубее небес на тропических островах, где он странствовал в юности, и улыбка ярче солнечного блеска на пене прибоя. Тонкая и высокая стать, в которой скрыт призрак той маленькой девочки, что смеялась от радости, когда его видела. Пусть Трое дадут ей много таких же малышей, хоть он их и не увидит. Ларрека быстро пробежал к пульту связи.

— Он здесь, — сказал дежурный техник и отсалютовал командиру. Ларрека взял трубку, глядя на слепой экран.

— Дядя! — пробился голос Джилл. — Как ты там?

— Все ещё на палубе, — ответил Ларрека хаэленской поговоркой. — А вы?

— С нами все в порядке — вышли прогуляться на закате и сидим на вершине холма, глядя, как сумерки заполняют долину. Дядя, ведь на тебя напали!

— Пока что им с того мало радости, — сказал Ларрека.

— Пока что? — переспросила она. — А что дальше?

— Того же самого побольше. А что еще?

Наступило молчание. Может быть, Иен и Джилл шептались. Или нет. Комната в этот вечер казалась самым нереальным местом в мире. Когда Джилл заговорила снова, голос был жестким:

— Сколько вы ещё можете продержаться?

— Смотря по обстоятельствам, — ответил Ларрека. Она оборвала его солдатским ругательством.

— Я расспросила твоего техника, пока тебя искали. Помощи не будет. Верно? Даже нас с тобой нет, хоть как-то помочь. Дядя, я тебя знаю, и, черт меня побери, я прошу привилегии солдата — говори со мной откровенно.

— Давай лучше потреплемся для отдыха, —

предложил Ларрека, глядя в невозмутимые лица приборов.

— Я не в том возрасте, когда меня можно было утешить конфеткой, сказала Джилл. — Послушай, я знаю. Ведь Союз тебя списал в убыток. Если даже они спохватятся и решат, что стоит удержать Валеннен, когда они увидят, против чего тебе приходится бороться, — даже если они спохватятся, будет поздно. Арнанак их перехитрил. Мой народ… он парализован или связан собственным Космофлотом. Отходы тебе блокированы, а поскольку ты не сдаешься, ты будешь уничтожен. Арнанак и со мной, и с Иеном говорил откровенно. И теперь твоя цель — продать свою жизнь так дорого, чтобы цивилизация имела хотя бы время вздохнуть. Верно? — Голос Джилл сорвался: Черт побери, этого не должно быть!

— Мы все когда-нибудь умрем, — ответил он ей с неожиданной мягкостью. — Ты лучше подумай: это избавит меня от необходимости смотреть, что будет с тобой.

В ответ прозвучало:

— Мы с Иеном решили, что мы заставим людей в Примавере оторвать задницу от стула. Еще не знаем как, но, черт побери… Иен, мы сделаем это! — Овладев собой, она заговорила спокойно:

— Держи эту линию свободной для нас. И зарезервируй время для связи с Хэншоу каждый час. Просекаешь?

— Что у вас на уме? — От страха за неё голос прозвучал резко.

— Так, кое-что. Пока не знаем.

— Ты не имеешь права рисковать собой. Это приказ, солдат.

— Даже чтобы спасти Порт-Руа?

Ларрека смотрел в черную бездну, припоминая, как послал командира когорты на огненный корабль. А Джилл всегда любила считать себя приписанной к Зере Победоносному.

— Хорошо, — медленно сказал он, — только свяжись со мной сначала, о'кей?

— О'кей, старик, — шепнула она. Сухой голос Спарлинга:

— Гхм, батареи садятся, и нам лучше держаться необходимых частностей. Можешь ли ты оценить, сколько времени вы продержитесь без подкреплений?

— Где-то от завтрашнего утра и до осеннего равноденствия. Слишком многое не поддается учету, — сказал Ларрека и подумал, какой бы прекрасной парой для Джилл был этот Иен, если бы у людей двадцать лет не составляли такой

гротескно большой разницы. — В конце концов они проломят нашу защиту и снесут стены. Мы не сможем обеспечить достаточную плотность огня, чтобы это предотвратить. Но если они понесут большие потери вначале, Арнанак может решить действовать медленно и не терять бойцов, которые ему ещё понадобятся. Когда они вломятся, мы заставим их брать город дом за домом. Он прикинул и добавил: — Нг-нг, для разумной оценки поделим разницу и назовем тридцать два дня.

— И не больше? — тихо спросил Спарлинг. — Ну что ж… придется думать и действовать быстро. У меня есть какой-то зародыш идеи. Удача да сопутствует тебе, Ларрека.

Через километры выгоревших гор и те самые двадцать лет маленькая девочка Джилл сказала «Чмммокк!» — и связь прервалась, а то, подумал Ларрека, пришлось бы слышать, как она плачет.

Он повернулся к ожидавшему Иразену:

— Еще что-нибудь?

— Ничего важного, командир.

— Я хочу поспать. После восхода первой луны дело начнется снова. Пошлите тогда за мной.

Ларрека отправился к себе. Дом принадлежал и Мероа, здесь ещё хранились её вещи и память о ней. Сняв доспехи, он остановился возле их фото-

графии с последним ребенком, сделанной одним человеком в первые годы Примаверы. Якоб Цопф умер холостяком, и его народ не сохранил о нем памяти кроме той, что осталась в архивах, но Мероа, когда бывала там, всегда приносила земные цветы на его могилу. Да, ты такая, подумал Ларрека.

Вытянувшись на левом боку. — один на двойном матрасе, — Ларрека закрыл глаза и задумался, о чем бы посмотреть сон. Лучше всего какая-нибудь веселая фантазия — например, заиметь крылья и посмотреть, что случится. Слишком грустно было бы проснуться с разумом, полным призраков. И много ли ему ещё осталось времени блуждать среди того, что было или могло быть? Если уж он хочет иметь хороший смертный сон, то планировать и экспериментировать надо начинать сейчас. Конечно, он может быть убит и не таким образом, который даст ему возможность уйти из жизни так и в той компании, как ему хотелось бы… «А, черт его побери», — буркнул он, сосредоточился на свадьбе Джилл и Иена и погрузился в атмосферу пира, веселого до буйства.

Свет лампы Сероды разбудил Ларреку, согласно его приказанию. Варвары на берегу снова задвигались. Их галеры подняли якоря и направлялись

от середины бухты к рыбацким причалам. Они не пытались напасть на большой корабль, стоящий в стороне. Несомненно, они считали, что он высматривает очень мало вероятный шанс проскользнуть через шеренгу блокировавших бухту кораблей.

— О'кей, сейчас иду, — сказал Ларрека, то ли зевнув, то ли хмыкнув в ответ на то, что творилось на пиру в его сне. Серода принес ему миску супа и помог надеть снаряжение. Ларрека вышел из штаба взбодрившись. Кто знает, может быть, его друзья и в самом деле найдут способ его выручить.

Нападение с морского берега не принесло никаких неожиданностей, с которыми не могли бы справиться офицеры на месте. На реке было менее предсказуемо и более интересно. Ларрека перевел взгляд туда, наблюдая с надвратной башни.

Западные холмы осветила быстро поднимающаяся среди звезд Целестия. Отсюда она выглядела подобно красному щиту с причудливым гербом. Свет её струился сквозь горячий воздух, разливался по оголенной земле, тусклый, пока не касался воды, — и тут же превращался в серебристо-холодный дрожащий мост. Через эту

серебряную полосу двигались черные силуэты кораблей варваров. Они причалили, и вопли их экипажей разрушили даже тот остаток тишины, что ещё был в этой ночи.

Хитрость была в том, чтобы занять их до тех пор, пока не подойдет корабль-брандер — как они старались отвлечь легион от другого конца города, где должны были ударить их товарищи. Ларрека уже слышал над залитыми луной крышами шум той атаки. Пропели луки, свистнули стрелы. Остановились только те из нападавших, кто был ранен или убит. Остальные мчались вперед зигзагом, сливаясь с тенями и прячась среди них. У многих были факелы, оставлявшие на бегу дорожки из искр.

За ними, как призраки в лунном свете, вдруг залитые языками пламени, показались паруса. Удар корабля в причал отдался в земле и в костях. Пламя с ревом рванулось наружу. Но валенненцы, как бы ни были растеряны, не повернулись и не побежали. Они рвались через земляной вал к частоколу, поливали его маслом из кожаных мехов и поджигали своими факелами.

«Неужто Арнанак меня перехитрил, заставив думать, что это диверсия? Хаос, это же главный удар!»

— На вылазку! — проревел Ларрека. — Сбросить их со стены — пока она вся не загорелась!

Он бросился к воротам. Обнажив меч, он повел в бой своих солдат. Ударяясь друг о друга, пели мечи. Варвары рвались вперед, отчаянно бесстрашные, и рубили, рубили. Подавляемые численным превосходством противника, легионеры укрылись за щитами и отражали атаку. Они вклинивались между поджигателями и теми, кто их прикрывал. На поле битвы появился резерв, и солдаты пошли вперед. Шаг за шагом, удар за ударом они прогнали врага на горящие корабли и в поднявшийся прилив.

— Молодцы, ребята! — крикнул Ларрека. — Вперед, кончай их во имя Зеры!

От удара он покачнулся. От правого глаза разлилась боль. За ней тьма. Он выронил хаэленский клинок и схватился за древко торчавшей из глаза стрелы.

— Уже все? — громко спросил он.

На место удивления пришли вихрь и гром, ноги подломились. Какой-то солдат подошел ближе, Ларрека не обратил внимания. В багровом свете луны и пламени он собрал остаток сил, пока они не покинули его навсегда, и постарался создать себе смертный сон, хотя бы и такой краткий, как

последний миг.

Глава 21

Благодаря толстым стенам Башни Книг в комнате было почти прохладно. Свет двойного солнца косыми лучами лился в окна и рассыпался в нитях бисера, порождая бесчисленные оттенки и переливы на каменном полу. Теми же цветами играли воздушные, похожие на бабочек энтомоиды в гриве Джерассы. Ученый стоял у стола с развернутым пергаментом; такими же пергаментами были заполнены длинные полки вдоль стен. Он говорил по-английски с совершенством педанта, но ни один иштариец не мог не придать языку напевность:

— Вот чертежи различных экипажей, приводимых в движение силой мускулов, имевших распространение в момент прибытия людей. В некоторых регионах они ещё могут быть в ходу. Основная трудность состоит в том, что, хотя представители нашего вида имеют большую индивидуальную силу, мы при этом ещё и больше по размерам. В данном судне может поместиться ограниченное число гребцов. Как лучше распределить имеющиеся силы? — Он

показал указкой. — Здесь мы видим приспособление, позволяющее использовать для гребли силу не только рук, но и передних ног. На этом чертеже показан ножной переступательный привод для приведения в действие гребного колеса, или гребного винта в более поздних моделях. Однако подобные устройства неэффективны и подвержены поломкам, если они не выполнены из достаточно прочной стали, выдерживающей большие крутящие моменты. В силу этого валенненцы и островитяне Огненного моря комбинируют носовые и кормовые косые паруса с обычными веслами, что делает судно весьма маневренным, но ограниченным по дальности плавания. Мы же, обитатели Южного Бероннена, как вы, может быть, заметили, предпочитаем большие прямые паруса. Их недостаток — медленность в управлении, поскольку наши команды даже при использовании подъемных кресел и лодыжечных крюков не могут взбираться наверх так же быстро, как ваши.

— Поскольку ваши эмиссары научили нас более совершенной металлургии, наши конструкторы стали экспериментировать с винтами, приводимыми в движение силой ветра. В свое время мы собирались построить и двигатели, но

в связи с отсутствием у нас промышленной базы и приближающимся периастром вряд ли что-то в этом направлении удастся сделать в ближайшие столетия.

Он не добавил: «Удалось бы, если бы Примавера по-прежнему могла нам помогать». В его богатом интонациями, но спокойном голосе упрек не прозвучал. Однако стоявший рядом с ним Дежерин поморщился.

— Эти чертежи — просто настоящее искусство, — наконец произнес человек совершенно искренне. — И сколько ума и воли — добиться таких результатов, когда Ану всегда возвращается…

И тут его прорвало.

— Почему вы меня принимаете? — спросил он. — Почему ваш народ держится дружелюбно с моими людьми, когда их собственное племя даже говорить с ними не хочет?

Золотые глаза Джерассы спокойно встретились с черными глазами человека.

— Чего мы добились бы, отринув одиноких юношей, кроме того, что лишили бы себя самих всего того интересного, что можем от них узнать? В большинстве своем мы сознаем, что они не свободны в выборе своей цели. Население

Примаверы надеется оказать влияние на ваших главных лидеров через вас, отказывая вам в искусстве и средствах, которые вам нужны. У нас же нет ни того ни другого.

Дежерин сглотнул.

— Вы завоевали наши симпатии, — признал он. — Из-за достоинства, с которым вы переносите свою беду, из-за всех чудес, которых лишится мир, если погибнет ваша цивилизация. — «И я задумался о войне в космосе. Стоит ли она всех затрат и страданий? Можно ли её вообще выиграть? И вообще дело ли Земли туда лезть?» Но у нас есть долг.

— Я принадлежу к легиону, — напомнил ему Джерасса. Иштариец был готов возобновить обсуждение научного и технического состояния Сехалы до появления землян, но тут зажужжал передатчик Дежерина. Он вытащил из кармана рубашки его плоскую коробочку и рявкнул:

— Слушаю. Что стряслось?

— Говорит лейтенант Маевский, сэр, — раздался голос, говоривший по-испански и прозвучавший по контрасту как оловянная труба. — Секретная полиция. Простите, что беспокою вас в выходной день, но дело срочное.

— А да, вы получили задание проследить за

нашими добрыми местными гражданами. Говорите.

Дежерин почувствовал, как какое-то напряжение поднялось вдоль позвоночника.

— Как вы помните, сэр, у них были накоплены большие запасы взрывчатых веществ для их проектов. Мы их оставили в складе, только опечатав. Когда у нас начались трения, я решил поставить там радиосигнал тревоги, им неизвестный, и выполнил это под прикрытием очередной инвентаризации. Сегодня незадолго до рассвета сигнал сработал. К сожалению, никого из нас вблизи города не оказалось — очевидно, взломщики в этом удостоверились. Когда мне со взводом удалось добраться туда с базы; дело было сделано. Очень профессионально. На печати нет видимых следов вскрытия. Внутри тоже все выглядело как обычно, так что нам пришлось пересчитать буквально все предметы. Было обнаружено исчезновение десяти упаковок торденита и пятидесяти подрывных шашек.

Дежерин присвистнул.

— Да, у нас там работали отличные техники, — продолжал Маевский. — Вот потому-то никого из них и не оказалось в городе — они получили бы сигнал тревоги одновременно с нами. Но мэр

Хэншоу просил их помочь в поиске флаера, который сообщил, что идет на вынужденную посадку из-за бури в Каменных горах. Вы приказали, сэр, удовлетворять все разумные просьбы. Они все четверо отбыли. Я подозреваю отвлекающий маневр, но доказать не могу.

— Вы с ума сошли! — возразил Дежерин. — Уж кто-кто, а Хэншоу не связался бы с саботажниками… Он знает, что вам известно об ограблении?

— Он спросил, зачем мы вернулись на склад. Я решил, что лучше проконсультироваться с вами, и выдал ему сомнительную историю о том, что мне доложили о нарушении условий хранения. Он поднял брови, но ничего не сказал.

— Вы правильно действовали, Маевский. Я прослежу, чтобы это было записано в вашем деле. В настоящий момент вы и ваша группа останетесь на месте и не будете отвечать ни на какие вопросы. Я выезжаю.

Дежерин дал отбой, пробормотал какие-то извинения Джерассе и заторопился к выходу. День был не по сезону жаркий. На западе громоздились грозовые тучи. Небо заливал ещё более злобно-красный свет, чем прежде. Он с облегчением вскочил в свой флаер и взлетел.

Во время короткого перелета в Примаверу он

вызвал Хэншоу. С облегчением услышал, что мэр дома: а то ему мерещились какие-то апокалипсические, хотя и мало вероятные видения.

— Говорит Дежерин. Мне срочно нужно вас видеть.

— Да, капитан, я вас вроде как и ждал. Лучше бы нам поговорить с глазу на глаз, да?

Дежерин приземлился возле дома. Двое прохожих смотрели сквозь него. Он заехал под навес. Ольга Хэншоу с каменным лицом провела его в гостиную и плотно закрыла, за собой дверь, выходя. Ее муж, выпятив круглый живот, сидел возле магнитофона. Он не встал, но приветственно поднял руку и слегка улыбнулся сквозь сигарный дым.

— Привет, — сказал он. — Устраивайтесь. Дежерин небрежно отдал приветствие и напряженно сел в кресло напротив. Сказал по-английски:

— Я только что получил страшные новости.

— Да что вы?

— Сэр, позвольте мне говорить прямо. Слишком серьезное дело, чтобы ходить вокруг да около. Украдены сильные взрывчатые вещества, и есть серьезные подозрения, что вы можете быть к этой краже причастны.

— Я бы не назвал это кражей. Взрывчатка при-

надлежит нам.

— Так вы признаете свою вину?

— И виной я бы это тоже не назвал.

— Материалы были секвестрованы для нужд Космофлота. Сэр, несмотря на все наши несогласия, я вообразить не мог, что вы можете быть замешаны в предательстве.

— Да бросьте вы, — Хэншоу выпустил голубое кольцо дыма. — Я признаю, что мы надеялись, что сможем сработать без шума. Но ведь вы там поставили жучка? Но успокойтесь, мы не помогли врагам Земли. А вам никогда не понадобится то, что мы… гм… реэкспроприировали.

— Где оно?

— Где-то в надежном месте, с техниками и аппаратурой. Я не могу вам сказать, где это — специально не хотел знать, на случай, если вы меня будете допрашивать. Вам их никак не арестовать, пока они не закончат своего дела. И… Юрий, я понимаю, что вы ухватитесь за малейшее оправдание, чтобы им не помешать.

— Говорите. — Дежерин стиснул кулаки на коленях.

— Лучше я вам дам послушать запись одного разговора, который у меня был несколько дней тому назад. — Из-под легкости манер Хэншоу

проглядывала суровость. — Я такие вещи всегда записываю. Вы припоминаете ситуацию в Валеннене? Джилл Конуэй и Иен Спарлинг в плену где-то в глубинке, а Порт-Руа постоянно штурмуют все, кажется, храбрецы, которых мог собрать континент.

Дежерин почувствовал будто бы удар тока. Джилл…

— Да, — сказал он.

— Когда Иен туда отправился, он протащил с собой микропередатчик, а солдаты поставили ретрансляторы, которые связали его с Порт-Руа. А тем самым и с нами при случае.

— Вы мне этого не сказали! — Дежерину стало больно от обиды.

— Ну, вы человек занятой, — хмыкнул Хэншоу. Дежерин подумал об улицах, по которым проходил, как призрак, о работе в пустыне, что ползла по-черепашьи, о часах, проведенных за составлением рапортов на Землю в поисках эвфемизмов, которые позволили бы хотя бы отсрочить наложение на Примаверу карающей длани Федерации.

— А вы не думали, что меня это тоже интересует? Эти двое от меня отвернулись, но я по-прежнему считаю себя их другом…

И снова Джилл неслась по долине, и ветер трепал её длинные волосы; и снова она жестикулировала и показывала ему диковины, которые её увлечение превращало в чудеса, и снова она кормила его в живописном беспорядке своего дома, и пела и играла для него под высокими звездами своей планеты. И снова он ругал себя за то, что в душе так и остался подростком, и снова говорил себе, что на самом-то деле он не влюблен — просто она его привлекает, как всякого нормального человека привлекла бы такая женщина, но не более, чем это возможно для такого короткого знакомства. И надо ещё учесть его одиночество — ив постели, и вне её, которое никогда не было заполнено после ухода Элеаноры…

Дежерин окаменел от приступа гнева.

— Если вы полностью закончили меня наказывать, — проговорил он, можете включить магнитофон.

— Touche,[6] - согласился Хэншоу, и черты его лица смягчились. — Понимаете, у них ограниченный ресурс батарей, а они до того не выходили с нами на прямой контакт. Через Порт-Руа мы знали, что они в добром здоровье и в хорошем

---

[6] Примечания: 6
Попал — фехтовальный термин. — *(фр.)*

настроении, что с ними хорошо обращаются и что они находятся в чем-то вроде имения где-то на западном нагорье. Я им передал весть насчет забастовки, что могло бы повлиять на их планы или действия. Позавчера они вызвали меня напрямую.

Он поднес палец к выключателю.

— Если вы хотите себе представить все наглядно, — начал он, — мы знаем этот район по аэрофотосъемке и орбитальным фотографиям, а также по рассказам иштарийцев. Тамошние холмы и расположенные за ними горы довольно красивы — на свой суровый манер. Деревья в лесах низкорослые и извилистые, почти без подлеска, красно-желтая листва затеняет от безоблачного неба. Кое-где попадается Т-растительность с голубой листвой; некоторые образчики, например феникс, весьма впечатляют. Там жарко, как в печи для обжига, и так же сухо. Диких животных мало, и журчащая вода попадается редко, поэтому там почти безмолвие. Джилл и Иен выбрались за пределы слышимости и видимости своих сторожей, и вот они вдвоем в этом опаленном и умирающем лесу.

— Спасибо, — кивнул Дежерин. — Я все себе представил. — «Ее тонкую фигурку среди скрю-

ченных карликовых деревьев, солнце высвечивает платину и медь в её волосах, её сияющие глаза и влекущую улыбку… и рядом тот, кто долго был её единственным товарищем по плену… Assez! Arretons, imbecile![7]».

Но её голос поразил его, не тот чистый и звонкий, что он знал, а хриплый и неуверенный.

— Привет, Бог, это ты? Вызывают Джилл Конуэй и Иен Спарлинг из Валеннена.

— А? — отозвался голос Хэншоу. — Да-да, это я. Что-нибудь не так, девочка?

ДЖИЛЛ: Все не так.

СПАРЛИНГ: Мы лично не находимся в опасности.

ХЭНШОУ: Где вы? Что случилось?

СПАРЛИНГ: Мы в том же месте и в тех же условиях. Мы прикинули, что ты в это время будешь дома. Ты один?

ХЭНШОУ: У меня жена, дети и Примавера. Но в комнате я один, и пока так и будет.

ДЖИЛЛ *(не реагируя на неуклюжую шутку).* Мониторы выключены? Мы не хотим, чтобы разговор подслушали.

ХЭНШОУ: Космофлот вас не услышит, если

---

[7] Примечания: 7
Хватит! Прекрати, идиот! — *(фр.)*

вы его имеете в виду. Они не прослушивают вещание на планету и местные передачи тоже, поскольку много говорится на сехаланском. Ко мне время от времени приходит Джо Зелигман со своими инструментами и проверяет мой дом на предмет жучков, но пока не нашел ничего. Капитан Дежерин в душе джентльмен. И он знает, что я не устраиваю заговоров.

ДЖИЛЛ: Теперь будешь.

ХЭНШОУ: Как?

ДЖИЛЛ: Если я тебя знаю, то после услышанного начнешь.

ХЭНШОУ: Если так, то давай к делу. Что случилось?

ДЖИЛЛ: Ларрека… мертв. Погиб. Он…

ХЭНШОУ: Нет, не может быть. Когда? Как?

СПАРЛИНГ *(на фоне подавляемых всхлипов):* Ты услышишь во время доклада легиона на основную базу. Мы интересовались ходом битвы, и этим утром связались с Порт-Руа. Он погиб в эту ночь, командуя вылазкой. Вылазка удалась, но он получил стрелу между прутьями забрала, и… Гарнизон пока держится, но я не думаю, чтобы они могли продержаться так же долго, как с ним.

ХЭНШОУ: Бедная Мероа…

ДЖИЛЛ: Пусть она узнает от поста Зеры в Сеха-

ле, когда там станет известно… Пусть её известят, как положено извещать жену солдата.

ХЭНШОУ: Разумеется.

ДЖИЛЛ: В этом все дело. Мы тогда поклялись, что найдем способ ему помочь. Теперь — теперь надо это сделать, чтобы он не погиб зря!

ХЭНШОУ: Что можно сделать?

СПАРЛИНГ: Мы тут много думали. Но хотели бы узнать, как там у вас.

ХЭНШОУ: Ничего обнадеживающего. Космофлот прочно загреб под себя все мало-мальски полезное. Я не думаю, что несколько пассажирских флаеров, жужжащих над варварами, сильно их испугают, а вы как думаете? Они видали издалека несколько машин, да и слыхали о нас раньше. От огнестрельного оружия они тоже не паникуют, верно?

СПАРЛИНГ: Тебе не удастся убедить Дежерина выделить настоящее оружие или даже просто смотреть в другую сторону, пока мы будем работать? В конце концов, дело идет о нашем освобождении. Я привязал наше место к карте. Пилот, который полетит за нами, промахнуться не сможет. Ты ведь сказал, что именно наше пленение положило начало забастовке. Так не может ли Дежерин понадеяться, что, если нас

освободят, забастовка кончится?

ХЭНШОУ: Я, честно говоря, не верю, что она закончилась бы. Здесь под гладкой поверхностью бушует океан эмоций. Конечно, мы пошлем за вами флаер. Но если Дежерин позволит нам использовать оборудование или хотя бы позволит людям Примаверы рискнуть ради спасения цивилизации, которое не является прямой задачей, связанной с его заданием и его войной, — дети мои, я не могу даже вообразить, к какому расколу может это привести, — как с Элефтерией и Новой Европой; разве что Примавера вступит в Союз. А дальше Земля должна будет либо потерять нас, либо послать оккупационные войска, если сможет себе позволить такую роскошь. А Дежерин будет просто стерт в порошок за «злоупотребление властью» или «преступную бездеятельность». И я думаю, что Дежерин предвидит то же самое. Нет, как местный политик я могу вам сказать, что здесь все с виду очень спокойно, потому что мы не связаны так уж тесно с Зерой Победоносным. Мы огорчены, может быть, даже больше, чем нам самим это кажется, но ведь это Союз, а не мы, отступился от них, когда они отказались вернуться домой. Если бы мы присоединились к ним в бою… Я ведь сказал, что чувства здесь пу-

гающе сильны, как их ни сдерживай. Тебе будет очень трудно, Джилл, не стать пылающим символом тебе, дважды обездоленной этой проклятой войной, потому что каждый знает, чем был для тебя Ларрека. Но я прошу тебя не поддаться этому соблазну. Меньше всего нам здесь нужен взрыв.

ДЖИЛЛ: Дважды обездоленной?

ХЭНШОУ: Я так сказал? Как-то неуклюже выразился. Ладно, не будем зря сотрясать воздух, давайте лучше обсудим, как вас выручать. Иен, почему ты не связался с нами сразу, когда закончил наблюдения?

ДЖИЛЛ: Погоди минуту.

ХЭНШОУ: Э-э…

ДЖИЛЛ: Погоди, черт тебя возьми, минуту! Ты сказал, что мое пленение вызвало забастовку. Но я попала в плен много дней назад. Ты что-то имел в виду другое, Бог. Что случилось позже?

СПАРЛИНГ: Погоди, Джилл. Он нам расскажет, когда мы вернемся.

ДЖИЛЛ: Бог, что ты скрываешь?

ХЭНШОУ: Иен прав, девочка. Подожди.

Молчание.

ДЖИЛЛ *(без выражения):* Дон, да? Новости про моего брата.

Молчание.

ХЭНШОУ: Да. Он погиб в бою.

Молчание.

СПАРЛИНГ: Джилл, милая, успокойся…

ДЖИЛЛ: Странно. Я просто одеревенела.

СПАРЛИНГ: Это тебя поразило в сердце.

ДЖИЛЛ: Как переносит семья?

ХЭНШОУ: Держатся. Все вы, Конуэй, одного покроя. Но мой длинный язык… Джилл, я… мне очень жаль…

ДЖИЛЛ: Ты правильно сделал. Я хочу знать… Иен, давай я посижу на этом бревне и возьму тебя за руку, а ты обсудишь все остальное?

СПАРЛИНГ: Конечно. Я люблю тебя.

Молчание.

СПАРЛИНГ: Алло, Бог? Извини нас. Для меня тоже потрясение.

ХЭНШОУ: Дона все любили, а войну никто. Его гибель подтолкнула взрыв сопротивления.

СПАРЛИНГ *(с легким затруднением):* Тем более надо выручать Порт-Руа. В память… Но послушай, Бог, есть ещё одна причина. Она все меняет. Это наш способ, мы думаем, заставить кого-нибудь прийти на помощь. В этих местах и на север от них есть разумная Т-жизнь.

ХЭНШОУ: Что?!

СПАРЛИНГ: Да. Самые странные маленькие

существа, которых видел мир. Святой Иуда! Я думаю, что только изучение их психологии уже вызовет революцию.

ХЭНШОУ: Ты уверен, что они разумны?

СПАРЛИНГ: Мы встречали нескольких. Мы видели, как они используют орудия. Арнанак — король варваров — вошел с ними в контакт, посещал их страну, и он использует их для укрепления своего влияния. Валенненцы приписывают им сверхъестественные силы. На самом деле он заключил с ними сделку. Они разделят с ними лучшие земли, когда завоевание будет закончено. Но это только видимая часть айсберга. Они малочисленны и примитивны, но они знают, где находятся древние таммузианские руины. Я понятия не имею сейчас, после миллиарда лет, что это было такое. Но Арнанак вынес оттуда предмет по-моему, нечто вроде переносного звездного глобуса, который не тронуло, время. Ты пошевели мозгами на эту тему!

ХЭНШОУ: Фью-у…

СПАРЛИНГ: Конечно, мы, люди, можем предложить этим даурам гораздо больше, чем он, и узнать их получше («ну Джилл, Джилл») — но только если мы сможем эффективно действовать здесь, на Иштар. Это значит, что нам потребуется

помощь Союза, а значит, надо его спасти, а дауры живут в Валеннене, и поэтому очень неплохо было бы начать с Порт-Руа.

Молчание.

ХЭНШОУ: М-да, я-то согласен. Как минимум мы должны отбить варваров, организовать заставу, и тогда Союз сможет охранять север, и не будет такого страшного давления на юг. Да. Но как, Иен?

СПАРЛИНГ: Может ли флаер, а лучше — флаеры, которые прилетят за нами, нести самодельные бомбы? Ясно, что противник атакует большой массой, пытаясь достичь стен и пробиться благодаря численному превосходству. Сбросить бомбы в их гущу — мне даже думать об этом противно, но придумай другой вариант.

ХЭНШОУ: Ты уверен, что это поможет?

СПАРЛИНГ: Нет. Но мы ничего лучше не смогли придумать.

ХЭНШОУ: Уг-гу. Дайте-ка я подумаю. Наша взрывчатка сейчас заперта, но — м-м-м, придется составить заговор, как вы предлагали, и посоветоваться с надежными людьми, и… Вы несколько дней можете подождать?

СПАРЛИНГ: Мы полагали, что нам придется это сделать.

ХЭНШОУ: Мы будет оставаться на связи. Как

насчет того, что я вызывал бы вас ежедневно — ну, скажем, в полдень?

СПАРЛИНГ: Звучит разумно.

ХЭНШОУ: Начнем с завтрашнего дня.

СПАРЛИНГ: А теперь лучше попрощаться.

ХЭНШОУ: До завтра. Джилл, я не могу сказать, как тебе сочувствую.

ДЖИЛЛ: Все в порядке, Бог. Давайте продолжим. И спасем то, для чего они оба жили.

Щелчок.

Полминуты прошло в молчании. Потом Хэншоу добавил:

— Для чего живет вся Примавера. Попробуете подавить попытки помощи на фоне этих новостей — получите бунт. Дежерин кивнул. Он был оглушен и опустошен.

— Все, что вам нужно сделать, — сказал Хэншоу, — это не реагировать слишком бурно на историю со складом. Укажите в рапорте, что вы воздерживаетесь от действий на время расследования. Штаб согласится, что это разумная политика, я в этом уверен. Мы думаем, что сможем организовать экспедицию примерно за пять дней. А потом мы готовы слушать музыку на своих похоронах.

Решение не пришло к Дежерину озарением.

Он осознал его как нечто, что уже все время присутствовало в нем, как эмбрион, а теперь вдруг распрямилось и наполнило его силой и спокойствием.

— Нет, — сказал он. — Нет необходимости откладывать.

— Что вы имеете в виду?

— Полечу я, в самолете Космофлота. Куда эффективнее, не говоря уже о том, что безопаснее, в случае внезапного ухудшения погоды. Завтра во время вашего вызова я буду здесь, и мы договоримся.

— Что значит «эффективнее»? Вы говорили, что не можете ввязываться в битву.

— Я могу выполнить спасательную операцию, поскольку частью моей задачи является улучшение отношений Космофлота с общественностью. Ведь нет необходимости в присутствии мисс Конуэй и мистера Спарлинга при нанесении удара вашими бомбардировщиками?

Хэншоу внимательно посмотрел на Дежерина и лишь потом спросил:

— Вы полетите сами и один?

— Да. Чтобы сохранить благоразумие.

— Понимаю. — Мэр поднялся на ноги и протянул ему руку. — О'кей, Юрий. Как насчет пива?

Глава 22

Утром накануне встречи Спарлинг и Джилл объявили, что опять хотят уйти с ночевкой. Иннукрат внимательно на них посмотрела;

— Для чего? — спросила она.

— Ты знаешь, что моя работа — изучать животных, — ответила Джилл. — Мы хотим понаблюдать тех, что активны в темноте.

— Ага. И все-таки… — Жена Арнанака вздохнула. — У вас изменилось поведение. Хотела бы я получше знать вашу породу, чтобы понять, как и почему. Однако я это вижу и по вашей речи слышу. — Она раздула ноздри. — Я это чую, как запах.

Джилл была захвачена врасплох. Спарлинг бросился на выручку: тянется война. Но ты мог бы меня удержать, если бы попросил остаться и быть твоей любовницей.

— Ты думаешь, что я настолько эгоист? Заставить тебя действовать против совести? Когда мы вернемся, у меня будут… обязательства, и тебе не придется тратить свою жизнь на старика, который никогда не сможет дать тебе ничего

реального… — «Если я вообще там буду».

Она закрыла ему рот рукой. Он поцеловал её ладонь.

— Ш-ш, — сказала она. — Мы об этом подумаем позже, когда поймем, какой путь будет лучшим, менее жестоким. — И быстро добавила: — Понимаешь, мне почему нужно твое слово, немедленно, сейчас же. Мне надо, чтобы ты дал мне найти мой путь, как бы дело ни повернулось. Мне надо, чтобы я могла эти вопросы решать свободно.

Он кивнул. Она отпустила его, и он смог ответить:

— Да. Мне бы надо было ожидать от тебя такой просьбы. Свобода… — И он спросил себя, отчего же она поморщилась. Но она тут же настойчиво продолжила:

— Так ты обещаешь?

— Да.

Она обняла его.

— Спасибо, спасибо тебе! — Она старалась сдержать рыдания. — Я никогда ещё так тебя не любила!

Он старался её успокоить, как мог. На удивление быстро она подняла глаза с озорными чертиками и выдохнула:

— Я уже придумала, что бы это такое сделать, чему ты обещал не мешать. — И вскоре добавила: — Ага, я так и думала, что ты даже поможешь.

Позже, когда Ану повисла над вершинами пиков, они разложили костер и сварили ужин. Потом появились звезды и луны. Они немножко поспали и снова прильнули друг к другу.

Спасательный самолет прибыл в середине утра.

— Вот он летит! — крикнула Джилл. Спарлинг посмотрел туда, куда она показывала. С юга появилась слепящая искорка, увеличилась, приняла форму крылатой барракуды, пролетела высоко над ними, оставив за собой гром. Они наспех обнялись последний раз и выбежали из-под скалы и деревьев в жару и свет под обнаженным небом, чтобы их могли увидеть.

Самолет пошел на снижение. Джилл присвистнула.

— Это же большой Буджум, — сказала она. «Вицлипуцли, — узнал модель самолета Спарлинг. — Шесть пулеметов, три пушки, излучатель энергии и пара килотонных ракет». У него в голове чуть шумело, но это чувство вдруг исчезло от наплыва возбуждения.

Передатчик на руке пискнул. Он нажал кнопку,

и голос Дежерина спросил:

— Эй, на земле! Все чисто?

— Все чисто, — ответила Джилл. — Присоединяйтесь к компании.

Самолет так и сделал. У Спарлинга забилось сердце. Был ли офицер на борту один, как он говорил раньше? Датчики, компьютеры и прочее, но ведь машина все-таки слишком сложна для одного. «Мне бы немножко хотелось, чтобы он был с экипажем или…» Машина остановилась. Они побежали к ней.

Открылся люк, высунулся трап. Наверху появился Дежерин — тонкая фигура в хорошо подогнанной полевой форме. Он махнул рукой. Джилл махнула в ответ. Под ботинками дробно загрохотал металл.

Дежерин пожал им руки. Радостным было его пожатие. Но не казался ли он усталым, нервным, слегка подозрительным? «Ну после всего, что ему пришлось перенести… но при нем нет оружия. Нет оружия».

— Добро пожаловать, — пригласил их Дежерин. — Господи, до чего же я счастлив вас видеть.

Он смотрел на Джилл. «А куда же еще? Она говорила, что он вроде бы к ней неравнодушен. А

кто бы устоял?»

— Ты в самом деле прилетел сам, один? — спросила она.

— Да — ответил Дежерин.

Спарлинг испытывал и ликование, и горе.

— Мы можем прямо сейчас стартовать домой, — сказал Дежерин. — Полет захватывающий. Эта планета красивее, чем можно себе представить.

«Так почему же ты нам не даешь её спасти, ты, даже не сукин ты сын, а просто военная машина? Спарлинг, возьми себя в руки. Не устраивай истерик».

Они вошли, и люк закрылся. Кондиционированный воздух поразил прохладой и влажностью. По обе стороны от прохода виднелись какие-то приборы и оборудование.

Дежерин пальцем смахнул пот над щеточкой усов.

— Не представляю себе, как вы выдержали так долго в этой печи.

— Седрах, Мисах, Авденаго,[8] - пропела Джилл sotto oce.[9]

— Я привез еду, питье, лекарства и чистую

---

[8] Примечания: 8
Библейские отроки.

[9] Примечания: 9
Вполголоса. — *(ит.)*

одежду, — продолжал Дежерин, — Когда взлетим, я включу автопилот, а пока — могу я ещё что-нибудь сделать для вас до взлета?

Сейчас! И нет времени для сомнений или сожалений.

Спарлинг выхватил нож.

— Можете. — Собственный голос эхом отдавался у него в голове. — Вы можете приготовиться перебросить легион. Не двигаться! Это захват.

Джилл втянула воздух, оливковое лицо Дежерина побледнело, хотя он стоял на удивление спокойно, и его черты ничего не выражали бы, если бы не темные глаза.

— Это моя собственная идея, — сказал Спарлинг, — я Джилл даже не намекнул. Но мне известны обстоятельства — когда я подумал о том, что наша слабая и неуклюжая попытка из Примаверы может не сработать, в лучшем случае только дать временное облегчение, в то время как этот монстр может так запугать на всю оставшуюся жизнь любых воинов, которым удастся от него ускользнуть — понимаете? Я готов потом сдаться вам, предстать перед судом и понести наказание. Но я также готов и обезвредить вас и попытаться вести самолет самому, если вы не подчинитесь моим приказам.

— Иен! — её голос был, как звон стекла.

Дежерин прыгнул. Расстояние было малым, он был молод и свеж и прошел обучение рукопашному бою. Но Спарлинг легко ушел в сторону, ударил ногой и небрежным движением руки отправил противника в нокдаун.

— Больше не пробуй, сынок, — посоветовал инженер. — Ты умеешь, но я провел многие годы там, где мне пришлось научиться драться как следует, против иштарийцев. Этот нож — скорее атрибут, чем угроза.

Дежерин медленно поднялся на ноги, потирая ушибленные места, облизнул губы и медленно произнес;

— Если я откажусь — а я присягал служить Федерации, — вы почти наверняка разобьетесь. К управлению этой машиной не допускается ни один человек с квалификацией ниже мастера-пилота. Как же будет с Джилл?

— Я её отправлю обратно в Улу с каким-нибудь объяснением моего отсутствия, — сказал Спарлинг. Она рванулась вперед:

— Черта с два вы это сделаете, мистер!

— Черта с два я этого не сделаю, — ответил Спарлинг и добавил для Дежерина: — Я повторяю, она не состояла со мной в заговоре, она не знала

о моем плане и все время вела себя лояльно.

Джилл стиснула кулаки и топнула ногой.

— Идиот! Зачем же я, как ты думаешь, выманила у тебя обещание мне не мешать, что бы я ни делала? Я же задумала то же самое!

Он не мог взглянуть на нее, потому что должен был наблюдать за Дежерином и не дать ему дотянуться до Джилл. Он только уголком глаза мог заметить сверкнувшие белые зубы и горящие синие глаза. «Она бы так и поступила», это он знал.

И вслух:

— Это бред!

— Именно так, — быстро сказал Дежерин. — Перегрелась на солнце. Спарлинг, я понимаю, что вы честный человек, как бы вы ни заблуждались. Если я под принуждением сделаю то, что вы требуете, а потом вы сдадитесь, мы вернемся сюда и заберем Джилл. Но мы должны оставить её в безопасности.

Девушка выхватила нож.

— Нет. — Ее голос обрел непререкаемость, какой ни одному из мужчин ещё не довелось слышать. — Я в этом участвую, нравится это вам или нет. Напоминаю тебе твою клятву, Иен. Нарушь её — и тебе придется драться со мной. Этого ты хочешь? А теперь слушай. Если ты будешь с ним

один, у Юрия будет шанс тебя одолеть. Он сделает какую-нибудь фигуру высшего пилотажа он космонавт, и он моложе, он может вынести большую перегрузку, а ты потеряешь сознание. Тогда он выиграл. А если нас будет двое — слишком рискованно. Верно, Юрий? Против двоих у тебя не будет другого выбора. Твой долг будет требовать, чтобы ты вел машину — хотя бы потому, что двое болванов её не смогут вернуть Федерации без повреждений.

«Что бы я ни делал, я не смогу её сейчас оставить здесь. Она сожгла свои корабли». Осознание этого обрушилось на Спарлинга как удар.

Дежерин казался не менее ошеломленным. Плечи согнулись, он закусил губу, и воцарилось молчание. Наконец, не отводя от девушки взгляда, он заговорил:

— Правильно. Вы все рассчитали верно. Я буду вашим пилотом.

Он повернулся и повел их в рубку. Шел он распрямив плечи, но скованно. И Спарлинг подумал: «Он предполагал, что я так сделаю. Не Джилл, это был неприятный сюрприз, но именно я. И он подставился».

Взглянув на Джилл, Спарлинг прочел на её лице жалость.

«Она тоже все поняла».

Глава 23

Арнанак выхватил меч. Свет полыхнул на лезвии.

— Вперед! — крикнул он.

С яростным ревом две дюжины сильных воинов навалились на рычаги. И медленно, с треском и кряхтением, мост качнулся и пошел. Пыль и пепел курились над его колесами, из тучи пыли появлялись глаза, уши, носы, гривы. Солнце и Мародер нещадно жгли опустошенную равнину. Справа медью сияла река. Стены и выброшенная земля нереальными видениями смотрелись через марево нагретого воздуха.

Мост шел вперед, и Арнанак бежал рядом. Команда, двигавшая сооружение, нуждалась в воодушевлении, а его присутствие и щит легионера увеличат их шансы, когда они подойдут на расстояние выстрела.

И снова при взгляде на это грубое и уродливое устройство его наполняла гордость. Это он придумал и он свершил. Инженеры Союза никогда ничего подобного не делали — их противники не создавали крепостей, подобных Порт-Руа. Ходо-

вая часть от трех поставленных в ряд фургонов несла массивные бревна, выдававшиеся достаточно далеко, чтобы перехлестнуть через ров. Бревна уравновешивались сзади грудой камней. Массивная кровля защищала тех, кто двигал тяжеленную конструкцию. Ничто не могло бы её остановить, кроме прямого попадания самого тяжелого камня из требушета, и Арнанак потратил много жизней и оставшихся снарядов, чтобы заставить замолчать бастионы северной стороны.

С частокола свистели стрелы. Многие из них несли огонь и некоторые попали в цель. Но трудно было поджечь такие массивные бревна, тем более что их сплавили в плотах по реке из Тарханны и они хорошо промокли, да и потом их все время поливали специально для того приставленные воины с ведрами. И несмотря на жару, приятно было чувствовать слаженные усилия своих мышц, наваливаясь на рычаг.

Он все ещё не видел знамени Ларреки. С тех самых пор как Зера отбил его попытку штурма с реки, и Арнанак отменил все атаки, кроме обстрелов, и сосредоточился на завершении своего нового и неиспытанного устройства, сколько бы ни ворчали воины. Может быть, командир погиб? Если да, то спи спокойно, брат во Троих.

Но Ларрека хитер, и быть может…

Они достигли пролома!

Громом прокатился радостный рев тассуров, когда они увидели, как ударился мост в кладку надо рвом. Арнанак повернулся и поскакал назад. Усталая команда вытащила крепления, удерживавшие кровлю над мостом, и отходила под её прикрытием. На стене раздался сигнал трубы, прекращая бесполезную стрельбу лучников.

Арнанак дал сигнал, и двинулась следующая машина, последняя из отбитых у неудачливого отряда Волуа. Это было подвешенное на цепях бревно под кровлей, черепаха, рассчитанная на шестьдесят четыре солдата. Хотя медь крыши, защищающая от стрел, была зачернена, смотреть на неё под прямыми лучами солнца было невозможно.

— Готовьтесь ударить, — приказал Арнанак своим гвардейцам. Это слово прокатилось по всей орде. Мелькнули клинки во взвихрившейся пыли. Арнанак отошел в сторону, чтобы пыль не мешала видеть.

Издали ему просигналили флагом. Он засмеялся:

— Я так и знал!

Восточные ворота широко распахнулись, подъ-

емный мост опустился. Арнанак выхватил меч и перешел на рысь. За ним потоком хлынули его воины.

Теперь галопом! От доспехов впереди в глаза ударил свет. Из крепости вышел отряд — перехватить команду тарана, перебить её и захватить орудие, прежде чем оно достигнет крепостной стены.

Отряд был многочисленным. Легионеры, скорее всего, попытались бы отрезать воинам путь к отступлению. Однако, увидев нападающих тассуров, они перестроились из походной колонны в боевой порядок и контратаковали. Их потеря сильно ослабила бы гарнизон.

— Рассыпьтесь! — крикнул Арнанак. — Зигзагом! С разных сторон!

Как бы хорошо он ни натренировал своих воинов, не лишнее будет напомнить. Их дикарские способы битвы были слишком неглубоко похоронены.

Его приказ едва не опоздал. Портативные катапульты изрыгали целые пучки стрел, и они летели дальше, чем если бы стрельба велась из луков. Снова и снова смерть шелестела рядом. Арнанак видел воинов, падавших и катившихся по земле; некоторые поднимались и поворачи-

вали назад или шли вперед, другие оставались лежать в судорогах или неподвижно, и их пурпурную кровь жадно впитывала сухая земля. Но пораженных было мало, и почти сразу тассуры схватились с южанами вплотную.

Арнанак и восемь его телохранителей бросились на тройку легионеров в тяжелой броне. Звенели мечи, чавкали края щитов, врубаясь в живую плоть, сверкали топоры и мечи над щитами. Арнанак и его противник, сцепившись, напирали друг на друга, стараясь найти брешь в обороне врага. По шлему, по наплечникам и латам градом сыпались удары. Вокруг бились его товарищи. Легковооруженным, им трудно было противостоять тяжеловооруженному воину. Но пока их оверлинг вел с ним схватку, они старались пробиться в любую щель, в любой просвет между латами, найти незащищенное место. И наконец длинная пика вонзилась в низ живота легионера. Он взвизгнул, когда наружу вывалились кишки, упал на их груду и приготовился к смерти. Его товарищи, задавленные численным превосходством противника, были перебиты.

Арнанак увидел рядом легковооруженного солдата и атаковал. Тот легко мог бы уйти от тяжелого противника, но предпочел остаться со

своим взводом. Арнанак отбил его щит и разрубил легионера пополам.

И повсюду искусные меченосцы Улу торжествовали победу. Они проломили строй легионеров, о который чаще всего разбивались необученные варвары. Арнанак протрубил в рог. В барабанной дроби ног вперед ринулась вся орда, уничтожая рассеянных солдат.

Когда осела пыль, Арнанак увидел, что черепаха стоит на мосту напротив стены. Ударил таран. «Охай-я!» — испустил оверлинг радостный клич и повел туда войско своего клана. Нельзя было допустить вылазки, которая могла бы отрезать саперов. Они будут под сильным обстрелом, пока не проломят стену, а потом там появится лишь малая брешь, и защищать её будут отчаянно, но тассуры прорвутся. Сегодня они будут в Порт-Руа.

«А значит, через шестьдесят четыре года он будет в Сехале».

С неба раздался рокот. Арнанак всмотрелся. Какая-то металлическая фигура выплывала, будто из Дьявольского Солнца. У него вздрогнули сердца. «Люди! Что им здесь надо?»

От воздушного корабля отделился какой-то тощий силуэт и устремился в гущу воинов.

Небо раскололось в море огня и молний. Арна-

нака подбросило и понесло вверх. Грохот был так силен, что даже не был слышен, он наполнял все тело, овладевал им, был им, и каждая косточка кричала. Он ударился о землю, и она закачалась, как море. Он горел, и осколки души заходились в крике.

Но часть её держалась. Это был камень, который назывался Арнанаком, и хотя накатывались на него волны и волны огня, в глубине жила воля. В раскаленной добела слепоте, где метались яростные вихри, она собирала разорванную и уничтоженную душу Арнанака. И после миллионов возвращений Злой звезды собрала.

Он отогнал страдание и поднял глаза. Он лежал на земле, безмолвной, как пепелище, потому что он не слышал стонов умирающих, лежащих на куче мертвых, он не слышал вообще ни звука. С поля столбом поднялось облако, такое большое, что нельзя было поверить, и стало расширяться на вершине, как призрак огромного дерева феникс. Город не был поврежден, и брошенный таран стоял рядом со стеной. «Наверное, меня только задело краем взрыва», мелькнуло у него в голове.

«Нужно пойти и найти сыновей». Но ноги не слушались. Когда он увидел торчащие из-под

содранной шкуры острые обломки костей, он понял почему. Он приподнялся на руках и передних ногах, волоча за собой мертвую половину тела.

— Торнак, — хотел он позвать, — Уверни, Алко, Татара, Игини, — нет, ведь Игини погиб в Ласковом море, — Корвиак, Митусу, Навано, — гордостью и честью его были его сыновья, но он не мог припомнить их имен, — Кусарат, Юсайюк, Иннукрат, Алирнак, — друзья, жены, все, кто был ему дорог, всех собрал вихрь там, где темнота пожирала края сознания, — но он сам не слышал, есть ли у него голос.

— Люди, зачем? — казалось, воззвал он. — Я бы тоже стал вашим другом. Я бы принес вам мой Дар и моих дауров.

Всматриваясь вдаль, он не мог сказать, парит ли ещё в небе корабль-убийца, потому что его взгляд туманился все сильнее. И он не был уверен, что труп, возле которого ему пришлось остановиться, был телом кого-то, кого он знал. В водовороте его сознания мелькнула мысль, что это мог быть Торнак, но слишком он был изувечен, чтобы можно было сказать наверняка. Был ли он теперь близко к тому месту, куда ударило оружие?

Если, несмотря на слабость, он смог так далеко

добраться, то… то, может быть, не все убиты. Хорошо бы, если бы выжило достаточно много, чтобы вернуться домой и чтобы некоторые смогли пережить Огненную пору. Если люди не последуют за ними как мстители — но зачем? Это им не нужно. Они всемогущи.

Арнанак вздохнул и прилег отдохнуть. Наступала Ночь.

Слишком быстро для сна смерти? Нет. Не должно быть. Он не допустит. Он не животное, чтобы просто умереть, он — оверлинг Улу.

Он поднял меч и взмахнул им.

— Отдай мне мою честь, — сказал он не имеющему лица. Свет соскользнул со стали. Меч ударил в гущу летавших вокруг черных крыльев, зазвенел по когтям и клювам. Они завывали вокруг, эти вихри.

Арнанак шел вперед. Он шел через свистящий серый вереск, где было так холодно, что от мороза звенел меч. Вереск цеплялся колючками, но котурны предохраняли от них. На спине лежали тюки, к ним были приторочены доспехи, с плеч свисал щит, основная тяжесть его приходилась на горб. Арнанак высоко нес голову и уверенно смотрел вперед. Правая передняя — левая задняя, левая передняя — правая задняя…

Труби, рожок, барабан, бей!
Эй, дружок, пиво допей!
Девки, прощайте, без нас не скучайте,
Последний раз, хозяйка, налей!
«Топай в поход, топай в поход», —
Труба с барабаном зовут.
А пусть их лучше черт поберет,
А я бы остался тут.
Шагай на границу, шагай на границу,
Там новые девки ждут.
Пока им снится, пока им снится,
Как Скороходы идут.
Не хочешь ли ты, солдат, обручиться
С девкой костлявою тут?
Хватит лениться, хватит лениться.
Трубы в поход зовут.

И так шагают Скороходы Тамбуру. И присоединился к ним Зера, потому что надо взять мост.

— Что за зимнюю страну выбрал я родиться! — сказал Ларрека, добавив грязное ругательство. — Единственная хорошая вещь в Хаэлене — это корабль, что увозит тебя оттуда.

— Моя родина понравится тебе не больше, —

предупредил Арнанак.

— Так оно и оказалось. Но ведь мы с тобой должны были пройти через этот мир.

— Ты жалеешь?

— Конечно, нет.

— И я нет.

Мост был тонок, как лезвие клинка. Он дрожал и трепетал над ущельем, где океан низвергался в ад. Стоявшие на нем наводили ужас.

— Их надо взять натиском, — решил Арнанак. Ларрека согласился. Надев доспехи, он взял сталь в левую руку. Это разумно, когда двое идут щитом к щиту, прикрывая друг друга.

Арнанак метнул копье. Оно загорелось в гуще врагов. За ним рванулись он и Ларрека. Хей! Они повергли врагов в пучину вод и прошли.

В дальней стороне была пустая и сухая земля, горы терялись в небе, долины казались выжженными шрамами под солнцами.

Огонь обжигал кости.

— Теперь ты понимаешь, почему они воюют? — спросил Арнанак. — Но идем. Я знаю дорогу.

Они все собрались в зале Улу, чтобы радостно приветствовать их сыновья, товарищи, любимые и любящие, из одних тесных объятий в другие. Он провел Ларреку к месту, которым гордился. Здесь

воздух был холоден и слегка мрачен, хотя свет ламп вспыхивал на оружии, развешанном по стенам. И всю ночь звенело веселье. Пир шел горой, они хвастались, пили, любили женщин, рассказывали истории, боролись, играли, пели песни, не уставая, и помнили помнили — помнили.

А на рассвете мужчины снова надели оружие, сказали последнее «прости» и вышли. Охай-я, что за вид открылся им! Склоненные среди знамен копья, развевающиеся плюмажи, клинки и топоры, щиты грянули, и единым криком встретило войско своих предводителей.

— Настало время! — позвал Арнанак, и Ларрека крикнул:

— Иаи!

И с радостью шагнул каждый тассур и каждый легионер, погибшие в боях, в которых рубились они вместе, и вверх по спиральному пути, туда, где ждал их напора вечный красны хаос Бродяги.

Глава 24

Джилл плакала. Спарлинг прижал её к груди; они расположились на заднем сиденье в рубке. Его лицо было непроницаемо, как забрало шлема, и только рот чуть скривился и горели угольно-сухие глаза.

Слезы медленно катились по щекам Дежерина, отдаваясь горьким вкусом во рту. Время от времени его пробирала дрожь. Но руки его уверенно управляли приборами, а мозг просчитывал их показания.

Кратер взрыва блестел черным, почва спеклась в стекло.

Волнистая воронка не была широка — ракета была точным инструментом, рассчитанным на малый радиус поражения и минимум жесткого излучения. Конечно, совершенной она не могла быть. Вокруг лежало кольцо убитых и раненых, тех, кто не превратился в пар. Чтобы наказать самого себя, он увеличил изображение какого-то случайно выбранного места. Какая-то часть этого мяса двигалась, и это было хуже всего.

Он не мог этого вынести и включил энергети-

ческую пушку. Ударил гром, и через минуту на земле лежали только дымящиеся угли. Может быть, можно было спасти кого-то при соответствующем лечении, но откуда его взять?

«Прости меня, отче, — взмолился бы он, если бы мог, — ибо я не ведал, что творил». Никогда раньше он не видел настоящего сражения. Но он чувствовал, что не может молиться, и лишь звенели в нем слова:

«Так! На скользких путях поставил Ты их, и низвергаешь их в пропасти. Как нечаянно пришли они в разорение, исчезли, погибли от ужасов! Как сновидение по пробуждении, так Ты, Господи, пробудив их, уничтожишь мечты их. Когда кипело сердце мое и терзалась внутренность моя» — Джилл перестала плакать. Тихий и дрожащий, прозвучал её голос:

— Со мной все о'кей. Спасибо, милый. Страшное было зрелище. Я даже представить себе не могла, что так может быть. Но я только потрясена, я не убита и не изувечена.

— Спокойней, девочка, — сказал Спарлинг.

— Пока не могу, дорогой. — Девушка поднялась. Дежерин слышал звук её шагов. Ее рука протянулась над его плечом. — Вот, возьми, — сказала она. В руке она держала ножи — свой и

Спарлинга. Пока самолет приближался к цели, вооруженные Джилл и Спарлинг сидели в креслах второго пилота и штурмана. Возьми их.

— Мне они не нужны, — ответил Дежерин.

— Чтобы все выглядело как надо, когда мы вернемся. — Джилл бросила их себе под ноги. Лезвия звякнули. Он беспомощно встретил взор её голубых глаз.

— Что же мне делать?

Она обошла вокруг своего кресла и села, не потрудившись привязаться.

— Прежде всего следует произвести разведку вокруг, — сказала она. С каждым словом жизнь возвращалась к ней.

Казалось, все тяготение Иштар навалилось на Дежерина; тем не менее самолет слушался малейшего движения. Медленно кружа, он облетел километры территории. На экранах было одно и то же: варвары в панике бежали, по воде и по суше. Тем временем Спарлинг занял третье сиденье, вытащил табак и трубку из кармана куртки, набил, разжег и затянулся. Запах табака поплыл как воспоминание о Земле. К нему вернулось спокойствие. Наконец он без всякого выражения спросил:

— Как вы думаете, сколько на нашем счету?

Дежерин дважды сглотнул, потом ответил:

— Две или три тысячи.

— Хм-м, это из тех как минимум пятидесяти тысяч, что мы видели?

Дежерин надтреснуто засмеялся:

— Шесть процентов. Они дешево отделались. Приходится по какой-то тысяче на брата.

— На Мундомаре творится похлеще. А кроме того, в здешнем гарнизоне гораздо больше трех тысяч, и каждый из них был бы убит или умер медленной смертью за несколько лет рабства на самой тяжелой работе.

Спарлинг наклонился поближе и мягко произнес:

— Поверьте, мне никакой нет радости от того, что мы сейчас сделали. Я не чувствую себя правым. Но и виноватым себя не ощущаю. И мы ваши вечные должники. Ваши, Юрий. Вы предложили один большой удар. Я думал, что на них надо будет охотиться с пулеметами.

— А какая, Христа ради, тут разница?

— Морально — никакой. Но их погибло меньше, и большая часть даже не успела понять, что погибает. А кроме того, — Спарлинг на минуту замолк, кроме того, это племя воинов. Пули или химические бомбы их бы притормозили, но я

не думаю, чтобы остановили надолго. Они бы сменили тактику, изобрели бы защиту, крали бы у нас оружие, изготовляли бы копии его и снова шли бы в бой до скончания веков, пока не была бы перебита вся их раса, или не погибла бы цивилизация на Иштар, или мы сами не сдались бы на их милость. А вот после того, что было сегодня, — я не думаю, чтобы они вернулись.

— И ещё одно маленькое замечание, — сказала Джилл. — Теперь наши люди не должны будут совершать налет из Примаверы и смогут вернуть на место то, что они, так сказать, позаимствовали. Это ведь позволит тебе закрыть дело, верно, Юрий?

Дежерин коротко кивнул.

— Что делать теперь? — спросил он.

— Ты теперь хозяин, — ответила Джилл, как бы удивившись пустоте в его голосе. Она заговорила быстрее, даже живее. — На самом деле стоило бы связаться по радио с легионом, успокоить их, дать советы — слушай, а мы можем приземлиться? Переночевать? Осмотреть лагерь варваров? Кто знает, может быть, удастся найти этот предмет с Таммуза. Или нескольких дауров. Этим бедняжкам наверняка понадобятся помощь и утешение.

Осмотр самой большой палатки показал, что

странные маленькие существа, похожие на морских звезд, здесь наверняка были. Но они ушли, сбежали в ужасе ещё большем, чем тот, что испытывали варвары. По рассказам Джилл Дежерин представил себе, как они пробираются по стране, которая им ничего, кроме голода, предложить не может, и даже сам удивился, как ему хочется верить, что они доберутся до Старкленда живыми.

Звездный куб дауры с собой не взяли. Дежерин с благоговением отнес его в свой самолет.

Когда он вошел в ворота Порт-Руа, солдаты отсалютовали ему, как своему спасителю. Приветственных криков не было. Спарлинг объяснил, что они слишком устали, слишком многих потеряли в этот день. Радость победы придет потом. Остаток дня был посвящен работе похоронных команд за пределами стен.

Нежданно задул суховей, раскаленный, как из горна, обдирающий кожу. Он гнал тучи пыли, и Бел стал таким же красным, как Ану.

— Мы выстоим, — сказал временный командир Иразен, — если получим подмогу.

Он обращался к людям в кабинете, который раньше принадлежал Ларреке. Это была оштукатуренная комната с глинобитным полом, почти пустая, только на полу лежало несколько

разноцветных матрасов и на полках по стенам немногочисленные книги и сувениры. Знамя с изображенным на нем коротким мечом висело напротив места Иразена. Окна были закрыты от бури. Тусклое пламя желтых фонарей источало острый теплый запах, но жара была не так беспощадна, как снаружи.

Дежерин переводил взгляд с похожего на льва существа, которое также служило цивилизации, на сидящих рука об руку Джилл и Спарлинга и с них снова на командира. Джилл переводила. Какой тонкой и светлой казалась она! Пламя фонаря сияло в её волосах и отражалось в зрачках.

— Что мне ему сказать? — спросила она, когда молчание затянулось.

— Скажите ему… — Dieu m'assiste[10] — да что тут можно сказать? — Дежерин развел руками. — Он наверняка думает, что Земля изменила свою точку зрения. У вас хватит духу сказать ему правду?

— Нет, нет, — прошептала она. — Я не настолько смелая. — Повернувшись к Иразену, она произнесла, запинаясь, несколько коротких фраз. Иштариец пророкотал ответ, который, казалось,

---

[10] Примечания: 10
Помоги мне, Боже. — *(фр.)*

чуть облегчил ей душу.

— Я объяснила, что это был особый случай, что ты превысил свою власть и что Земля больше военной помощи не предоставит. Он не был разочарован. В конце концов, они думают, что Конфедерация Валеннена этого удара не переживет. Теперь останутся разрозненные банды, иногда даже враждующие между собой. Он ещё сказал… что пока существует Зера Победоносный, наши имена будут в его списках.

— Наверное, блокада будет снята, как только эти новости перелетят через море, — ответил Дежерин. И неожиданно для себя добавил: — А если нет, я её прорву!

Джилл перевела дыхание. Спарлинг испустил замысловатое ругательство. Девушка перевела слова Дежерина солдату, и тот стиснул плечи Юрия до боли.

«Ну и дурацкое же обещание я дал, — подумал офицер-человек. — Откуда я знаю, что смогу его выполнить? И почему я не унываю?» Он посмотрел на Джилл и понял почему.

Или все же он не прав? Она не принадлежит ему. Им со Спарлингом предстоит космическое путешествие и суд, и это может связать их друг с другом на всю оставшуюся после отбытия нака-

зания жизнь. Он, Юрий Пьер Дежерин, ничего, кроме неприятностей, не приобрел. Откуда же это ликование?

«Однако я не думаю, что меня позовут на помощь. Пираты немедленно разбегутся по домам для встречи — как они её называют — Огненной поры. А если нет — я могу найти предлог для того, чтобы ускользнуть одному и выполнить задачу втайне».

Чувство кровавой вины вернулось опять. «Да, я способен потопить корабль с разумными существами, беспомощными против меня».

Джилл подмигнула:

— Мы на тебя не настучим, — поклялась она. — Верно, Иен?

— Никогда и ни за что, — подтвердил тот. Чувство вины опалило Юрия, как огнем.

Снова заговорил Иразен. Джилл и Спарлинг несколько умерили свою радость.

— А теперь что? — спросил Дежерин, пытаясь справиться с сердцебиением.

— Он говорит, — девушка крепче взяла за руку своего спутника, — он говорит, что он — не Ларрека. Он сделает все, на что способен, но легион больше не сможет здесь себя прокормить, и, если Союз не будет их снабжать, они отойдут.

Она попыталась улыбнуться.

— Не хмурься, Юрий, — добавила она. — Валеннен уже не представляет угрозы, как раньше, а Зера будет наготове на юге.

— Но будет лучше, если вы… то есть если они смогут остаться? - спросил Дежерин.

— Конечно, — ответил Спарлинг. — Вы же из Космофлота — посмотрите на карту. Здесь ключевой пункт защиты Огненного моря, который позволяет уберечь цивилизацию на этих островах и в Северном Бероннене и иметь ресурсы, доступные для применения в других местах — ресурсы, которые будут очень нужны даже в лучшем случае и жизненно важные, если мы, Примавера, не сможем им помочь так, как собирались.

Джилл кивнула. Пряди волос скользнули по её шее. В груди у Дежерина взорвалась сверхновая.

— Что с тобой? Юрий, с тобой все в порядке? Он осознал, что прошла минута или больше. Она поддерживала его за талию. У неё и у Спарлинга на лице читалась самая искренняя забота о нем. Иразен, почувствовав это, протянул руки, как бы предлагая любую помощь, на которую способен чужак.

— Oui… Cavabien, merci. Une idee[11]… - Дежерин встряхнулся. — Пардон, мне надо подумать.

Он сел, подняв колени, взялся за виски, глядя на разноцветный матрас, и — нет, мыслей не было, но как волна умиротворения пришло понимание.

Наконец он поднялся. Он понял, почему эти двое с таким легким сердцем готовы были идти в тюрьму. Та же сила теперь звенела и в его словах.

Он не то чтобы стал красноречив. Он скорее запинался и искал пути, чтобы передать открывшееся ему. Он хотел бы обладать, или хотя бы уметь воспринимать иштарийское искусство слов.

— Друзья мои, я не знаю, что вы можете ему сказать. Пожалуй, лучше всего будет не обещать ничего. Скажите, что ограниченные поставки наверняка будут. Скажите, что мы верим, что Союз не оставит их в нужде и что цивилизация дальше не отступит. Entre nous,[12] могу вас заверить, что все работы на базе будут приостановлены. Все, чем вы располагаете в Примавере, возвращается

---

[11] Примечания: 11
Да… Все хорошо, спасибо. Есть идея… — *(фр.)*

[12] Примечания: 12
Между нами говоря. — *(фр.)*

вам. И Космофлот постарается вам помочь в меру своих возможностей.

— Ах, Юрий, — пропела Джилл, и её голубые глаза на миг заволоклись слезами.

— Святой Иуда! — сказал Спарлинг таким голосом, каким можно было бы объявить прощение предателю.

Дежерин быстро продолжал. «Нужно лишить себя возможности отступления».

— Почему? Потому что внутри я чувствую так же, как вы.

И у меня оставалось все меньше и меньше уверенности в том, что я поступаю правильно. Поэтому я и полетел на север забирать вас с туманной идеей, что Иен может захватить самолет и заставить меня сделать то, что мы сделали. Если бы ему это удалось, вина была бы не моя, верно? И последствия легли бы на его совесть. А вы… все стали бы ко мне относиться лучше, хоть меня и заставили. Но я не ожидал, что эти последствия лягут и на вас тоже, Джилл. Я не знал, каково жечь людей, которые не могут ответить ударом на удар. Неважно, добрыми или дурными были их побуждения — ответить ударом на удар они не могут. Вы, когда попадете на Землю, должны быть свободны от этого чувства. Но убивать — этого

мало. Мы должны помогать и строить. Я командир. Мои люди с удовольствием последуют тем приказам, которые я буду отдавать, пока меня не сменят. Примавера останется в Федерации, а мы трое, когда за нами пришлют, будем говорить от имени Иштар. Теперь понимаете?

— Я понимаю, — сказал Спарлинг. Джилл кинулась к Дежерину и поцеловала его.

Эпилог

Свой рассказ мы закончили глубокой ночью. Эспина как будто знал все наперед, настолько остры и точны были его вопросы. Он не ослабил внимания, хотя мы, моложе его на два поколения, устали. Но сказав наконец: «Yo comprendo…»,[13] он закрыл глаза, и в комнате воцарилась тишина. Только дедовские часы продолжали говорить, и медленное тикание казалось падающими каплями времени.

Все это время свет был приглушен. Час за часом мы смотрели на вращение звездного колеса. Теперь звезды окружали голову Эспины тусклой короной, а край неба на востоке засеребрился. В страхе и надежде мы ждали.

И вновь вперился в нас взгляд орла, и сверкнули из-под морщинистых век яркие глаза.

— Прошу прощения, — сказал президент Федерального Трибунала. — Я не должен был томить вас неизвестностью, но я должен был все обдумать.

— Разумеется, сэр, — промямлил я.

---

[13] Примечания: 13
Я понял. — *(исп.)*

— Вы, несомненно, интересуетесь, не хотел ли я просто поиграть с вами, как кот с мышью…

— Нет, нет, сэр!

Эспина усмехнулся:

— Я вам не дал даже намека на свои истинные цели и фактические намерения. Я не мог этого сделать, иначе бы я не получил столь полной откровенности. Вы, возможно, думали, что, представив свое дело так, как вы хотите, вы могли бы убедить меня вынести вам мягкий приговор. А возможно, вы считали, будто я потакаю своему любопытству или холодной жестокости и изобрел для вас более тонкую пытку, чем разрешено законом. Но что бы там ни было, это уже почти позади.

Он посуровел:

— Почти. Прежде чем я все объясню вам, придется причинить ещё одну боль. Вы должны осознать, насколько серьезны выдвинутые против вас обвинения.

Вы, Иен Спарлинг, и вы, Джилл Конуэй, совершили акт пиратства в отношении военного судна государства, находящегося в состоянии войны. Вы нарушили не только приказ, что само по себе уже преступление, но основные законы самой федерации. После этого вы, Юрий Дежерин, офицер

Космофлота, продолжили это нарушение. Пользуясь подложными приказами, вы приостановили ход вверенной вам операции и использовали подчиненных вам людей, а также приданные средства для гражданских целей, не относящихся к вашей задаче. Плюс к тому, вы действовали в постоянном сговоре, что является уголовным преступлением per se.[14]

Да, я понимаю, что вы все это уже слышали. Теперь же я узнал от вас более подробно, чем в нескольких эмоционально заряженных фразах, ваше оправдание: вы помогали отдаленной, негуманоидной, технически отсталой цивилизации, не интересной никому, кроме ученых, ваши действия были направлены на помощь нескольким тысячам местных жителей, которые в противном случае не устояли бы, на сопротивление завоеванию, не имевшему, в случае своего успеха, никакого значения для Земли. Короче говоря, вы поставили свои мелкие цели и суждения выше суждения любого властного органа и каждого из нескольких миллиардов частных лиц и присвоили себе право действовать соответственно. Так почему бы во искупление этого вам не распла-

---

[14] Примечания: 14
Само по себе. — *(лат.)*

титься всей оставшейся жизнью?

Перед лицом подобной суровости я оставил свои мечтания, и думаю, что мои товарищи сделали так же. Но не все и не более чем на один удар часов. А потом Джилл выпрямилась на стуле, и её голос ответил:

— Сэр, что бы мы ни сделали, закон, на страже которого вы стоите, дает нам права. В том числе право быть, черт возьми, услышанными! И публично! Какого черта мы иначе, как вы думаете, пошли, как бараны, под арест, когда за нами приехали? Мы могли взять запас пищи и уйти в глушь, где нас ни одна собака не нашла бы, не то что ваши одомашненные сыщики! Но мы хотели, чтобы Земля знала правду!

Мы с Иеном приняли у неё эстафету.

— Да, — сказал Иен, — капитан Дежерин связан дисциплиной Космофлота, но мы с мисс Конуэй — нет. И ваши закрытые слушания, и содержание нас incommunicado незаконны с точки зрения Хартии Мировой Федерации. Ваш Трибунал может вынести приговор, но не имеет права лишать нас возможности высказать свое суждение.

— Так же, как и Космофлот, — добавил я. — И это одна из причин, по которой я всегда гордился своей формой — надеюсь, мне не придется начать

её стыдиться.

Эспина встретился с нами взглядом. Часы пробили час.

Он улыбнулся.

— Отлично, — сказал он. — Я не думал, что он может говорить так мягко. Я оцениваю ваш дух так же высоко, как и ваше терпение. Чувствуйте себя свободно. Ваша пытка окончена.

Он нажал кнопку на подлокотнике. В его голос вернулся металл.

— Эта её часть окончена, — поправился он. — То, что будет дальше, будет во многих смыслах хуже. Понимаете ли, рассказанное вами подтверждает то, что мне было ясно по моим собственным расследованиям; теперь пробелы заполнены. Господу известно, что я не милосерден, но я стараюсь быть справедливым. Когда заседания суда возобновятся, слушания будут открытыми. Теперешние слухи о процессе обеспечат всемирную рекламу. Мы пройдем по всем этапам — от предъявления обвинения через разбирательство, ваше признание вины к приговору, который мои коллеги, разумеется, планируют крайне жестким. Затем я своей властью вас полностью оправдаю.

Следующих нескольких минут я не помню — помню только, как мы трое обнялись и смеялись

сквозь слезы.

Когда мы успокоились, оказалось, что слуга принес бренди. Это был благородный благословенный коньяк. В ответ на наш тост согбенный в свете поздних звезд Эспина закурил ещё одну сигарету, закашлялся, выдохнул дым и сказал тем же твердым голосом, что и прежде:

— В сущности, вы планировали получить громкое дело, чтобы вызвать рост симпатий к Иштар, достаточный для возобновления поставок. Сегодня вы помогли мне прийти к окончательному решению. С моей помощью — а я сделаю все для того, чтобы процесс оказался сенсационным, — вы просто вызовете бурю. Приготовьтесь. Вы не знаете, как это отнимает силы — быть символом. Мои намерения идут гораздо дальше. С точки зрения долговременных расчетов ваша цель и больше, и значительней. Но с точки зрения ближайшего будущего она связана с моей. Я хочу положить конец войне.

Он выдохнул дым и решительно отхлебнул коньяка, а мы погрузились во внутреннее спокойствие, вызванное изнеможением.

— Конец войне. — Его лицо мумии исказила презрительная гримаса. — Этой бессмысленной, беспощадной, несправедливой, бесконечной

войне. Единственное, что мы должны были сделать, — это предложить свою помощь в урегулировании конфликтов. Мы же вместо этого из романтизма или чего-то ещё превращаем друзей во врагов. Из чистой сентиментальности мы сами стали мясниками. Из чувства вины мы берем на себя во сто крат большую, чудовищную вину. И настало время положить этому конец. Это можно сделать. Земля и Накса могут договориться и установить условия, не слишком несправедливые для каждой стороны. Во всяком случае, не такие несправедливые, как то, что старые остаются жить, когда молодые умирают. Этого подспудно хочет вся Федерация, потому что наши затраты и жертвы возрастают беспредельно и безрезультатно. Но это желание пока что подспудное. Политики, средства массовой информации — практически никто не хочет взять на себя инициативу. Они просто не затрагивают политически неудобную тему о мирных переговорах. И вас я использую, чтобы их подхлестнуть.

Он снова улыбнулся, взмахнув рукой, держащей сигарету.

— У меня, конечно, есть и свои эгоистичные причины, — признался он. Его смешок прозвучал как соударение двух сухих ветвей феникса под

вихрем Огненной поры. — Какая прекрасная последняя битва! Они закричат о моем импичменте, о проверке нормальности, о пересмотре Хартии, чтобы сместить меня с поста, обо всем, что может подсказать истерия мести. А я буду драться с ними по-своему… И выиграю я или проиграю, вам о себе тревожиться не надо. Вы будете защищены законом о непривлечении к повторной ответственности. Но и вы тоже должны будете драться.

В его голосе прозвучал сарказм:

— И не бойтесь, что вам придется стать модными радикалами. Оставьте речи, манифестации, бунты, статьи в желтых журналах, единение с великим делом, проповеди, в которых Бог не упоминается, потому что не имеет к ним отношения, — оставьте это обезьянам. А ещё лучше — просто откажитесь от этого, отвергните. Вы должны быть просто свидетелями правды. Это окажется не так легко, как вы думаете. Интеллектуальный истеблишмент, противостоящий вам, будет располагать хорошими пикадорами и жонглерами. Тяжелее всего будет оставаться спокойными, разумными и — да, правдивыми.

Его губы скривились:

— Что за правду можете вы сказать? Как на вас

лично сказалась это ненужная война? Возможность предотвратить смерть миллионов существ, что вполне могут превосходить нас с точки зрения вечности, поставлена под сомнение. Поставлена в опасность высокая цивилизация, которая, как мы знаем наверное, может нас чему-то научить и в не очень отдаленном будущем занять достойное место в межзвездном сообществе. Вы были свидетелями разрушения и горя, в которых совсем не было необходимости, и, кроме того, гибели двух лидеров, которые могли бы работать вместе ради неисчислимых благ, если бы мы дали им шанс. И Земля… на Иштар Земля потеряла доверие лучших умов, доверие, которое не так легко будет восстановить. Земля потеряла выдающегося офицера — хотя вы будете прощены, капитан Дежерин, Космофлот не сможет себе позволить не списать вас. — И снова у него в лице проглянула неожиданно мягкая улыбка. — Я позволю себе сказать, что они предложат вам место вне Космофлота, где вам будут рады.

И он продолжил так же мягко:

— Вы доставили также сведения о целой разумной расе и реликты от сильного исчезнувшего народа; каждое такое открытие — это открытие новой вселенной. Но чтобы развить эти откры-

тия, понадобится помощь всего Союза, и, более того, надо будет помочь народу Валеннена, чтобы он помог нам в ответ. А для этого нужен мир! Я думаю, что в течение примерно года Земля поймет, в чем заключаются её истинные интересы.

Он уронил голову на грудь. Даниэль Эспина тоже был всего лишь смертным.

Мы вскоре попрощались, и слуга разбудил нашего пилота, который должен был доставить нас туда, где нас содержали.

Мы ждали его снаружи. Воздух был тих, холоден и невероятно чист. Солнце уже высветило пики, и по их гранитным склонам заскользили тени, а небо стало сапфировым.

— Год, — вздохнул Иен. С каждым вздохом выходил белесый пар. — Или максимум два. А потом отправимся домой. «И если нам повезет, начнем нашу работу», — подумал я.

— Как ещё долго, — ответила ему Джилл. Они больше не прятали от меня своих секретов, как и я от них — своих. Нас было трое, но этот час принадлежал им. — Тебе бы вызвать сюда Роду.

— Как она сможет приехать, — возразил он, хотя и знал ответ.

— Судья это устроит. Ты не был бы сам собой, если бы его об этом не попросил. — Она распра-

вила плечи. — А пока что… Потом… Ладно, мы посмотрим.

Она не стала говорить о том, что любить и быть любимым приносит и обязанности. Ее взгляд сказал мне, что я тоже вхожу в это «мы».

Пришел пилот. Джилл повела нас к флаеру. Идя вслед за ней, я лелеял в душе надежду.